УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ДЕСНИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Материалы межгосударственной научной конференции "История и археология Подесенья", посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР, участника Великой Отечественной войны ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ЗАВЕРНЯЕВА (28.II.1919—18.VI.1994)

Брянск, 1995

Редакционная коллегия:
В. П. АЛЕКСЕЕВ, Г. П. ПОЛЯКОВ, В. Н. ГУРЬЯНОВ

Оформление художника В. И. Романова
Редактор Е. И. Прокофьев

Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Брянск: 1995 — 188 с. 1000 экз.

Издание сборника материалов профинансировано Администрацией Брянской области.

ISBN 5-88898-062-5

В сборник вошли материалы научной конференции, посвященной памяти археолога и краеведа Ф. М. Заверняева, 30 лет проработавшего в Брянском краеведческом музее. Подвижнический труд Федора Михайловича позволил ему сказать свое веское слово в археологии, которое было услышано и по достоинству оценено не только в России, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья. На конференцию, проходившую в Брянске 25—27 апреля 1995 г., собрались многие видные ученые и краеведы России, Украины и Белоруссии.

© Брянский областной
краеведческий музей

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Алексеев В. П. Слово о Федоре Михайловиче Заверняеве 6
Библиография работ Ф. М. Заверняева 7
Шинаков Е. А. Подесенье как историко-культурный регион 9
Щавелев С. П. Деснинская экспедиция М. В. Воеводского и ее вклад в археологическое изучение Курского края 12

АРХЕОЛОГИЯ

Каменный век и эпоха бронзы

Тарасов Л. М. Мустьерские стоянки Верхней Десны 15
Абрамова З. А. Особенности сюжетного искусства в палеолитических памятниках Верхней Десны 18
Праслов Н. Д. Об одной головке женской статуэткииз Хотылево II или к вопросу о портрете в палеолитическую эпоху 21
Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В. Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Хотылево II 23
Селезнев А. Б. Технология первичного расщепления стоянки Хотылево II 25
Чубур А. А. О мамонтах с верхнепалеолитической стоянки Хотылево II (по материалам раскопок Ф. М. Заверняева в 1969—1981 гг.) 28
Сергин В. Я. Об ориентировке входа в палеолитических жилищах . . 30
Григорьева Г. В. Орудия охоты позднепалеолитической стоянки Юдиново 31
Грудинкин Б. В. Поселения каменного века на левых притоках Верхней Десны 33
Чубур А. А. Стоянка Савлуково I (материал к Своду памятников) . . 36
Ксензов В. П. Первый этап днепро-деснинской культуры 37
Наумова Т. В. Новый памятник иеневской мезолитической культуры в бассейне Верхней Оки 39
Рикунов А. Н. Несколько бронзовых изделий из находок в Рогачеве 42

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Шмидт Е. А. Днепро-двинская культура раннего железного века в верховьях Десны 44
Апальков А. Н. О времени появления памятников юхновской культуры в Посеймье 47
Шевченко Ю. Ю. Почепские древности Десны — хронология связей 48
Шарова О. А. Глиняные пряслица Почепского селища и две традиции в изготовлении пряслиц 1 тыс. н. э. 51
Падин В. А. К истории славян Подесенья 54
Массалитина Г. А. Об одном типе построек в верхнем Подесенье и Поочье 58
Енуков В. В., Енукова О. Н. Курганы у д. Артюшково на Сейме 60

Уманец А. Н., Шевченко Ю. Ю. Эволюция Чернигова к X в. в контексте Киеворусской государственности 63

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Коваль В. Ю. Проблемы типологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси 67
Болдин И. В. К вопросу о технологии приготовления формовочных масс в гончарном производстве XI—XVII вв. . . . 70
Сарачев И. Г. Возможности использования керамики для уточнения исторических фактов (на материале одного поселения Новгород-Северского Подесенья) 72
Модестов Ф. Э. Амулеты — коньки и культ богини плодородия . . . 75
Черненко Е. Е. Змеевики в собрании Черниговского исторического музея 79
Шинаков Е. А. Камерные захоронения Среднего Подесенья 81
Прошкин О. Л. К вопросу об иноэтничном населении Верхнего Подесенья в эпоху Древней Руси 85
Гурьянов В. Н. К вопросу о расселении кривичей на севере современной Брянщины 87
Стародубцев Г. Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса 90
Чеплянская Е. А., Ющенко Н. Е. Археологические работы на севере Стародубского района 92
Карпов Д. Н. Итоги предварительной археологической разведки бассейна р. Болвы в пределах Дятьковского района Брянской области 93
Новик Т. Г., Шевченко Ю. Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи 96

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Моця А. П., Готун И. А., Коваленко В. П. Полесское село в древнерусской истории (по материалам поселения Автуничи) 100
Готун И. А. Некоторые данные о системе застройки древнерусского поселения Автуничи (по материалам 1989 г.) . 103
Поляков Г. П. Городище у д. Антоновка под Брянском 106
Слюнченко Ю. И. Старопочепское городище 110
Шекун А. В. Поселения второй половины XIII—XV вв. в междуречье Десны и Днепра 113
Шевцова Л. В. Керамический комплекс древнерусского колодца 115

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Андрощук Ф. А. Чернигов и Шестовица 118
Игнатенко И. М. Древнейший княжеский двор Черниговского детинца 121
Поляков Г. П. Окольный город летописного Дебрянска (по материалам раскопок Ф. М. Заверняева в 1976—1979 гг.) . 123
Зайцев В. В. К вопросу об археологической локализации летописного Болдыжа 127

Метельский А. А. Предварительные итоги археологического изучения Кричева 130
Игнатенко И. М., Кузьмина Е. В. Раскопки усадьбы Черниговского ремесленника сер. XIII —нач. XIV вв. 132
Клянин Р. В. Хозяйственный комплекс с летописного города Корнике 136

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОДЕСЕНЬЯ

Раздорский А. И. О возникновении княжеского стола в Курске . . 137
Енуков В. В. Курское княжение в монгольское время 140
Прокопенко А. М. Вкладные книги Брянского Свенского Успенского Новопечерского монастыря редакции 1649 и 1699 гг. 143
Дубровский А. М. Северский край после Смуты: упадок и возрождение хозяйства 146
Гараничев В. В. "План обороны Смоленска" Виллема Гондиуса как археологический источник 148
Непомнящая В. Н. К вопросу о появлении описных раскольничьих слобод в Стародубье 150
Алексеев В. П. Население Брянского уезда в XVII в. 153
Грищенко В. П. О промышленном строительстве XVII в. (по материалам исследований Городищенских доменных и железоделательных заводов) 158
Печикина Н. В. Брянское земство в 60—90 гг. XIX в. 160
Геец Н. Я., Бирюков С. Н. Разгром Текинского конного полка на территории Брянщины в ноябре 1817 г. 163
Иванюшина А. М. Классификация и анализ документов по теме "Положение православных религиозных общин на Брянщине в 1917—1927 гг." 165
Колосов Ю. Б. Женщины Брянщины в Великой Отечественной войне 168
Черникова О. Из истории Одрино-Николаевского монастыря . . . 171
Гридин С. Ю. О некоторых особенностях историософии Ф. И. Тютчева 174
Луферов А. М., Бирюков С. Н. Сол Юрок — легендарный импресарио из Погара 178
Пусь В. М. Изразцы малороссийской части Брянщины 179
Черныщов С. В. Исследование декора крестьянского жилища Брянской области, как элемента народной культуры . 183

В. П. АЛЕКСЕЕВ (Брянск).

СЛОВО О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ЗАВЕРНЯЕВЕ

Федор Михайлович родился 28 февраля 1919 г. в бедной семье. Его предки с давних лет проживали в г. Почепе. Со школьных лет он увлекался археологией, занимался в кружке Почепского дома пионеров, участвовал в археологических раскопках в с. Юдиново Погарского района под руководством известного белорусского археолога К. М. Поликарповича. Перед Великой Отечественной войной поступил на работу в Почепский краеведческий музей.

Во время войны испытал все ее тяготы: служил в группе советских войск в Иране, был направлен на фронт, попал в плен, испытал ужасы нескольких немецких концлагерей, где не раз смотрел в лицо смерти. Страстная любовь к жизни помогла ему все преодолеть; после освобождения он снова принял участие в боевых действиях. Закончил войны в звании лейтенанта, награжден орденом Отечественной войны.

Демобилизовавшись из армии и переменив несколько работ, Федор Михайлович пришел в Брянский областной краеведческий музей, где долгие годы проработал сначала научным сотрудником, а затем — заведующим отделом истории дооктябрьского периода. Заочно закончил исторический факультет МГУ. За четыре десятилетия подвижнического труда им исследованы десятки археологических памятников, начиная с древнего каменного века вплоть до эпохи Древней Руси. Наиболее значительные из них: Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение (около 100 тысяч лет до н. э.), являющееся самым северным памятником мустье, а возможно даже ашеля, на территории России; Хотылевская верхнепалеолитическая стоянка (28—25 тыс. лет до н. э.) с уникальными находками произведений искусства древнекаменного века; неолитическое поселение (5—3 тыс. лет до н. э.) "Черепеньки" в Брянске, городище юхновской культуры у с. Полужье Выгоничского района; знаменитое Почепское селище I—III вв. н. э., до сих пор являющееся наиболее исследованным, опорным памятником археологической культуры, получившей по названию этого памятника наименование "почепская".

Много сил и труда Федор Михайлович отдал изучению археологических памятников древнерусского времени, находящихся в черте современного г. Брянска. Под его руководством проводились археологические раскопки на комплексе, расположенном в урочище "Чашин Курган", месте основания и первоначального местонахождения летописного Дебрянска.

Все найденное Федором Михайловичем в ходе археологических, а также историко-бытовых экспедиций на территории Брянской области поступило в фонды Брянского музея и послужило основой для создания целого ряда экспозиций и выставок как отдела истории дооктябрьского периода головного музея, так и многих его филиалов.

Перу Заверняева принадлежит солидная монография "Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение", вышедшая в свет в издательстве "Наука"; свыше 30 научных статей и столько же научных отчетов. Научное наследие Ф. М. Заверняева нашло признание не только на территории бывшего СССР, но и за рубежом. Отзывы на его работы публиковались в научных изданиях Великобритании, Германии, Франции, США. На месте его раскопок в Хотылеве проводились международные советско-французский в 1981 г. и советско-американский в 1989 г. симпозиумы археологов-палеолитчиков.

Горячо влюбленный в археологию и историю, Ф. М. Заверняев был страстным пропагандистом результатов археологических исследований, автором десятков статей научно-популярного характера в различных газетах и журналах.

В связи с 1000-летием Брянска, за многолетний подвижнический труд Федору Михайловичу было присвоено почетное звание "Заслуженный работник культуры РСФСР".

До последних дней своей жизни Федор Михайлович был полон энергии и новых творческих замыслов, в частности подготавливал к изданию в Бельгии монографию о стоянке Хотылево II. Однако, 18 июня 1994 г. его жизнь оборвалась.

В личной жизни Федор Михайлович был идеальным семьянином, в тяжелые послевоенные годы воспитавшим и поставившим на ноги четырех дочерей и сына. Это был вечный труженик, для которого работа в музее была смыслом жизни.

После смерти Федора Михайловича осталось значительное рукописное наследие. Это и текст монографии о Хотылево II, и несколько томов дневников и воспоминаний о жизни археолога, археологические отчеты и статьи. Все это необходимо хранить, а по возможности и издать.

Труд и жизнь Ф. М. Заверняева будут служить примером преданности и самоотверженности на благородном поприще археологии, музейного дела и краеведения.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВА

1. Археологические находки возле г. Почепа // КСИИМК, 1954 г. Вып. 53.
2. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском // КСИИМК, 1957. Вып. 64.
3. Погар и его археологические памятники // Брянский краевед. 1976. № 8.
4. Поселения эпохи бронзы на Десне // КСИА АН УССР, 1960. Вып. 10.
5. Почепское селище первых веков нашей эры // СА, 1960. № 4.
6. Селища бассейна р. Судость // СА, 1960. № 3.
7. Заверняев Ф. М., Шмидт Е. А. Новая находка нижнего палеолита на Верхней Десне // СА, 1961. № 1.

8. Пеший и водный маршруты по археологическим и историческим местам р. Десны на территории Брянской области // Брянский краевед, 1961 № 2—3.

9. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. — Брянск, 1961.

10. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны // СА, 1964. № 1.

11. Почепское селище // МИА. М., 1969. № 160.

12. Зарубенецкие памятники Верхнего Подесенья // Древние славяне и их соседи. — М., Наука, 1970.

13. Новая верхнепалеолитическая стоянка в районе Брянска // Археологические открытия. 1969. М., 1970.

14. Нижнепалеолитическое местонахождения у с. Хотылево на Десне // Палеолит и неолит СССР. т. 6. —Л.: Наука, 1971.

15. Памятники каменного века в районе с. Хотылево на Десне // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1972. № 39.

16. Хотылевское палеолитическое местонахождение // Советская археология, 1972, № 1.

17. Положение рабочих Брянского края в к. XIX — н. XX веков // Брянский краевед, 1973, № 5.

18. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА, 1974. N 4.

19. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // Брянский краевед, 1974. № 7.

20. Селище в устье р. Госомы // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука. 1974 г.

21. Новые археологические находки в с. Хотылево // Брянский краеведческий музей, 1976. № 8.

22. Кремяни заготовкы среднепалеолитычного мисцезнакхожденыя Хотыльове // Археология, 1977. № 23.

23. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА, 1978. № 4.

24. Хотылевское палеолитическое местонахождение. Ленинград. 1978.

25. Гравировка на кости и камне хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА, 1981. № 4.

26. Заверняев Ф. М., Гопак В. Д. Железные изделия почепского селища // СА, 1981. № 1.

27. Из дневника сотрудника музея // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. Брянск, 1991 г.

28. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА, 1981. № 4.

29. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА, 1991. № 4.

30. У истоков древнего искусства // По следам народного искусства. Тула, 1991.

31. Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплексов на Хотылевской верхнепалеолитической стоянке // Материалы научных конференций 1992 года — Брянск, 1993.

Е. А. ШИНАКОВ (Брянск)

ПОДЕСЕНЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ РЕГИОН

Уникальность бассейна Десны состоит в том, что фактически во все археологические эпохи и исторические периоды его население воспринимало различные культурные воздействия и, творчески их перерабатывая, создавало свои особые культурные типы. Во все времена Подесенье, в широком понимании термина, включающем Посеймье, как его особый район, являлось областью, где скрещивались различные культуры, племена и народы. В эпоху мустье прослеживаются параллели с северной Францией, выявленные на материалах Хотылевской стоянки, которую фактически всю свою научную жизнь исследовал Ф. М. Заверняев. В верхнем палеолите, при господстве в Подесенье относительно единой мезинской культуры, также прослеживаются влияния более восточной костенковской группы памятников под Воронежем. На протяжении неолита сменяют друг друга и взаимодействуют импульсы, идущие с территории Белоруссии, с севера, из Подмосковья, с юга, от скотоводов степей и лесостепей Украины. В эпоху бронзы начинает сказываться на хозяйственных особенностях региона его расположение в нескольких ландшафтных подзонах — от степей до хвойных лесов. С запада заселяют Подесенье племена среднеднепровской культуры боевых топоров, с востока оказывают воздействие поволжские-абашевские, а затем поздняковские, возможно, ираноязычные племена. В эпоху поздней бронзы все Подесенье занято наследниками среднеднепровцев, возможно, предками балтов — носителями культуры, названной по городку Сосница на Десне, в Черниговской области Украины.

С появлением железа, производимого, в отличие от привозной бронзы, уже из местных болотных руд, в бассейне Десны прошла главная для Восточной Европы 1 тыс. до н. э. этническая граница — между иранским (скифским) миром к югу от Сейма и балтским — к северу от него. Вся Десна от истоков до устья была занята родственными днепро-двинской и юхновской, а в верховьях Снови — и милоградской культурами, носители которых — балтские племена — оставили многочисленные гидронимы, начиная с самого названия Десна ("сияющая", "светлая" (Топоров, 1988. С. 176)). Кое-где в топонимике Подесенья остались следы и более древних — финно-угорских — племен эпохи неолита (Болва, Надва?). Рубеж нашей эры и первые пять столетий ее 1 тысячелетия явились своеобразными "темными веками" в истории Нижнего (Черниговского) и Среднего (большей частью Брянского) Подесенья. Кому только ни приписывали сменявшие друг друга зарубинецкую, почепскую (честь ее открытия принадлежит Ф. М. Заверняеву), киевскую культуры! И славянам, и балтам, и германцам, и бастарнам, и роксаланам с росомонами, и некоему неизвестному индоевропейскому народу, и их "смесям" в разных вариантах и пропорциях. Верхнее, Смоленское, в основном,

и частично Брянское Подесенье сохраняло культурную и этническую (балтскую) стабильность почти вплоть до образования Древнерусского государства.

Славяне заселяют Подесенье с юго-запада, в VI в. достигая регионов Трубчевска и нижней Судости, где и оставили свои древнейшие, общеславянские по происхождению, топонимы (Судогость, Радощ, Случск (Купчинский, 1980)) и одно из самых северных местонахождений пеньковских (антских?) древностей — Трубчевский клад*.

Все Верхнее и большая часть Среднего Подесенья, включая север Посеймья, в это же время (VI—VIII вв.) заселено племенами тушемлинской и колочинской культур, в первых из которых видят бесспорных балтов, наследников днепро-двинцев, во-вторых — разные степени смешения балтов со славянами, либо, как крайности, — "чистых" славян и балтов**.

В IX в. начинается та волна славянского заселения бассейна Десны, которая к концу XI в. привела к ассимиляции последних остатков балтского населения. В Верхнее Подесенье продвигаются кривичи и смешанное общерусское население из района Смоленска, вятичи по долинам Болвы и Снежети достигают Десны с востока в черте современного Брянска. Все Среднее Подесенье от Брянска до Сосницы, включая южную половину течения Судости, занимают волынцевская и роменская культуры (кстати, одно из самых северо-западных роменских поселений в окрестностях Почепа было также обнаружено Ф. М. Заверняевым). Нижнее Подесенье в конце IX в., а к середине X в. и часть Среднего (течение р. Снов и Стародубское ополье), входят в состав исконной "Русской земли" (в данном случае не суть важно, какой народ, племя или социальная группа скрывались в ту эпоху за этнонимом "русь"). Пограничный между Верхним и Средним Подесеньем физико-географический район — Брянское, а также Присудостьское ополье (в эпоху Древней Руси — летописная волость "Подесенье") — заселялся "русью", выходцами из разных племен и общерусским христианским населением. Радимичи достигали долины Десны с запада, узким клином, проходящим по лесной полосе к югу от р. Белизна, зажатым между кривичским Дубровским предополье и "общерусским" Брянским опольем. В центре Трубчевского ополья — сначала роменской (северянско-вятичской), а затем разноэтничной Кветуни — встречены и дреговичские женские захоронения. Кроме того, в глухих лесных районах Верхнего и Среднего Подесенья в

*Впрочем, один из ведущих элементов пеньковской культуры — пальчатые фабулы — встречены еще севернее: в бассейне Надвы в Клетнянском полесье Брянской обл. и на северном притоке Десны — Болве — в пределах Калужской обл.

**Имеется и особая точка зрения (Лебедев, 1989), в соответствии с которой все три части культуры (Банцеровская — в Белоруссии, тушемлинская в Смоленском Поднепровье и Верхнем Подесенье, колочинская — восточной Белоруссии и Среднем Подесенье) составляют этнокультурное единство и принадлежат до расселения славян в конце I тыс. н. э. неустойчивой прабалтославянской общности.

начале древнерусской эпохи встречаются островки балтского населения, судя по некоторым топонимическим данным (Голяжье, Голяшовка, например) — голяди (Крашенинников, 1990). Встречено (в Кветуни) и чудское захоронение, в Левенке — скандинавское.

Т. о., в X — середине XII в. Подесенье заселено представителями шести этнокультурных групп восточного славянства из 12 (а с конца X в. — еще меньшего количества (без тиверцев и уличей)) вообще существовавших, правда, только для одной из них (северян) Подесенья являлось главным центром расселения. Наиболее пестрым в этнокультурном плане являлась северная (брянская) часть Среднего Подесенья, что до сих пор сказывается в этнографическом ее районировании.

В природно-хозяйственном плане Подесенье сочетает в себе разные типы полесий, степь, лесостепь, полосу ополий и долинно-зандровые леса левого берега Десны между лесостепью и полосой ополий, а также ряд переходных ландшафтов и пойменные земли. Наиболее специфичным типом ландшафта являются ополья — островки лесостепной растительности и почв (в X в. — даже черноземных) внутри лесной зоны. Из 12 ополий Восточной Европы 6 целиком находятся в бассейне Десны, а одно (Мещовское) почти вплотную подходит к верховьям северного ее притока — Болвы.

Ландшафтная пестрота породила разнообразие пахотных орудий: через Подесенье проходили границы распространения плуга, разных типов рала (полозного, безполозного, кривогрядильного), несколько позднее — сохи.

Именно в районах наиболее плодородных почв и наибольшей концентрации сельскохозяйственного населения — опольях — и возникают наиболее древние и многочисленные средневековые города, зарождение трех из которых — Стародуба, Трубецка и Брянска — можно, по-видимому, отнести ко второй половине X в. Кстати, удревнение возраста Брянска более чем на полтораста лет благодаря раскопкам на посаде у городища "Чашин Курган" — еще одна из заметных вех научного пути Ф. М. Заверняева.

В XII в. Подесенье в разной степени поделено между пятью княжествами — Киевским, Переяславским, Смоленским, Черниговским и Новгород-Северским, — хотя только для двух последних оно составляет главную часть их территории. Кроме того, из всех княжеств Древней Руси лишь земли Черниговского в настоящее время принадлежат трем восточнославянским государствам — Украине, России и Белоруссии.

Таков, вкратце, историко-культурный очерк Деснинского региона, написанный на основе данных археологии, многие из которых были введены в научный оборот благодаря трудам Ф. М. Заверняева и многие страницы которого помогут дописать межгосударственные научные конференции такого уровня, как эта — первая, посвященная его светлой памяти.

С. П. ЩАВЕЛЕВ (Курск)

ДЕСНИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ М. В. ВОЕВОДСКОГО И ЕЕ ВКЛАД В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУРСКОГО КРАЯ

Начало самостоятельной профессиональной деятельности ныне здравствующих российских археологов старшего поколения связано, главным образом, с пред- и послевоенным периодами — 1940—50-ми гг. Это время на наших глазах становится достоянием истории науки об отечественных древностях, причем одной из самых ярких, поучительных ее страниц. Однако для сохранения должной памяти о советских археологах этих лет сделано пока очень мало. Первые объективные исследования по истории советской археологии ограничиваются преимущественно судьбами этой науки в 1920—30-е гг.[1] Из этих работ, между прочим, видно, как беспощадны оказались сталинские репрессии к представителям гуманитарной интеллигенции. Археологи принадлежали к числу тех профессиональных "цехов" советского общества, кого аресты, расстрелы и концентрационные лагеря выкашивали практически полностью, целыми поколениями. Так в 1929—33 гг. были изведены буквально под корень украинская и белорусская школы археологов[2].

Возглавившему после этого археологию в Киеве, на базе Украинской АН, ленинградцу Л. М. Славину пришлось приглашать на раскопки специалистов из Москвы и Ленинграда, где их было и уцелело побольше. В числе других его приглашение принял Михаил Вацлавович Воеводский. Он еще с конца 20-х гг. продолжал работы репрессированного М. Я. Рудинского по изучению палеолита в бассейне Десны (стоянки у сел Пушкари, Чулатово). Деснинская экспедиция под руководством М. В. Воеводского действовала в 1936—40 и 45—48 гг. Первый отрезок ее полевой практики связан собственно с Подесеньем, а второй — с Курским Посеймьем. Переход из одной культурно-исторической области в другую, хотя и близкую географически, археолого-исторически, оказался для Воеводского, его коллег и учеников достаточно напряженным, моментами даже драматическим. Пришлось на ходу совершенствовать методику раскопок, исправлять невольные ошибки в ней (об этом правдиво рассказала, в частности, М. Д. Гвоздовер[3]), привлекать новых сотрудников, включая местные краеведческие силы.

Первый запрос Воеводского директору Курского краеведческого музея датирован 20 января 1940 г. В нем предполагается "провести, кроме археологической разведки по Сейму, небольшие раскопки на палеолитической стоянке "Сучкино" (ныне — с. Октябрьское Рыльского района — С. Щ.), ...поездка с целью предварительного обследования и описания феодальных центров XI—XIII веков"[4]. Однако война отодвинула эти планы. Только в 46 г. коллектив Воеводского

начал раскопки под Курском на открытой в июне 41 г. здешним краеведом В. И. Самсоновым и очень богатой находками типа Костенок-1 палеолитической стоянке в с. Авдеево, а также на расположенном по соседству, в с. Липино славянском городище VIII—XIII вв. с обширным поселением, курганным и бескурганным могильниками. Как и его учитель (опять-таки репрессированный) Б. С. Жуков, М. В. Воеводский, имея четкий фокус своих научных интересов — каменный век, был, вместе с тем, прекрасно подготовлен к изучению всех остальных периодов древней истории на территории Восточной Европы. Кроме содержательной своей стороны (по среднеазиатским — М. В. уроженец Самарканда — и киргизским древностям, памятникам палеолита и неолита лесной зоны Европейской части СССР, Подесенья в особенности), труды Воеводского выгодно отличались интересом и опытом в области методики полевых и камеральных исследований (прежде всего относительно керамики). Деснинская экспедиция под его руководством выступила с новаторским почином комплексного изучения памятников разных эпох — от палеолита до русского средневековья — в определенном историко-географическом регионе. До сих пор археологические работы такого масштаба и системности проводятся скорее как исключение из общего экспедиционного правила — достаточно спорадического и асинхронного.

М. В. Воеводский оказался признанным лидером и умелым руководителем археологов разного возраста, опыта и профиля научных интересов. Через Деснинскую экспедицию с бесспорной пользой для своих научных судеб прошли многие видные тогда же или впоследствии исследователи: А. Е. Алихова (Воеводская), Н. П. Амбургер (Киев), А. В. Арсентьев (Брянск), Л. В. Артишевская, М. Д. Гвоздовер, М. Н. Кислов, И. Г. Лейкина (Розенфельдт), Н. К. Лисицына, О. Н. Мельниковская, Т. Н. Никольская, Р. Л. Розенфельдт, А. А. Формозов (любезно поделившийся с нами воспоминаниями о полевых сезонах 47—48 гг. у Воеводского), П. Н. Черменский (Курск). Кроме них — сотрудники Музея антропологии при МГУ — М. А. Булатова, А. Я. Гриневич, Н. И. Ильенко, а также студенты-практиканты исторического и биологического факультетов МГУ и Курского пединститута, сотрудники Курского краеведческого музея во главе с упомянутым В. И. Самсоновым.

Представление об условиях и результатах работы экспедиции М. В. Воеводского на Курской земле дает впервые публикуемый ниже документ из фондов Гос. архива Курской области (по машинописному автографу, подписанному Воеводским):

"Основные результаты археологического исследования Курской области в 1948 г.

...Институтом истории материальной культуры совместно с Курским областным музеем с 1947 г. организована специальная экспедиция для изучения археологии Курского края. В текущем году прово-

дились большие раскопки палеолитической стоянки у с. Авдеева. Стоянка представляет собой обширный охотничий лагерь с огромными скоплениями костей мамонтов, носорогов, северных оленей, песцов и др. животных, служивших объектами охоты. Поселение это относится к ледниковому периоду и имеет древность 50—60 тысяч лет (впоследствии датировка Авдеевской стоянки была уточнена в сторону занижения, в среднем, вдвое — С. Щ.). Кости животных являются кухонными отбросами, запасами топлива и материалом для изготовления орудий. Большое скопление костного угля свидетельствует о холодном климате, когда Курская область была покрыта тундровой растительностью и дерево являлось редкостью. Кости, служившие для изготовления орудий, — бивни и ребра мамонтов — были тщательно уложены в кучи. Один из таких складов целиком привезен в Курск и выставлен в зале музея. Из кости изготавливались прекрасные наконечники копий, ножей для снимания кожи, шилья, мотыжки для выкапывания съедобных корней и предметы искусства. Последних найдено несколько десятков — орнаментированные пластинки бивней и несколько скульптурных произведений. Среди них поражают тонким изяществом ноги животных и два скульптурных изображения женщин.

Инструменты для обработки кости и большинство орудий изготовлялось из кремня. Кремневых орудий найдено много тысяч и среди них великолепные, тонкоотделанные наконечники копий и долота для рубки кости.

Стоянок этого типа с большим количеством предметов искусства и великолепной техникой обработки кремня на территории СССР известно несколько десятков. Они свидетельствуют о высокой культуре уже в древнекаменном веке.

Вторым отрядом экспедиции производилось изучение остатков древнерусского города у с. Липина. В текущем году собирался материал по ремесленному производству и топографии отдельных частей города. Нахождение большого количества железных шлаков говорит о местной выплавке железа, а большое количество прекрасных ювелирных изделий — ожерелий из штампованных бляшек, стеклянных браслетов и других предметов — о высоком уровне ремесла в домонгольской Руси даже в небольшом городе, имя которого не упоминается в летописи (согласно последней версии на сей счет В. В. Енукова, здесь располагался летописный Липецк, центр Липовечского княжества[5] — С. Щ.). Основное количество украшений было добыто при раскопках могильщиков на территории города. Липинское городище представляет большой интерес для изучения городской культуры на Руси, т. к. его обширная территория сейчас ничем не застроена, в то время как исследование наших крупнейших древних центров — Киева, Новгорода, Чернигова и др. затруднено тем, что на их месте сейчас расположены большие современные города.

Начальник экспедиции, профессор (Воеводский)"[6].

М. В. Воеводский скончался в 45 лет от рака сразу после своего последнего полевого сезона — 23 октября 1948 г. Его светлой памяти посвящены два сборника научных трудов — "Краткие сообщения ИИМК" и "Ученые записки МГУ" по материалам Деснинской экспедиции, а кроме того — повесть Ю. А. Липкинга "Кудеяров стан". Археологические исследования в Курском Посемье продолжали его ученики и коллеги.

---

[1]См. прежде всего: Формозов А. А. Археология и идеология (20—30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2.

[2]См. еще: Конференция "Время, памятники, люди: памяти репрессированных археологов". Минск, октябрь 1993 // Археологический бюллетень. 1993. № 3.

[3]См.: Гвоздовер М. История одной находки // Культурно-просветительная работа. 1955. № 4. С. 52—56.

[4]ГАКО. Ф. 3139. Оп. 8. Д. 20. Л. 3.

[5]См.: Енуков В. В. Летописные сказания 1283—1284 гг. и география округи Курска // Вопросы истории и краеведения. Курс, 1994. С. 125.

[6]ГАКО. Ф. 3139. Оп. 8. Д. 20. Л. 110—110 об.

Л. М. ТАРАСОВ (Санкт-Петербург)

МУСТЬЕРСКИЕ СТОЯНКИ ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ

На территории верхнего течения Десны известно 7 стоянок мустьерской эпохи, которые локализуются на участке около 25 км правобережья и приурочены к трем населенным пунктам — Хотылево, Бетово и Неготино. Первые сведения о мустье на Верхней Десне относятся к 1939 г., когда у северной окраины д. Неготино, на бичевнике вблизи высокого берегового склона и в отложениях морены В. А. Хохловкиной был собран кремень со следами искусственной обработки и в их числе отщепы мустьерского облика. В начале 80 гг. в зачистке основания склона на 4,8 м выше уровня реки выявлены отложения перемытой рисской морены мощностью до 45 см, залегавшей на зеленоватых сеноманских песках и содержащей обработанный кремень и обломок сильно фоссилизованной кости. Кремневый инвентарь составляет 50 экз., в основном отщепы. Орудий 15: зубчатые, выемчатые, с обушком, с двусторонне обработанным краем, мелкий скребок, тесловидное, чепперовидное. Кремень интенсивно заполирован и имеет весьма архаичный облик.

Хотылево I представлено тремя основными пунктами концентрации культурных остатков вдоль высокого берегового склона у с. Хотылево. Открыто Ф. М. Заверняевым в 1958 г. и исследовалось на площади около 500 м^2 — 6 раскопов-врезок и 3 шурфа. Культурные остатки связаны со слоем галечника — аналогом перемытой рисской

морены в Неготино, — перекрытым 20 м лессовой толщей. Фауна — мамонт, шерстистый носорог, бизон, зубр, лошадь, благородный и северный олени, бурый медведь, волк, выхухоль. Кремневый инвентарь насчитывает около 18 тыс. экз. Нуклеусы 1614 — дисковидные, черепаховидные, плоские. Заготовки 8121 — пластины 19,6%, левалуа 28,0%. Орудий 883: остроконечники, скребла, зубчатые, выемчатые, резцы, сверла, проколки и др., бифасы 10,0%.

В период 1971—1984 гг. Деснинской экспедицией была открыта и исследовалась группа мустьерских стоянок, в основном, в районе д. Бетово. Стоянка Бетово приурочена к высокому борту деснинской долины у северо-восточной окраины д. Бетово. Культурный слой связан с гумусированным песчаным уровнем в основании 5—6 м толщи лесса, изучен на площади 465 м^2. Фауна: мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бык (бизон ?), северный олень, песец, выдра, степной хорек, ласка, заяц беляк, степная пищуха, а также 13 видов мелких грызунов и 5 видов птиц. Крупные кости сконцентрированы в средней части стоянки и представляют, видимо, остатки разрушенного жилища. Кремневый инвентарь составляет почти 10 тыс. экз., нуклеусы дисковидные односторонние, параллельного расщепления, торцовые. Заготовки 1716 — пластины 5,4%, леваллуа 0,6%. Орудий 1080: скребла, скребки, мелкие скребки, резцы, ножи с обушком, проколки, клювовидные, стамесковидные, тесловидные, резак, острия, зубчатые, выемчатые, рубящие, мелкие бифасы, листовидные. Имеется поделка из метаподия мамонта в виде кубка высотой 5,5 см. Палинологические данные и фауна грызунов указывают на природное окружение перигляциальной лесотундростепи.

Коршево I находится в 1 км к юго-западу от стоянки Бетово, занимает мыс у истока ручья Коршовка и включает 3 культурных слоя: неолитический, позднепалеолитический и нижний-мустьерский. Последний связан с 15—20 см гумусированным уровнем основания 2 м толщи лесса, подстилаемой слоем мела и изучен на площади 162 м^2. Кремневый инвентарь насчитывает 884 экз. Нуклеусы поперечные, торцовые, радиальный, подпризматический. Заготовки 175 — пластины 13,7%. Орудий 117 — скребла, скребки, мелкие скребки, ножи с обушком, резцевидные, острия, проколки, с усеченным концом, клювовидные, стамесковидные, зубчатые, выемчатые, тесловидные, крупные бифасы, обушковые орудия с двусторонне обработанным рабочим краем. Бифасы составляют 1,7%. По палинологическим показателям основные площади занимали северо-среднетаежные леса.

Коршево II находится рядом с Коршево I — на таком же мысу, по другую (западную) сторону ручья и тоже содержит 3 культурных слоя. Нижний — мустьерский залегает в аналогичных условиях, изучен на площади 161 м^2. В центральной части обнаружен углубленный очаг с углисто-зольным заполнением, вокруг которого размещались крупные обушковые орудия. Кремневый инвентарь насчиты-

вает 1413 экз. Нуклеусы плоские продольные, торцовые, поперечный. Заготовки 547 — пластины — 1,5%. Орудий 206 — скребла, тесловидные, клювовидные, стамесковидные, мелкие скребки, ножи с обушком, резцевидные, проколки, острия, зубчатые, выемчатые, крупные обушковые. Палинологические показатели свидетельствуют о широком распространении средне-южнотаежных сосновых лесов.

Лебедевка находится в 150 м юго-восточнее стоянки Бетово, за оврагом. Памятник не имеет стратиграфической привязки, представлен сборами на ограниченной площади. Коллекция содержит 837 экз. расщепленного кремня. Нуклеусы плоские односторонние, торцовые, радиальные, грубо-призматические насчитывают вместе с фрагментами 77 экз., что составляет 9,9% всего инвентаря. Изделий с вторичной обработкой 60 экз. — скребла, ножи с обушком, скребки, провертки, зубчатые, выемчатые, с двусторонней обработкой края, с резцовым сколом, с подтеской, снятия с ретушью. Большинство таких орудий отличается нечеткостью выделения рабочего края. Памятник следует рассматривать как мастерскую по обработке кремня.

Неготино на Руднянке находится на северной окраине д. Неготино, приурочено к левобережному склону притока Десны — речки Руднянки, в 150 м от ее устья. Раскопом площадью 15 м^2 вскрыт уровень перемытой рисской морены мощностью до 0,5 м, как и в Неготино подстилаемой зеленоватым сеноманским песком. В нижней половине слоя морены содержался фрагментированный плиточный кремень, а также и изделия из него. Кремневый инвентарь насчитывает 120 экз. Нуклеусы дисковидные односторонние, плоский, кубовидный. Орудий 26 — скребла, выемчатые, зубчатые, с двусторонне обработанным краем, резцевидные, скребки, проколки, резак клювовидный, нож с обушком, резчик. Как и в Неготино, кремень сильно заполирован, имеет сходство в наборе орудий и тоже отличается общей архаичностью.

Все эти стоянки представляют самый северный рубеж Русской равнины, освоенный палеолитическими охотниками в мустьерскую эпоху. Неготино, Неготино на Руднянке и Хотылево I объединяет залегание в отложениях рисской морены, которая была размыта, вероятно, в начале вюрма. Высокий удельный вес изделий с вторичной обработкой в инвентаре Неготино и Неготино на Руднянке позволяет относить их к разрушенным поселениям, а ярко выраженная архаичность кремневого инвентаря допускает возможность датировать и домустьерским временем. Хотылево I включает несколько самостоятельных пунктов обработки кремня у его выходов, которые можно рассматривать как кремнеобрабатывающие мастерские. На это указывает очень высокий удельный вес и нуклеусов, и продуктов расщепления. Наличие же разнообразных законченных орудий с высоким совершенством оформления и следами утилизации свидетельствует, надо полагать, и о находившемся на этой территории стационарном

поселении, разрушенном общим размывом. В результате этого его материалы оказались перемешанными с многочисленным расщепленным кремнем мастерских. Датируется Хотылево I, видимо, началом мустьерского времени. Коршево I, обладающее крупными бифасами, связанное с самым основанием гумусированного уровня и залегающее в средней части такого же уровня Коршево II являются сохранившимися на месте недолговременными поселениями и датируются ранним мустье, а по палинологическим показателям относятся к ранневюрмскому потеплению Броруп. Бетово представляется как стационарное поселение, тоже сохранившееся на месте. Разнообразный и развитой кремневый инвентарь позволяет относить эту стоянку к позднему этапу развитого мустье, периоду среднего вюрма, на что указывают и палинологические данные, и состав фауны грызунов. Лебедевка, судя по высокому удельному весу нуклеусов и расщепленного кремня при крайне несовершенном оформлении имеющихся орудий, должна быть отнесена к разряду мастерских и датирована, скорее всего, концом мустьерской эпохи.

З. А. АБРАМОВА (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОГО ИСКУССТВА В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ

Одной из несомненных и едва ли не самой важной из заслуг опытного археолога и выдающегося краеведа Ф. М. Заверняева является открытие и исследование верхнепалеолитической стоянки Хотылево II. К сожалению, Ф. М. Заверняев не успел завершить монографическое издание этого замечательного памятника, но опубликованные им статьи достаточно полно отражают характерные черты и особенности деснинского палеолита на среднем этапе развития. Согласно имеющимся данным естественных наук, Хотылево II относится к самой начальной поре осташковского оледенения (в пределах 25—23 тыс. лет назад) и по своим материальным остаткам сопоставляется с яркой костенковско-авдеевской археологической культурой. Немалую роль в этой констатации сыграли многочисленные и разнообразные произведения искусства, изготовленные преимущественно из бивня мамонта, и в настоящее время самые древние в этом регионе.

Особое внимание привлекают женские статуэтки. Их три. Наибольшим своеобразием отличается статуэтка № 1. Головка ее повреждена, но по оставшейся части можно судить об ее исключительно малых размерах по отношению к общей высоте тела. Узкому и плоскому торсу с сохранившейся достаточно объемистой левой рукой противостоит сплошная масса грудей-живота, часть которой отслоилась и утрачена. Очевидно, раздельные груди имели шаровидную форму и нижняя часть живота нависала над маленьким выпуклым

лобковым треугольником. Спина покатая и сутулая, ягодицы умеренных размеров, но бедра кажутся значительно более мощными со спины, чем спереди. Таким образом, существует определенная диспропорция между верхней и нижней частями тела, которая отличает эту фигурку от всех известных палеолитических статуэток и, прежде всего, от гармоничных и соразмерных фигурок Костенок1-Авдеева. Упомянутая Ф. М. Заверняевым в качестве аналогии, фигурка из Леспюг характеризуется уравновешенностью закругленных, даже несколько геометризованных объемов. У хотылевской статуэтки к тому же отсутствуют признаки стеатомерии.

У другой статуэтки (№ 3, по Ф. М. Заверняеву) довольно крупная головка в характерной позе наклонена вперед. Округлые груди, нормальной толщины руки, сильно выступающий живот напоминают трактовку этих частей тела у предыдущей фигурки. Сутулая широкая спина и округлые ягодицы противостоят тощим бедрам и тонким ножкам, из которых левая сломана на уровне колена, правая — целая, с короткой искривленной голенью и слабо выступающей стопой. Ф. М. Заверняев отметил, что эта статуэтка, несмотря на некоторые отличия, близка к статуэтке № 1 (1927 г.) из Гагарина. К этому можно добавить, что хотя у гагаринской статуэтки высоко обломаны ноги, форма и толщина бедер соответствует таковым у статуэтки № 1 из Хотылево II. Продолжая сравнение, упомянем, что посадка и форма головы, сутулость и ширина спины, положение и форма ног хотылевской фигурки № 3 аналогичны передаче этих деталей у "шагающей" статуэтки (1962 г.) из Гагарина.

Статуэтка № 2 из Хотылева II, несмотря на обобщенность очертаний, а, может быть, благодаря ей, напоминает значительно более детально исполненные скульптурные изображения женщин из Костенок1-Авдеева и особенно фрагмент фигурки (нижняя половины тела) из Гагарина. Привлекает внимание расположение на ее спине выше поясницы двух параллельных поперечных нарезок ("перевязь"?). Отдельная головка и обломки ножек, найденные в Хотылево II, также находят параллели в указанных стоянках. В свете приведенных сопоставлений возникает вопрос о хронологии, поскольку, по принятому мнению, Хотылево II является наиболее древним в этом круге памятником, а Гагарино, напротив, самым молодым.

Одно изделие, отнесенное Ф. М. Заверняевым к "женской художественной нереалистической скульптуре", и три изделия — к "примитивно-схематической женской скульптуре", на наш взгляд, трудно причислить к женскому образу. Только первое изделие — стерженек с выделенной головкой — может быть с большой натяжкой назван антропоморфным. Также пока нет оснований для выделения двух "изваяний с мужскими изображениями", одного — в "реалистической", другого в "стилизованной" манере. Это сходные между собой стержни: один — с закругленным, другой с острым концом, оба с

поврежденными навершиями, в которых можно разглядеть барельефные "лица", скорее зооморфные, чем мужские. Эти стержни (острия, фибулы) не находят себе аналогий в палеолитическом искусстве, и приведенные Ф. М. Заверняевым сопоставления (лицо женской головки из Брассампуй, шило из мадленской стоянки Си-Верлен, подлинность которого к тому же оспаривается) не меняют положения. Поскольку в Хотылево II не найдено изображений животных (правда, это может быть чистой случайностью), зооморфные навершия имеют исключительно важное значение, как отдаленные реминисценции предметов, решенных в иной стилистической манере и найденных в более древней стоянке Костенки 14 (слой 2) и одновременной Хотылеву II Костенки 11.

На следующем — позднем — этапе развития палеолита Верхней Десны, представленном стоянками Юдиново, Супонево, Тимоновка, Елисеевичи, только в последней найдена женская статуэтка — крупная фигурка из бивня без головы и рук. Ее характерные особенности — небольшие груди, удлиненный округлый торс с едва выпуклым животом, сильно выступающие назад ягодицы, мощные ноги. Несмотря на общую достаточно реалистическую передачу, профиль этой фигурки позволяет представить дальнейшую схематизацию женского образа — превращение туловища в стерженек, снабженный ягодичным выступом. Такой образ представлен в Восточной Европе некоторыми фигурками из Мезина и Межиричей. Он широко распространен в Центральной и Западной Европе в мадленское время как в скульптуре, так и гравюре. Интересно, что в Елисеевичах, наряду с женской статуэткой, найдена и фигурка мамонта — сочетание, характерное для долговременных поселений костенковско-авдеевской культуры.

В целом, на позднем этапе верхнего палеолита сюжетные произведения искусства редки: это головка статуэтки из Супонева и стерженек, увенчанный головкой птицы, из Юдинова. В это время широко развивается тонкий резной орнамент, прекрасные образцы которого были представлены уже в Хотылево II. За малым исключением ("рыбовидные" мотивы) он не имеет сюжетного характера и свидетельствует не только о высоком развитии чувства ритма и гармонии, но и о закодированных в нем сложных представлениях.

Н. Д. ПРАСЛОВ (Санкт-Петербург)

ОБ ОДНОЙ ГОЛОВКЕ ЖЕНСКОЙ СТАТУЭТКИ ИЗ ХОТЫЛЕВО II ИЛИ К ВОПРОСУ О ПОРТРЕТЕ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В июне 1993 г. во время поездки в Брянск для обсуждения с Ф. М. Заверняевым публикации его монографии о верхнепалеолитической стоянке Хотылево II мне удалось в фондах музея более внимательно изучить часть коллекции из раскопок этого замечательного памятника. Благодаря доброжелательной помощи главного хранителя музея М. В. Желудковой и сотрудников отдела хранения за короткое время я смог просмотреть большое количество каменных орудий, а также изделия из кости и бивня мамонта.

Многие предметы из кости и бивня оригинальны и заслуживают детального анализа. Но наибольший интерес у меня вызвали три целые женские статуэтки из бивня и три фрагмента. Все они опубликованы Ф. М. Заверняевым в 1978 г., поэтому не буду повторять их описание, отмечу только некоторые особенности, которые отсутствуют в публикациях при их характеристике.

У двух статуэток — наиболее крупной и маленькой массивной — плечи острые, с узкой гранью, в то время как у большинства известных они обычно скругленные. У большой статуэтки левая рука на уровне талии отделена от корпуса сквозным отверстием удлиненно-овальной формы длиной 5 мм, шириной 3 мм. Статуэтка сильно повреждена в процессе раскопок, однако на неповрежденных местах сохранились следы черной краски. Две другие статуэтки, по моему мнению, не завершены и отражают разные стадии обработки.

Обломки двух нерасчлененных ножек и одной ножки, а также миниатюрная головка из бивня мамонта, указывают на то, что статуэток в Хотылево II было больше, чем найдено.

Особое внимание вызывает маленькая головка женской статуэтки из бивня мамонта. Она частично разрушена еще в древности, частично — в процессе раскопок. Сохранившаяся часть имеет высоту 19 мм, диаметр — 17 мм. При виде сверху она имеет почти правильную округлую форму. На месте лица, как у многих костенковских статуэток, сохранился небольшой участок гладкой поверхности. По правой стороне хорошо прослеживается невысокий валик, разрезанный тонкими косыми штрихами. Он отделяет лицо от прически. Сзади прослеживаются 6 подобных валиков, спадающих от затылка вниз к плечам. Скорее всего, так показаны косы. На затылке они отделены от прически тонкой поперечной линией, и дальше следует 11 таких линий, как бы формирующих полосы шириной в 1 мм. Эти полосы разрезаны поперечными тонкими штрихами. Нижние 3 полосы над косами разрезаны клиновидными штрихами. Небольшие метрические вариации практически почти незаметны при общем взгляде на головку. Такая резьба свидетельствует о высоком мастерстве первобытного художника, свободно обращающегося с изобразительной линией.

Сочетание резьбы и барельефного изображения кос наделяет эту миниатюрную головку оригинальными индивидуальными чертами, которых нет у других женских статуэток. Пытаясь найти этому объяснение, я невольно вернулся к старой идее о портрете, высказанной Эдуардом Пьеттом на рубеже нашего столетия. В одной из своих работ он писал, что палеолитические гравюры и скульптуры были своего рода портретами современников в исполнении художников.

Большинство исследователей первобытного искусства, увлеченные религиозно-магической теорией, сосредотачивались на поисках логических доказательств обрядовой семантики образа человека и зверя в жизни палеолитических охотников и сравнительно мало внимания уделяли иконографическому анализу.

В настоящее время вряд ли кто-нибудь серьезно станет отвергать связь палеолитического искусства с религиозно-магическими представлениями первобытных охотников, тем более, что большинство скульптурных изображений обусловлены и выполнены в определенном каноне. Это можно наблюдать и в искусстве более позднего времени, например, в египетской пластике малых форм, в античное время и даже в средневековье. Вместе с тем, следует отметить, что каноны — эти обязательные правила построения композиции — касались ведь только иконографии, т. е. сюжетной схемы, а не трактовки содержания того или иного художественного произведения в целом. По мнению многих историков искусства, каноны не противоречили созданию художественного образа, в основе которого всегда был конкретный прототип со своими неповторимыми индивидуальными чертами. Иначе трудно объяснить разницу в изображении юной женской головки из Брассемпуи и женскими статуэтками из Мальты или Костенок I, не говоря уже о разнице между головками из Дольни Вестонице и Гримальди.

Находки в последние годы во втором комплексе Костенок I и в новом объекте Авдеево женских статуэток с выраженными чертами лица и другими особенностями, например, своеобразными украшениями, позволяют предполагать изображение конкретных лиц.

Я не ставлю перед собой цель в этом докладе дать полную сводку всех изображений, которые можно рассматривать как портреты древних людей. Немного касаюсь гравированных изображений людей из пещеры Ла Марш, показывая лишь несколько характерных типов. Некоторые французские исследователи рассматривают их как карикатуры. Но для них лучше подходит термин "шарж". В отличие от более широкого понятия карикатуры, шарж ограничен, как правило, задачей критики одного реального лица; в своей основе он всегда портретен, в нем редко можно встретить элементы развитого сюжета.

Многочисленные изображения в Ла Марш дополнительно подтверждают гипотезу о возникновении изображений конкретных людей значительно раньше появления фаюмского портрета, с которого искусствоведы начинают историю жанра портрета.

К. Н. ГАВРИЛОВ, Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ (Москва)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ХОТЫЛЕВО II

В 1994 г. Хотылевская палеолитическая экспедиция Института Археологии РАН вела работы на известной стоянке Хотылево II, возобновив исследование этого памятника, оконченные Ф. М. Заверняевым в 1981 г. Основными задачами, которые необходимо было решить в ходе полевых работ этого сезона, были уточнение стратиграфической позиции культурного слоя, его микростратиграфии, а также отбор образцов для проведения палинологического анализа отложений, которые перекрывают и вмещают в себя культурный слой.

Новый раскоп примыкает к юго-западному углу раскопа 1981 г., засыпанного Ф. М. Заверняевым частично. В верхней части общая площадь раскопа составила 20 кв. м., в нижней — 6 кв. м. В результате была выявлена следующая стратиграфия залегания отложений (описание дается по южной стенке раскопа):

Глубина, м.

сл. 1. Гумусовый горизонт А современной почвы — легкий серый суглинок с включениями обломков керамики, кремня, кусочков угля 0,20

сл. 2. Иллювиальный горизонт В современной почвы — беловато-серый легкий суглинок, на фоне которого четко различаются границы ям, заполненных темно-серым гумусированным материалом из вышележащего слоя. Нижняя часть горизонта представляет собой чередование пятен белесой супеси и ожелезненного суглинка, т. е. переработанную почвообразовательными процессами верхнюю часть сл. 3 0,35

сл. 3. Переслаивание рыжевато-коричневого легкого суглинка с тонкой белесой супесью — т. н. горизонт ортзандов. Субгоризонтальное простирание слойков мощностью 2—5 см в средней части разреза сменяется наклонным, формируя структуру мерзлотного клина, проникающего до глубины 2 м 0,80

сл. 4. Супесь лессовая палевая, в верхней части — светло-палевая за счет карбонатной присыпки. По микропрослоям опесчаненого материала в толще читается слабая горизонтальная слоистость 1,40

сл. 5. Супесь коричневато-серая тяжелая, окраска — за счет гумусированности, по ходам червей отмечаются затеки карбонатов. Вероятно — слабо читающийся гумусовый горизонт погребенной почвы 1,50

сл. 7. Супесь лессовая темно-палевая, с сероватыми пятнами оглеения, марганцевыми примазками и ожелезненными прослоями, подчеркивающими субгоризонтальную слоистость толщи. Нижняя граница — неровная, языковатая. Вероятно, горизонт В погребенной почвы ... 2,45

сл. 8. Оглеенный горизонт легкого суглинка, разделенный на две части прослоем супеси грязно-желтого цвета. В нижней части слоя — интенсивное ожелезнение, пятна перлюзитов 3,25

сл. 9. Супесь лессовая серовато-коричневая, тяжелая, увлажненная. Маломощные (1—3 см.) прослои желтоватой, более опесчаненой супеси. Пятна оглеения и ожелезнение наиболее интенсивны в нижней части слоя 4,18

сл. 10. Суглинок легкий, серо-коричневый за счет оглеения, с прослоями супеси мощностью 1—2 см., бурыми пятнами ожелезнения и перлюзитами. В средней части слоя отчетливо прослеживается линза белесовато-желтого мелко-зернистого песка, прерываемая пятнами оглеения и ожелезнения. Линза маркирует верхнюю часть культурного слоя стоянки, который продолжается до нижней границы слоя 11 4,40

сл. 11. Отчетливый гумусированный горизонт темно-коричневого цвета, подстилающий культурный слой, с включениями мелких обломков костей и костной трухи 4,43

сл. 12. Горизонт интенсивного оглеения — суглинок средний серый, с ржавого цвета полосами и пятнами ожелезнения, включениями кремневой крошки. Нижняя граница — неровная, карманами 4,65

сл. 14. Суглинок средний, ржаво-коричневый за счет интенсивного ожелезнения, с пятнами перлюзитов. Видимая глубина 4,80

Из южной стенки раскопа были отобраны образцы для проведения спор-пыльцевого анализа, а также анализа на мезоморфологию.

Верхняя граница культурного слоя залегает на глубине 4,20 м, нижняя — на глубине 4,43 м, в слоях 10 и 11. Культурный слой представлен скоплением костей, в основном, мамонта. Отдельные кости принадлежат, по-видимому, волку и северному оленю.

Большинство костей мамонта относится к ребрам и фрагментам суставов, залегающих горизонтально на границе слоев 10 и 11. Вокруг некоторых ребер мамонтов были прослежены интенсивные пятна оглеения сизого цвета. Над ними, на 15—20 см выше, залегали небольшие фрагменты бивней, до 30 см длиной. Изделия из кремня

представлены единичными мелкими сколами без вторичной обработки.

По-видимому, вскрытый участок слоя относится к периферийной части поселения, содержащей кухонные отбросы. В пользу этого может свидетельствовать и наличие на одном из ребер молодой особи мамонта глубокой продольной нарезки, примыкающей к месту крепления сухожилий.

Исследования Хотылевской верхнепалеолитической стоянки планируется продолжить.

А. Б. СЕЛЕЗНЕВ (Москва)

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ СТОЯНКИ ХОТЫЛЕВО II

При работе с кремневой коллекцией стоянки Хотылево II, хранящейся в фондах Брянского Государственного Областного Краеведческого музея (раскопки Ф. М. Заверняева) мы просмотрели всю серию преформ и форм нуклеусов из 443 экземпляров и частично — представительную выборку ребристых пластин (153 экз.) и морфологических орудий на пластинах из раскопов № 4—5 1970—71 гг. (278 экз. концевых скребков, 324 экз. пластин с регулярной ретушью, 314 экз. ретушных резцов, 207 экз. двухгранных резцов, 115 экз. резцов на сломе пластины, 56 экз. острий с высокой и средней ретушью, 31 экз. острий с выделенным жалом, 23 экз. острий-тронке, 59 экз. микроострий, 168 экз. МППК).

В нашем исследовании мы применили метод технологического анализа, позволяющего говорить о технологии первичного расщепления, зависящей от 2 основных составляющих: с одной стороны — формы и свойств используемого материала (кремня), а с другой — искусственной организации человеком природных закономерностей этого же материала в процессе определенного целеполагания получить определенный результат.

Основной сырьевой комплекс стоянки Хотылево II представлен меловой плиткой оттенков черного цвета, в изобилии встречающейся в ближайших окрестностях стоянки. Последний факт, а также большое количество заготовок нуклеусов и форм самих нуклеусов, отходов первичного расщепления (коллекция кремня Хотылево II насчитывает более 150 тысяч экз.), найденных на стоянке, позволяет сделать вывод о транспортировке сырья на Хотылевскую стоянку в виде необработанных кусков плитки, нередко превышающих по длине 20 см.

Заготовка (преформа) нуклеуса плитчатого сырья Хотылево II (1 форма в нашей технологической схеме развития форм нуклеусов этой стоянки, составляющая 14,5% от общего их числа) имеет двухстороннюю обработку, что с технологической точки зрения не было жесткой

технологической необходимостью, так как плитка прекрасно приспособлена для торцевого скалывания призматических пластин-заготовок с минимальной предварительной подготовкой нуклеуса на стадии его заготовки.

В данном случае мы, может быть, имеем дело с проявлениями определенной традиции расщепления сырья нерегулярной первичной формы, когда носители этой традиции, сталкиваясь с новым для себя видом сырья — плиткой, — могли подготавливать ее к расщеплению привычными способами обработки кремневых желваков. В пользу последнего говорят аналогичные двухсторонние преформы нуклеусов на таких стоянках как: Костенки I (1 слой), Авдеево, Зарайск, Гагарино, близких к рассматриваемому памятнику по времени.

Соответственно и сами двухсторонние ребристые пластины, составляющие большинство среди ребристых пластин Хотылево II, снимались с односторонних преформ нуклеусов Хотылево II и были подобны их аналогам на вышеперечисленных памятниках.

Среди форм нуклеусов плитчатого сырья Хотылево II подавляющее большинство утилизировано в односторонней системе расщепления с торца двухстороннеобработанной плитчатой заготовки после снятия ребра в технике мягкого отбойника (2 форма с 1 зоной расщепления — 19,4% от общего числа форм, 4 форма с 2 встречными зонами расщепления — 25%, 5 форма с 2 противолежащими зонами расщепления — 12%), что свидетельствует о том, что это — основной контекст первичного расщепления на стоянке.

Круговая система расщепления не занимала значительного места в первичном расщеплении этого памятника (3 форма нуклеусов плитчатого сырья с одной зоной расщепления, составляющая 6,5% от общего числа форм, 9 форма плитчатого сырья — 1% и 3 форма желвачного сырья — 1 %) и поэтому отнесена нами к неосновному технологическому контексту первичного расщепления памятника, тем более что круговые формы нуклеусов Хотылево II возникали в результате конкретно-ситуационного расщепления плитчатого и желвачного сырья с применением техники жесткого отбойника.

Еще один неосновной контекст первичного расщепления на Хотылевской стоянке представлен специфическими заготовками нуклеусов для снятия мелких пластин-заготовок — так называемыми "многофасеточными резцами". Причем, в данном случае, мы, может быть, сталкиваемся с первыми проявлениями техники первичного расщепления, использующей посредник, на что нам указывают негативы точечных ударных бугорков на этих преформах, а также "грациальность" снятых с них пластин-заготовок.

При работе с кремневой коллекцией стоянки Хотылево II нами был сделан технологический анализ пластин-заготовок вышеперечисленных категорий орудий и групп внутри них с использованием следующих признаков: метрические — длина, ширина, толщина и степень искривления профиля пластины-заготовки; признаки, характеризую-

шие начало скалывающей (проксимальный конец пластины-заготовки) — характер ударного бугорка, характер снятого участка площадки нуклеуса и характер участка с дорсальной стороны; признаки, характеризующие среднюю часть пластины-заготовки — характер ее краев и характер огранки дорсальной стороны; признак, характеризующий дистальный конец пластины-заготовки — характер окончания скалывающей; признаки, характеризующие стандартизацию пластины-заготовки — коэффициенты отклонения от условного стандарта (коэффициент корреляции длины и степени искривления пластины-заготовки, коэффициент корреляции ширины и толщины пластины-заготовки, общий коэффициент корреляции как среднее от двух предыдущих).

Мы полагаем, что перечисленные признаки позволяют говорить о системе расщепления нуклеусов, характере зоны расщепления, включающей край площадки нуклеуса и начало плоскости расщепления, характере самой поверхности нуклеуса, с которой снимались пластины-заготовки, а также о технике расщепления и о специфических приемах последней.

Обработанные нами пластины-заготовки категорий орудий и групп внутри них стоянки Хотылево II с точки зрения технологического анализа по приведенным нами признакам, на наш взгляд, делятся на следующие комплексы:

— 1. Крупные пластины-заготовки, снятые с форм нуклеусов основного технологического контекста с односторонними поверхностями раскалывания на начальных фазах их утилизации в ударной технике мягкого отбойника с отсутствием выраженной стандартизации, когда не только группы внутри категорий, но и сами категории могли иметь схожие показатели метрических признаков (пластины-заготовки концевых скребков, ретушных и двугранных резцов, ножевидных пластин с регулярной ретушью, острий, образованных высокой и средней ретушью, острий с выделенным жалом).

— 2. Средние пластины-заготовки, снятые с форм нуклеусов основного технологического контекста с односторонними поверхностями раскалывания в фазе утилизации форм нуклеусов с полностью оформленными фронтами, имеющими стабильно поддерживаемую степень выпуклости. Эти пластины-заготовки были сняты в технике мягкого отбойника и имели более ровные края, одинаковую степень их заострения и более высокую степень огранки дорсальной стороны. У них также отсутствовала определенная стандартизация (пластины-заготовки резцов на сломе пластины и острий-тронке).

— 3. Пластины-заготовки, снятые с форм нуклеусов неосновного технологического контекста ("многофасеточных резцов") в технике мягкого отбойника и имеющие определенную степень стандартизации (пластины-заготовки острий-граветт, микроострий, образованных с одного края притупливающей ретушью, и микропластин с притупленным краем — *МППК*).

Из пластин-заготовок 11 проанализированных категорий орудий и

групп внутри них, пластины-заготовки 3-х (острий-граветт, микроострий, образованных притупливающей ретушью и МППК) из неосновного технологического контекста имеют самую высокую степень стандартизации.

А. А. ЧУБУР (Курчатов)

О МАМОНТАХ С ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ХОТЫЛЕВО II
(по материалам раскопок Ф. М. Заверняева в 1969—1981 гг.)

По сей день остается дискуссионным вопрос о роли и месте мамонта в верхнепалеолитической экономике. Материалы раскопок стоянки Хотылево II позволяют сделать некоторые заключения в связи с этой проблемой.

Подсчет численности мамонта, сделанный на основании полевых чертежей Ф. М. Заверняева, показал наличие в культурном слое стоянки по черепам не менее 22, а по черепам, челюстям и зубам — не менее 50 особей мамонта. По чертежам для части из 161 изображенного зуба можно приблизительно определить возраст животных. Не менее 10 зубов принадлежат молодым, не менее 26 — полувзрослым и не менее 36 — взрослым животным. Среди последних имеются несколько зубов смены М3 с сильно стертой коронкой, принадлежащих старых особям. Зубы распределены по изученной площади достаточно равномерно, часть из них несомненно является остатками истлевших челюстей и черепов. Промеры частоты пластин и толщины эмали на сохранившихся в фондах Брянского областного музея зубах позволяют уверенно относить их к зубам мамонтов позднего типа. На стоянке встречены черепа и челюсти мамонтов, отражающие весь возрастной спектр. Таким образом, нельзя утверждать, что на памятнике преобладают остатки молодых и полувзрослых особей, хотя их несколько больше, чем должно быть в естественном возрастном спектре для мамонта. Это может объясняться охотой на отдельных невзрослых особей, которая, несомненно, имела место. Любопытно, что зубов молодых особей больше в северном секторе вскрытой площади, где группировались объекты хозяйственно-бытового назначения. Не менее пяти из них находятся в пределах зольника Б, интерпретируемого Ф. М. Заверняевым, как зимнее утепленное жилище. Возможно, что это косвенное свидетельство охот, происходивших в холодное время года.

У отдельных черепов мамонта, в частности, в яме-45 Раскопа 7, намеренно вскрыты бивневые альвеолы, что говорит об извлечении бивней из свежего материала, однако судить по этому о происхождении черепа, учитывая мерзлотные условия, затруднительно. Намеренное вскрытие мозговых капсул, учитывая плохую сохранность большинства черепов, установить не представляется возможным. Аналогичные наблюдаемые (по фото и чертежам) разрушения череп-

ной коробки встречены, к примеру, на Севском мамонтовом "кладбище". При этом обращает на себя внимание одна находка, о которой Федор Михайлович пишет в полевом дневнике за 1972 год: "Сегодня при расчистке ямы на кв. 30 обнаружен череп небольшого мамонтеночка. Он настолько хорошо сохранился, что на нас скорее смотрел не череп, а печальный живой детеныш. Высота черепа 43 см, ширина лба у лобных выступов-глазниц 33 см, длинна альвеол 18 см, ширина альвеольной части в наиболее узком месте 12 см, внизу 16 мм, бивни выступают на 4 см" (Научный архив БОМ877—2). Вероятнее всего, он был доставлен на стоянку в мацерированом виде, как это имело место, судя по всему, и в Гагарино (Тарасов, 1979). Это свидетельствует о том, что даже не все молодые мамонты могли быть охотничьей добычей.

Интересно распределение костного материала на вскрытой площади. В южном секторе, на периферии поселения, преобладают относительно целые ребра и позвонки, их скопление в раскопе 11 было ошибочно интерпретировано, как жилище, хотя расщепленный кремень и поделки там практически отсутствуют. Вероятно, эти кости не были взяты, как непригодные для конструкций (в которых использовались преимущественно челюсти, лопатки, черепа и расщепленные для создания клина или целые кости конечностей), преобладающие в северном, более обжитом секторе.

Как интерпретировать скопление костей на периферии при почти полном отсутствии артефактов? Возможны два варианта — свалка, либо естественное скопление остатков мамонта, использовавшееся человеком как источник топлива и строительно-поделочного сырья. В этой связи обращает на себя внимание геологическое строение толщи, вмещающей культурный слой. Судя по линзочкам песка, слой лежит в пачке пойменного аллювия тыловой части второй надпойменной террасы (аллювиально-делювиальные отложения, венчающиеся хотылевской почвой — трубчевским горизонтом оглеения, аналогом гмелинской почвы). Что могло заставить человека основать на время от времени затапливающейся территории долговременное поселение? Сильная оглееность слоя в районе раскопа 11 свидетельствует о заболоченности и непригодности для заселения южной ойкумены поселения. Данные геобурения, проведенного группой А. А. Величко, показывают наличие к югу от вскрытой площади понижения типа погребенной старицы, существовавшего синхронно со стоянкой. Очень вероятно, что это была "старица-ловушка", в которой могли накапливаться при половодьях несомые рекой туши мамонтов. Именно мамонтовое "кладбище" могло привлечь к этому месту человека (при учете только фактора месторождения высококачественного кремня могло быть выбрано более безопасное в плане половодий место). Представляется, что значительная часть костей мамонта из культурного слоя — результат собирательства, в том числе и кость, сожженная в очагах. В условиях мерзлоты и аридного климата кость теряла

влагу без разложения органики и была более пригодна для растопки, чем даже свежая. Для понимания ситуации важен и тот факт, что участок долины Десны и прилегающие территории между Бетово и Добрунью, включая г. Брянск, насыщены не связанными с палеолитом остатками мамонта. Это своеобразное "разреженное мамонтовое кладбище", возникновение которого связано с особенностями геологического строения района.

В районе Брянского неотектонического поднятия усиливается развитие эррозионных процессов и меандрирование реки, образующей много стариц и заводей на входе на поднятие из-за подпруживающего эффекта. Таким образом, возникают условия для накопления остатков мамонта в старицах и устьях древних балок. Именно этой особенностью на протяжении тысячелетий, на наш взгляд, пользовался человек.

В заключении необходимо обратить внимание на чрезвычайную важность сохранения всего без исключения остеологического материала, собираемого в процессе раскопок палеолитических памятников, для дальнейшего изучения. В противном случае может быть утрачено много ценной информации. Было бы целесообразно при возможности повторно вскрыть траншеи, в которые Ф. М. Заверняев предусмотрительно сложил большую часть полученных при раскопках крупных костей, для того чтобы этот, пока еще не до конца утраченный остеологический материал мог быть обследован палеозоологами с целью подсчета и биометрии.

В. Я. СЕРГИН (Москва)

ОБ ОРИЕНТИРОВКЕ ВХОДА В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩАХ

На 9 относительно долговременных позднепалеолитических поселениях центра Русской равнины, содержащих остатки 17 жилищ округлого плана, с наибольшей достоверностью устанавливается место входа.

Входы, ориентированные по склону, наблюдаются у 3 жилищ (Юдиново I, Добраничевка). Причем у жилища 2 Юдиново I ориентировка по склону совпадает с направлением к реке, а у двух жилищ Мезина она незначительно отклоняется от основной ориентировки к балочному ручью. В двух случаях направление входа представляло собой как бы равнодействующую между находившимися под прямым углом направлений к склону и к водоему (Супонево, Костенки 11). Входы 2 жилищ обращены к западу (Юдиново I, Костенки 8), 5 — к юго-западу (Добраничевка, Костенки 2 и 4), 5 — к югу (Межирич, Гонцы, Добраничевка), 4 — к юго-востоку (Юдиново I, Супонево, Мезин).

Ориентировка входа по склону устраняла опасность затекания воды и делювия в жилище. Это было реализовано у 5 жилищ и отчасти

еще у двух. Однако у 6 жилищ вход был обращен вверх по склону (Юдиново I, Межирич, Гонцы, Добраничевка). Остальные жилища развернуты боком к линии склона. Таким образом, данный фактор не играл серьезной роли в ориентировке входа жилищ. По-видимому, это было следствием незначительных уклонов большинства площадок поселений.

Возможность обзора долины реки или балки непосредственно из входа в жилище была более или менее удобной в 8—9 случаях. Должно быть, и это обстоятельство не имело существенного значения, хотя им и не пренебрегали.

Ориентировка входа к югу обеспечивала максимальный обогрев жилища солнцем, но он был достаточно высок и при отклонении входа к западу или востоку, т. е. солнечное тепло наиболее серьезно сказывалось на обогреве 14 жилищ. Вместе с тем, ни одно жилище не повернуто входом к северу. Очевидно, сбережение тепла и использование солнечного обогрева имели решающее значение в ориентировке входов в жилища.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА (Санкт-Петербург)

ОРУДИЯ ОХОТЫ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЮДИНОВО

Специфика деснинских позднепалеолитических памятников позволила выделить их в вариант культуры, отличающийся от других стоянок Русской равнины. Особое место среди них занимает Юдиновская стоянка, время существования которой совпало с периодом расцвета косторезного мастерства.

За время исследования стоянки, под руководством З. А. Абрамовой собрана большая и разнообразная коллекция костяных изделий, выделяющая Юдиново среди деснинских памятников. Наряду с каменными орудиями: резцами, скребками, проколками, остриями, ретушированными пластинами и пластинками, долотовидными орудиями, скреблами, здесь представлены выразительные серии костяных изделий охоты, домашней утвари, украшений. Многообразны и приемы обработки бивня и кости (Абрамова, Григорьева; 1993).

Выразительной серией представлены на стоянке орудия охоты — наконечники копий и дротиков, стрелы, стержни, изготовленные из бивня. Наконечники сохранились, в основном, во фрагментах. Среди них 30 средних частей, 17 оснований, 8 острий и 2 почти целых экземпляра; кроме того, найдено еще 12 заготовок. Наконечники имеют разные размеры: 15—17 см в длину и 1—2 см в диаметре. В сечении они округлые, овальные и овально-уплощенные. Верхний конец заострен, или слегка заужен и закруглен. Основание заостренное, зауженно-овальное, кососрезанное, с насадом-черешком. Имеют-

ся наконечники без пазов и с пазами. Примерно четвертая часть наконечников орнаментирована. Преобладает орнамент в виде сетки из мелких и крупных ромбов, вертикальных зон из вытянутых и соединенных вершинами ромбов и отдельных ромбов, встречаются зигзаги, "елочка", продольные и поперечные линии, насечки. Представлены сочетания различных орнаментов, выделены орнаментальные зоны, ограниченные продольными одинарными и двойными линиями.

Вторую группу составляют стрелы. Стрел в три раза меньше, чем наконечников: 14 целых, 3 без острия, 3 средних части и 1 заготовка. Среди них есть крупные — 7—9 см — и мелкие — 1,5—2,3 см длиной — экземпляры. Они разной формы: веретообразные, ланцетовидные, массивные с расширением в средней части. Острие у них приострено или слегка заужено. Основание в виде насада черешка. Единичные стрелы имеют пазы. В отличие от наконечников они редко орнаментированы. Попытки орнаментации отмечены только в отдельных случаях: на одной стреле имеются 2 ромба, ломаная линия для прорезания других ромбов и тонкие штрихи; на другой — 2 продольные параллельные неровные линии, на третьей — две слегка изогнутые линии и между ними еще пунктирная линия.

Третью группу составляют стержни. Стержней значительно больше, чем наконечников и стрел. Среди них 20 почти целых, без основания, 353 средние части, 170 острий и 32 основания. Длина их 11—13 см, они округлые, овальные и овально-уплощенные в сечении, верхний конец острый. Основание заостренное, зауженно-овальное, с насадом-черешком. Диаметр стержней 0,5—0,7 см, а овально-уплощенных — 0,3—0,4 см. Имеются орнаментированные стержни. Преобладает ромбовидный орнамент, покрывающий среднюю часть изделия сеткой из разновеликих ромбов, встречаются также сочетание сетки из ромбов с зоной, заполненной вертикальной полосой удлиненных ромбов с линией внутри, сочетание зигзагов с вертикальными двойными линиями, горизонтальных зигзагов с вертикальной линией из ромбов. В одном случае отмечен точечный орнамент с тонкими поперечными насечками.

Планиграфическое распределение орудий охоты по раскопам показало, что они приурочены, в основном, к ямам, очагам, жилищам. В раскопе 1 (150 м^2) с жилищами найдено 46 фрагментов наконечников и 12 заготовок: в жилище № 1 — 7 экземпляров и 3 заготовки, в жилище № 2 — 14 экземпляров и 4 заготовки, в яме и зольнике — 22 экземпляра и 5 заготовок. Обнаружены два обломка наконечников: один южнее, а другой севернее первого жилища. В этом же раскопе найдено 12 стрел: в жилище № 1 — 2 стрелы и 1 заготовка, в жилище № 2 — 1 стрела, в яме и зольнике — 4 стрелы. Остальные 4 экземпляра найдены восточнее и севернее первого жилища. Что касается стержней, то в жилище № 1 — 52 экземпляра и 1 заготовка, в жилище № 2 — 59 экземпляров и 3 заготовки, в яме и зольнике —

164 экземпляра и 4 заготовки, 2 стержня встречены за пределами этих объектов. Во втором раскопе (55 м^2), расположенном в 4 м южнее раскопа с жилищами, наибольшая концентрация находок (11 наконечников, 9 стрел и 231 стержень) была сосредоточена вокруг очага в восточной части раскопа.

Орудия охоты и фаунистические остатки свидетельствует о промысле на различных животных от мамонта, северного и благородного оленей, овцебыка, лошади и хищников — медведя и волка, — до таких мелких животных, как заяц, песец, сурок и другие.

Наконечники и стержни представлены и в других деснинских позднепалеолитических стоянках, однако их там значительно меньше. Наконечники, стрелы и стержни обнаружены и в Мезине, но по количеству и орнаментации они уступают Юдиновским. Три группы орудий имеются и в более ранней по времени стоянке Хотылево II, однако их там немного, а по сложности орнаментации выделяются только наконечники.

Наличие в Юдиново костяных изделий, их орнаментация, сближают памятник с мадленскими стоянками Центральной и Западной Европы. Вместе с тем, использование бивней и костей мамонта для изготовления орудий и украшений отличает Юдиново от Центрально- и Западноевропейских стоянок, в которых использовали, главным образом, рога северного оленя.

Существование на р. Десне разновременных памятников позднего палеолита, от 21 до 12 тыс. лет тому назад, позволяет не только проследить их развитие, но и установить наиболее характерные черты сходства и различия.

Б. В. ГРУДИНКИН (Калуга)

ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА ЛЕВЫХ ПРИТОКАХ ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ

Изучение памятников эпохи камня в верхнем течении р. Болвы, левого притока р. Десны, начато в 1990 г. Разведка проводилась по берегам мелких притоков р. Болвы: Неручь, Лосинка, Ракитня, Ужать. Было открыто 20 памятников. На одних заложены небольшие рекогносцировочные раскопы, на других — собран подъемный материал. Близ д. Прудки (Кировский р-н Калужской обл.) открыто 5 стоянок эпохи мезолита (1, с. 6, 7). На трех из них были проведены небольшие раскопки. Культурный слой стоянок мощностью 2—20 см имеет оранжево-бурого цвета окраску, в ряде мест слой потерял окраску и неотличим от материка. Находки залегали на одном уровне и немногочисленны, что может свидетельствовать о кратковременности поселений. И в сборах, и в раскопах получен материал, сходный для всех стоянок. Основную массу полученных орудий составляют

скобляще-скребущие: скребки концевые, небольших размеров на коротких пластинах или отщепах; скребла из мощных отщепов. Скобели различные с одной или несколькими выемками. Размер выемок небольшой, что дает косвенное свидетельство об обработке и изготовлении небольших изделий, вероятно, из кости и рога. Из перфораторов найдены на стоянке-4 лишь проколка и развертка на отщепах. Обращает на себя внимание развертка, изготовленная на небольшом отщепе треугольной формы. Рабочая часть ее сформирована мелкой ретушью и завершается небольшими плечикам. Нуклеусы — конической и подконической формы, для получения отщепов и пластин. На стоянке-3 найден один карандашевидный нуклеус. Охотничий инвентарь представлен наконечниками в виде высоких трапеций и на стоянке-4 найден один асимметричный наконечник алтыновского типа. На всех стоянках найдена значительная серия небольших отщепов неправильной формы с мелкой ретушью по одному из краев. Поскольку трассологического анализа не проводилось, назначение их не совсем ясно. Вероятно, это заготовки микролитов. Остальной материал представлен мелкими отщепами, сколами и чешуйками кремня. Характер отходов говорит о подправке рабочих краев орудий. Следов изготовления орудий на стоянках не обнаружено, что может свидетельствовать о кратковременности поселений, а также об отсутствии качественного сырья поблизости. В местных ледниковых наносах встречаются лишь мелкие конкреции кремня, не всегда пригодные для изготовления орудий. На стоянках найдено немного орудий из сырья ледниковых отложений. Основная же масса орудий изготовлена из приносного, хорошего качества кремня серого, темно-серого цвета, без вкраплений кварца.

Кроме комплекса стоянок близ д. Прудки, близкий по характеру материал найден на стоянках около деревень Бакеевка, Бережки, Зимницы, Волое, Милеевский, Ракитня, Тешевичи, М. Песочня, поселок Малиновского (2, с. 18). Сравнительный анализ материала показывает близость его мезолитическим материалам песочноровской культуры.

Особенно разнообразный материал был получен при раскопках поселения Нагорное, расположенного на мысовидном выступе первой надпойменной террасы при слиянии рек Болвы и Ужать (3, с. 57—58). Темно-серый слой супеси, мощностью 13—45 см, содержал материал нескольких эпох. Самые ранние находки относятся к эпохе мезолита. Причем мезолитический материал близок песочноровской культуре. С песочноровской культурой объединяет присутствие в инвентаре постаренсбургских и постсвидерских наконечников стрел, асимметричных высоких трапеций, небольшого числа асимметричных треугольников и форм, представляющих переходные между трапециями и треугольниками, скребков концевых на пластинах и отщепах,

одноплощадочных нуклеусов для получения грубых пластин. Отсутствие топоров является, видимо, спецификой памятника.

Неолит представлен материалами разных культур. Раннеэнеолитические материалы следует отнести к лисогубовской культуре. Они представлены фрагментами тонкостенной керамики, украшенной треугольными наколами, и гребенками, резцами, скребками, скобелями, сверлами, призматическими нуклеусами, желобчатыми теслами. Некоторые орудия изготовлены из кварцита. Не исключено, что данный материал в качестве сырья для изготовления орудий начинают употреблять уже в мезолите.

Развитой и поздний этапы неолита представлены материалами деснинской неолитической культуры. Фрагменты керамики украшены ямками различной формы, небольшими гребенками. Изделия из кремня представлены скребками, скобелями, нуклеусами, резцами, ножами, наконечниками стрел листовидной и ромбической формы.

Энеолитический материал представлен фрагментами керамики, орнаментированными различными ямками и гребенками, собранными в композиции, венчики отогнуты. В орудийном инвентаре встречены кривые ножи, наконечник дротика листовидной формы из окремнившегося известняка, фигурный кремень, округлые скребки и скребла.

Выявленные поселения показывают проникновение древнего человека в глубь осваиваемой территории. Основная масса поселений оставлена небольшими охотничьими отрядами. Постоянным поселением было только Нагорное. Возможно, оно было своеобразной базой для освоения новых территорий на большом отрезке каменного века. Дальнейшие исследования помогут уточнить это предположение и культурную принадлежность памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грудинкин Б. В. Мезолитические памятники близ деревень Бакеевка и Прудки Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Киров. 1993. Вып. 1.

2. Ефимов А. Е. Новые памятники археологии Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Киров. 1993. Вып. 1.

3. Грудинкин Б. В. Работы Окско-Деснинской экспедиции // АО—1993. М. 1994.

А. А. ЧУБУР (Курчатов)

СТОЯНКА САВЛУКОВО I
(материал к Своду памятников)

В 1990—1991 гг. Курским палеолитическим отрядом был исследован новый памятник эпохи камня на левобережье р. Судость, в северной части песчаного карьера, напротив северной окраины с. Савлуково Жирятинского района Брянской области. К моменту открытия, культурный слой был уже уничтожен карьером, поэтому работы ограничились зачистками обнажений и сбором подъемного материала. Памятник располагался на мысу первой надпоймы Судости и залегал в верхней части пачки пойменной фации аллювия, представленной песками. На урезе р. Судости прослеживается синяя глина — старичная фация аллювия, подстилающая пески первой надпоймы.

Собранный кремневый инвентарь представлен отходами кремнеобработки (71%) и заготовками и изделиями (29%). Первая категория включает в себя осколки (20, из них 16 с кавернами и меловой коркой, 1 обожжен), сколы с поверхности желвака (4, из них 2 состыкованы при ремонтаже), отщепы (27, из них 5 обожжены, длина 5—50, средняя — 20 мм). Вторая категория представлена микропластинками (фрагмент и целая — 16 мм), ножевидными пластинами (7 + фрагмент, длина 42—70, средняя — 50 мм, ширина 12—28, средняя — 19 мм), отбойником и предметами со вторичной обработкой. Ножевидные пластины недостаточно стандартизированы, но все являются отходами, так как не менее 5 из них имеют выраженные следы сработанности: три — выщербленность края, две — почти перпендикулярные рабочей кромки бороздки по правому краю, хорошо заметные под бинокуляром. Первые, видимо, служили для скобления, вторые — для резания. Вторичную обработку имеют: а) фрагмент обожженной ножевидной пластинки со следом разцового скола, б) обожженный фрагмент носика острия, в) скребло-скобель на пластинчатом отщепе, г) ретушированная ножевидная пластина, д) концевой скребок укороченных пропорций.

Все изделия имеют слабую патинизацию, некоторые сильно патинированы, имеют молочно-белый цвет поверхности. Кремень использовался преимущественно черный, желвачный, меловой (возможно, желваки были сходны с использовавшимися в Елисеевичах), однако есть несколько изделий из менее качественного буровато-серого кремня.

Наличие следов первичного раскалывания кремня, орудий со следами различной деятельности, следов огня (обожженный кремень, костный уголь), минеральной краски позволяют думать, что мы имеем дело с остатками недолговременного (судя по залеганию в пойменной фации аллювия первой надпоймы — летнего) полифункционального поселения, датируемого, скорее всего, финальным этапом верхнего

палеолита. Ввиду малочисленности материала установить культурную принадлежность памятника не представляется возможным.

Для полной характеристики местонахождения, следует сообщить, что ближе к руслу Судости, несколько юго-западнее основной концентрации палеолитических находок, встречены 8 обломков груболепной керамики I тыс. н. э. с примесью шамота в тесте, а в отвале карьера у его северной бровки найден фрагмент венчика гончарного сосуда XII в., орнаментированного по плечику параллельными концентрическими линиями.

В. П. КСЕНЗОВ (Минск)

ПЕРВЫЙ ЭТАП ДНЕПРО-ДЕСНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие "днепро-деснинская мезолитическая культура" появилось в археологической литературе во второй половине 80-х годов (Ксензов, 1984; 1986; 1988). Возникло оно в связи с необходимостью обозначить группу памятников Восточной Беларуси и Северо-Восточной Украины, выделяющихся своеобразным кремневым инвентарем. Всего таких памятников насчитывается более 30-ти. Расположены они в бассейнах рек Десна, верхний Днепр, Сож, Березина. Наиболее ранние поселения находятся в южной части обозначенного региона — в Подесенье и на территории Юго-Восточной Беларуси.

Состояние источников на современном этапе позволяет выделить в днепро-деснинской культуре две хронологические группы памятников — раннюю и позднюю. Наиболее яркими поселениями первой хронологической группы являются Смячка 14 А, Б, Г, Бор, Балка I, Залесье (Подесенье), Барколабово, Ла́тки, Шихов (верхний Днепр) и др. Техника первичного расщепления кремня основана на подпризматическом, пирамидальном, подконическом одно-двуплощадочных нуклеусах при наличии большого количества аморфных. Ударные площадки у большинства нуклеусов горизонтальные, единичные экземпляры имели слегка скошенные площадки. Орудия изготовлялись из пластин и отщепов, причем процент заготовок имеет значительные колебания. Так, на поселении Смячка 14 А из пластин изготовлено 48% орудий, на Смячке 14 Г — 35% (Зализняк, 1986), Шихов — 70%, Королева Слобода — 40% (Ксензов, 1988). Данное явление мы видим в генезисе днепро-деснинской культуры, о чем речь пойдет ниже.

Характерной чертой кремневого инвентаря памятников ранней хронологической группы является присутствие постсвидерских наконечников стрел, встречающихся в литературе под определением "хвалибоговичскис". Основная их особенность — резкое выделение черешка выемками по обоим краям заготовки и последующей обработкой плоской с брюшка.

В меньшем количестве на памятниках обнаружены черешковые симметричные наконечники. Черешки у них выделялись крутой, полукрутой ретушью со стороны спинки (преобладают), острие оста-

валось натуральным или приострялось мелкой краевой ретушью. Еще реже встречались асимметричные наконечники, острие которых срезалось крутой ретушью, что придавало им асимметричность. Заготовкой для наконечников служила пластина.

Среди резцов преобладают, как правило, боковые, причем большинство изготовлено из отщепов. Рабочий край орудий оформлен посредством резцовых сколов по краям заготовки и крутой ретуши на ее конце. Соотношение угловых и срединных резцов примерно равно, причем зависимость их количества от возраста памятника не прослеживается. Срединные резцы обрабатывались двумя или большим количеством сколов, пересекающихся по продольной оси заготовки. Иногда рабочий край смещен на угол заготовки и часто достигает 90° (срединно-угловые резцы). Угловые резцы редки, оформлены на естественном остроугольном конце заготовки посредством нанесения одного-двух сколов по ее краю. Характерны они, в основном, для более поздних памятников. Присутствуют в коллекциях также резцы на углу сломанной пластинки.

Среди скребков преобладают концевые. Рабочий край орудий — дугообразный, прямой, скошенный, обработан, как правило, крутой ретушью. Скребки из отщепов имеют овальный, подокруглый рабочий край. В инвентаре ряда памятников ранней хронологической группы количественное соотношение скребков и резцов — в пользу последних. Преобладание резцов над скребками мы находим и в коллекциях поселений Смячка 14 А, Б; Бор, Залесье, Балка I, Латки. Однако в инвентаре памятников Барколабово, Шихов, Королева Слобода, Чижаха скребки преобладают. Вместе с тем отметим, что во всех комплексах, где есть трапеции, т. е. в позднемезолитических, скребки количественно превосходят группу резцов, причем эта черта характерна для ряда мезолитических культур — бутовской, гренской, неманской, кундской и др., что, по нашему мнению, может служить датирующим признаком.

Проколки, сверла-провертки — немногочисленный, но постоянный компонент инвентаря памятников днепро-деснинской культуры. Также часто встречаются скобели, ретушированные по краям пластины, и отщепы. Редки рубящие орудия — топоры с перехватом, транше, неразвита вкладышевая техника.

Типологически памятники ранней хронологической группы датируются временем раннего мезолита, т. е. пребореалом — бореальным временем. Приведенные технические характеристики кремневого инвентаря поселений позволяют определенно высказаться об их генезисе. Одним из важнейших компонентов в коллекциях является свидерский. О его наличии свидетельствуют наконечники стрел, черешки которых обработаны плоской ретушью с брюшка. К свидерским чертам относится использование пластины в качестве основной заготовки, изготовление удлиненных концевых скребков, топоров с перехватом, двухплощадочных нуклеусов призматической формы со встречным снятием заготовок.

Второй генетический компонент проявляется в наличии в инвентаре памятников черешковых симметричных и асимметричных наконечников стрел, пирамидальных и подконических одноплощадочных нуклеусов. Происхождение этих типов орудий и нуклеусов, по нашему мнению, связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции Лингби. Вероятно, на рубеже плейстоцена — голоцена оно вступило в контакт со свидерцами, проживавшими в основном на территории Полесья, оказав на него сильное влияние. В итоге появились памятники, сочетавшие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты.

Есть и второй подход к решению данной проблемы. Высказан он в работах Р. Шильда (1975) и Л. Л. Зализняка (1989). Суть его заключается в том, что генезис свидерской культуры усматривается в лингбийском населении, что обусловило некоторое типологическое сходство их кремневого инвентаря.

Днепро-деснинское население, зародившись на Полесье, в пребореале продвинулось на восток, где оставило в Подесенье памятники Смячка 14, 14 А, Б, Г; Балка I, Бор, Залесье и др. Затем в бореальное время оно направилось на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, верхнего Днепра, Березины. Часть населения осталась в восточной части Полесья Беларуси, основав памятники Борисовщина, Дорошевичи, Загорины, Макаричи, Рожава (Исаенко, 1976; 1977).

Т. В. НАУМОВА (Тула)

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ИЕНЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

Мезолитический период эпохи камня в бассейне Верхней Оки (в пределах Тульской обл.) крайне мало изучен. Из семи стоянок и местонахождений мезолита на территории области лишь три определены культурно и отнесены к иеневской мезолитической культуре. Это стоянки Добропокровское и Беленькая в Суворовском районе (иссл. М. М. Герасимова, 1935 г.), стоянка Митино-5 в Заокском районе. Лишь на одной из них (Митино-5) были проведены стационарные археологические исследования (иссл. Т. М. Кузнецовой, 1987, 1989 гг.).

В ходе археологических изысканий последних лет на территории области был собраи интересный материал эпохи мезолита.

Целью данного сообщения является анализ коллекции кремневого инвентаря мезолитической стоянки Упа-IV. Этот памятник расположен на юго-восточной окраине г. Тулы, в 1 км от ул. Новомосковская, на левом берегу р. Упы. Занимает оконечность мыса, ограниченного с северо-востока руслом реки, а с юго-востока — оврагом и речкой

Малевкой (левый приток р. Упы). Высота над урезом воды — 5,5—13,5 м. Площадь памятника (в границах распространения подъемного материала) составила 27,2 тыс. кв. м. Культурный слой памятника сильно разрушен ежегодными распашками и интенсивными смывами в пойму, вдоль восточного края мыса он практически отсутствует. В остальных местах мощность его составила 0,1—0,2 м. Сложен слабогумусированным суглинком.

Памятник был открыт в 1987 г. разведочным отрядом Тульского государственного педагогического института под руководством Р. В. Клянина. Повторно обследовался в 1991 г. отрядом Тульской археологической экспедиции под руководством В. П. Гриценко. В 1992 г. археологической экспедицией Тульского областного краеведческого музея (руководитель Екимов Ю. Г.) на памятнике были проведены охранные археологические раскопки. В ходе исследований был получен разновременный материал, датируемый эпохой мезолита, ранним железным веком и древнерусским временем. Ввиду практически полной разрушенности культурного слоя, все находки определены как подъемный материал. Однако с целью возможной локализации разновременных комплексов велось планиграфирование всех находок, включая и массовый материал.

Коллекция эпохи камня с многослойного памятника Упа-IV насчитывает 230 кремневых предметов, из них 92 — со вторичной обработкой.

Обитатели стоянки использовали в качестве сырья много разновидностей кремня: качественный, возможно меловой, кремень черного, коричневого, красного и серого цветов; менее качественный, валунный, разных оттенков. В коллекции имеется также два кварцитовых отщепа, большое количество обожженного кремня.

Нуклеусов, нуклевидных кусков в коллекции 10 (11%). Система скалывания основана на утилизации одноплощадочных подконических и двухплощадочных подпризматических нуклеусов с односторонней и круговой системой скалывания. Площадка, в большинстве случаев, скошена и подправлена сколами. В коллекции есть аморфный нуклеус с хаотичной системой скалывания, технологические сколы в виде продольного скола с нуклеуса и трех ребристых пластин, а также небольшой отбойник из гальки.

Кремневая индустрия носит характер отщепово-пластинчатой. Отщепы и изделия на них составляют 63% (145 ед.) от всей коллекции, пластины и изделия на них — 33% (75 ед.). Среди пластин преобладают правильные, мелких и средних размеров, большинство в виде сечений.

Пластины с ретушью составляют 8% (7 ед.) от общего числа орудий. Найдены 2 острия (пластины с приостренным ретушью концом), пластина с ретушью на конце со стороны брюшка, пластины с мелкой нерегулярной ретушью на боковых гранях.

Найдено 5 наконечников стрел (5%). Из них два постаренсбургских, асимметричных, с боковой выемкой, один с резцовым сколом на пере. Боковые грани и выемки оформлены крутой затупливающей ретушью со спинки; наконечник асимметричный, со слабо выделенным черешком, оформленным мелкой противолежащей ретушью; 2 косолезвийных наконечника, один из которых может быть охарактеризован как переходная форма от наконечника к асимметричной высокой трапеции.

Скребков найдено 27 (29%). Преобладают концевые, как на отщепе, так и на пластине. Среди них: скребки со скошенным лезвием, двойные, с рабочей частью, оформленной с брюшка. Встречены боковые скребки (у одного рабочий край оформлен с брюшка) подокруглые и микроскребки. Ретушь крупная и средняя, крутая. Большинство скребков выделяется сильной сработанностью рабочих краев.

Резцы представлены 8 экземплярами (9%). Соотношение на пластинах и отщепах равное. Среди них: угловые на сломе заготовки, боковой и двойной боковой с ретушированными площадками скола, срединный. Встречены различные варианты комбинированных резцов (с разным типом оформления площадок для нескольких кромок на одной заготовке).

Группа рубящих (2%) представлена двустороннеобработанным теслом подовальной формы со сломанным лезвием и тесловидным орудием с перехватом на массивном отщепе.

В коллекции встречены комбинированные орудия в вариантах: скребок-резец, скребок-скобель, скребок-нож. Имеются также нож на массивном отщепе, проколка на пластине с невыделенным жальцем, одновыемчатые скобели, а также многочисленные отщепы с ретушью, представленные обломками орудий и типологически неопределимыми орудиями.

Типологический анализ кремневого инвентаря стоянки Упа-IV позволяет отнести ее к кругу памятников иеневской мезолитической культуры, а ряд характерных признаков (серия постаренсбургских наконечников стрел, отсутствие трапеций, преобладание концевых форм среди скребков, ранние типы инвентаря) — к ее раннему этапу.

Данные последних исследований в бассейне верховьев Оки (на территории Тульской обл.) позволяют поставить вопрос о расширении ареала распространения иеневской мезолитической культуры, наметить пути дальнейшего изучения мезолита в данном регионе.

А. Н. РИКУНОВ (Рогачев)

НЕСКОЛЬКО БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ НАХОДОК В РОГАЧЕВЕ

Город Рогачев Гомельской области расположен на полуострове, образованном слиянием двух рек — Днепра и Друти. Хотя впервые он упоминается в летописи (Ипатьевской) в 1142 году, поселения на его территории существовали уже во времена неолита и бронзы, что доказывают многочисленные находки каменных топоров, керамики и кремневых орудий в черте современного города. Таких местонахождений 5. Вообще же весь район Рогачевского Поднепровья создает впечатление какого-то племенного центра того времени по обилию местонахождений — около 20.

Одним из таких мест является собственно исторический центр древнего Рогачева — Замковая гора. Это городище на высоком берегу-мысу в районе слияния рек и селище внизу, на берегу Днепра, интенсивно размываемое весной. Городище неоднократно раскапывалось, в частности, Соловьевой Г. Ф., Лысенко П. Ф. и Загорульским Э. М. в разные годы. Сейчас городище снивелировано под памятник "850-летие Рогачева", во время нивелировки был найден подшлифованый кремневый топорик.

В середине 80-х годов на размыве берега Днепра в районе селища была найдена бронзовая фигурка, изображающая, скорее всего, горного козла. Фигурка изготовлена методом литья в двустворчатой форме, хорошо видны остатки шва, лишь на спине и голове они спилены. Покрыта доброкачественной патиной коричневого цвета и неплохо сохранилась. У фигурки козла большая голова с островатой мордой, внизу которой чуть отогнутая борода, рога — широкие и уплощенные у основания — к концам заостряются. Шея длинная, туловище небольшое, в сечении заоваленый прямоугольник, хвост широкий и короткий, слегка задраный. Ноги книзу расширяются, сплошные — без разделения на левую и правую, передние длиннее задних. Дефекты: один рог отломан, второй надломан. Размеры фигурки: наибольшая длина (от конца морды до хвоста) — 4,2 см, высота (от рога до конца передних ног) — 3,6 см, от хвоста до конца задних — 1,6 см; толщина — от 0,6 до 1,1 см.

Вероятнее всего, фигурка является предметом импорта с северного Кавказа и принадлежит к древностям Кобанской археологической культуры (ареал северный Кавказ, Осетия) конец II — начало I тысячелетия до н. э., по определению ГИМа. Эта культура известна совершенством обработки бронзы. Кобанская бронза отличается также высоким содержанием олова, отсюда и хорошая сохранность фигурки. Подобные фигурки служили навешием — украшением кобанских бронзовых кинжалов. (Рис. 1)

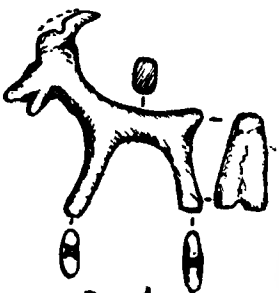


Рис 1

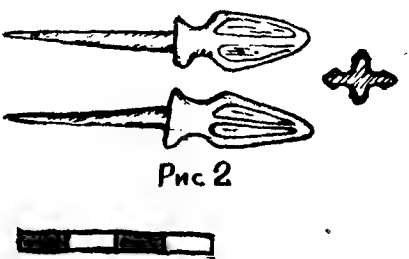


Рис 2

Рис 4.

Рис 3

У большего крючка щип ярко выражен и аккуратно обработан, у меньшего — лишь намечен. Хвосты крючков — плоские, без отверстий. (Рис. 4)

Когда-то отломанная от кинжала, фигурка видимо долго служила каким-либо амулетом, так как концы ног опилены, и даже подшлифованы и прорезаны по центру — для разделения на левую и правую.

Другим предметом, найденным в то же время и на том же месте, является бронзовый предмет, напоминающий черешковый наконечник стрелы, каковым он, видимо, и является. Поверхность заполирована почти до блеска и покрыта зеленовато-коричневой патиной. Длина 6 см, ширина 1,1 и 0,8 см. Острие четырехлопастное, с двух сторон уплощенное, постепенно переходит в круглый, расширяющийся к черешку, упор, резко обрывающийся к черешку (основанию черешка). Черешок круглый в сечении, длинный, сходящий к концу на иглу, местами неровно обработанный. Все грани наконечника заглажены, конец жала также притуплен и заглажен. (Рис. 2)

Есть несколько бронзовых рыболовных орудий, найденных на берегу Днепра у подножья Замковой горы. Это наконечник с шипом, возможно от гарпуна (остроги) и 2 рыболовных крючка.

Наконечник, размером 3 см, сильно коррозированный, сохранился не весь. Основание овальной формы косо обломано. Шип небольшой, чуть отогнутый на конце, спинка наконечника слегка закругляется, из чего следует, что в первоначальном виде это был 2-х (а то и 3-х) зубый гарпун (острога), но можно и допустить — крупный рыболовный крючек. (Рис. 3)

Рыболовные крючки сохранились неплохо, покрыты коричневатой патиной, лишь кое-где — наросты ржавчины, заглажены по протяженности, неровные по диаметру, особенно больший. Размеры их: 3,4 см и 2,5, диаметр соответственно 0,15 и 0,11 см.

У большего крючка шип ярко выражен и аккуратно обработан, у меньшего — лишь намечен. Хвосты крючков — плоские, без отверстий. (Рис. 4).

Е. А. ШМИДТ (Смоленск)

ДНЕПРО-ДВИНСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВЕРХОВЬЯХ ДЕСНЫ

Некоторые сведения о городищах раннего железного века в верховьях Десны были опубликованы более ста лет тому назад. Более подробные описания их приведены в 1930-х гг. в работах Соколовского С. М. и Лявданского А. Н. Однако, детальное изучение городищ в ходе археологических разведок началось только после Великой Отечественной войны в 1950—60-х гг. Артышевская Л. В. и Третьяков П. Н. исследовали несколько городищ и вскрыли на них небольшие площади культурного слоя; полученный материал позволил отнести эти городища к памятникам днепро-двинской культуры. Одновременно, в связи с паспортизацией памятников истории и культуры были обследованы почти все городища в бассейне Десны на Смоленщине. В 1956 г. в разведках на р. Десне принимал участие Заверняев Ф. М. В связи

со строительством Смоленской атомной электростанции и сооружением водохранилища на р. Десне, в зоне затопления оказались археологические памятники, в том числе: городища у дд. Холмец и Слобода-Траянова, раскопки и полное изучение которых было проведено под руководством автора настоящего доклада в 1974—1979 гг. Эти работы позволили получить значительные материалы и решить ряд вопросов.

К настоящему времени поселения племен днепро-двинской культуры, представленные исключительно городищами, отмечены на р. Десне и ее притоках от истока до границ Смоленской области и далее, ниже по течению, в пределах Брянской области, где, видимо, они в какие-то отдельные отрезки времени распространялись до бассейна р. Ветьмы, то есть в Рогнединском, Дубровском и, частично, Жуковском районах.

Городища днепро-двинской культуры устраивались, преимущественно, на высоких мысах у берегов Десны и на ее притоках, что в значительной степени определяло их форму и характер укреплений. В плане они бывают округло-треугольные, яйцевидные и овальные. Система оборонительных сооружений за период существования городищ днепро-двинской культуры значительно совершенствовалась и перестраивалась: от простейшего частокола, поставленного по периметру площадки, в начальный период формирования культуры и расселения в Поднепровье, до сложной системы из двух кольцевых валов с деревянными оборонительными конструкциями и рвами с их внешней стороны. Городища, сооруженные в середине I тыс. до н. э., сразу укреплялись деревянным тыном, перед которым снаружи была валообразная земляная насыпь и ров, а с внутренней стороны еще деревянные столбовые конструкции. Площадки внутри оборонительных сооружений сравнительно невелики. Жилые постройки до конца третьей четверти I тыс. до н. э. были наземными, деревянными, столбово-кольевой конструкции с овальными очагами, слегка углубленными в земляной пол. Хозяйственные помещения конструктивно связаны с оборонительными сооружениями и охватывали по периметру почти всю площадку в виде длинной постройки, поделенной на отдельные камеры. Они использовались для хранения запасов и содержания скота.

Вещевой комплекс из Подесенья, главным образом, полученный в результате раскопок городищ у дд. Холмец и Сл. Троянова, целиком соответствует таковому из Верхнего Поднепровья и Подвинья, т. е. он является типичным для днепро-двинской культуры. Это в полной мере относится к керамике, представленной слабопрофилированными, преимущественно неорнаментированными, глиняными горшками и мисками. Кроме того, глина служила материалом для изготовления грузиков "дьякова типа", детских игрушек-погремушек и пр. Изделия из железа местного производства представлены серпами, топорами, ножами, шильями, иглами и пр., а также украшениями (булавки,

браслеты). Предметы из бронзы разнообразны: пекторали, шейные гривны, серьги, подвески, пронизки, булавки, иглы и пр. Традиционно обрабатывалась кость, а изделия из нее многочисленны: наконечники стрел, гарпуны, проколки, иглы, тупики, рукояти, булавки и пр. Камень использовался только для производства зернотерок, терочников и пестов. Наличие различных металлических и костяных орудий труда дает основание утверждать широкое использование и обработку дерева, шкур, растительных волокон и шерсти.

Хозяйство днепро-двинских племен было комплексным. Основу составляли подсечно-огневое земледелие с выращиванием ячменя, пшеницы, проса и льна и животноводство с разведением крупного рогатого скота, свиней, лошадей, мелкого рогатого скота и собак. Некоторую роль играли: охота на мясных и пушных животных и птиц; рыболовство, собирательство, включая и бортничество. Остеологический материал дает основание представить соотношение отдельных видов домашних животных в стаде того времени.

Вещевой комплекс содержит некоторое количество предметов, позволяющих судить о связях днепро-двинских племен Подесенья с другими племенами и обмене. Наличие разнообразных вещей, изготовленных из бронзы и меди, подтверждает получение металла в виде слитков или готовых изделий от других племен путем обмена, так как месторождений руд цветных металлов нет ни в Подесенье, ни в целом в Верхнем Поднепровье. Более конкретные связи племен верховьев Десны с населением других территорий Восточной Европы можно установить по находкам отдельных привозных вещей. Так, например, на городище у дер. Холмец найдены: железный боевой топор, бронзовые серьги и подвеска, имеющие полные аналогии в скифских древностях V—III вв. до н. э. Эти вещи могли попасть в верховья Десны при посредничестве юхновских племен, у которых со скифами были постоянные, археологически четко зафиксированные связи. На этом же городище найден обломок плоского височного кольца, характерного для прибалтийских племен, попавшего в Подесенье при посредничестве племен Подвинья. Многие предметы вещевого комплекса днепро-двинских племен по своему облику близки таковым в древностях Верхней Оки и более южного Подесенья, что говорит, видимо, и о тесных культурных и хозяйственных связях, и об этнической близости этих племен. Население собственно днепро-двинской культуры, без сомнения, входило в большой массив племен восточных балтов.

Время существования днепро-двинской культуры в верховьях Десны охватывает почти весь период раннего железного века. По характеру керамического комплекса этот период делится на два отрезка времени:

I. От формирования и распространения культуры в VII—VI вв. до н. э. до I в. до н. э.; II. Первые века н. э. (по IV в.).

Формирование днепро-двинской культуры связано с местным субстратом, т. е. с племенами позднего бронзового века. При этом, значительную роль сыграли носители сосницкой культуры, что прослеживается в вещевом комплексе ранних поселений. Не исключено проникновение с юга и других групп населения, в том числе носителей бондарихинской культуры, чему, видимо, способствовало расселение в степи и в лесостепи скифских племен, оттеснивших значительные группы населения к северу. Культурные импульсы с юга имели место в течение всего периода, но значительно усилились в первые века н. э., когда в южной части Верхнего Поднепровья расселились зарубинецкие племена и сформировалась почепская археологическая культура.

Судьба днепро-двинского населения верховьев Десны после IV в. н. э. не совсем ясна, т. к. тушемлинская культура здесь повсеместно закрепиться не смогла. Имеющиеся материалы однозначного ответа не дают. Высказано предположение, что на этих пространствах расселилось население из Среднего Подесенья. Однако, не исключается проникновение в верховья Десны и носителей мощинской культуры.

А. Н. АПАЛЬКОВ (Курск)

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОСЕЙМЬЕ

Решением вопроса о времени появления памятников юхновской культуры в Посеймье занимался ряд исследователей (А. Е. Алихова, О. Н. Мельниковская). В ходе полевых работ был накоплен значительный материал с городищ Кузина гора, Александровское, Плаксино, Жадино. Кроме того, изучались памятники, относящиеся к кругу лесостепных культур скифского времени (А. И. Пузикова). Исследования в данной области проводились на городищах Марица, Переверзево-1, Нартово и Глебово. При этом было определено, что памятники, принадлежащие населению юхновской культуры, появляются в Посеймье не ранее V в. до н. э.

Среди городищ, относящихся к юхновскому периоду заселения, своим своеобразием выделяется Кузина гора. При исследовании памятника были изучены сложные оборонительные укрепления, состоящие из частоколов, расположенных по склону, и сплошной постройки (длинный дом), по всему краю площадки (А. Е. Алихова). Большинство найденной на городище керамики выделено автором раскопок в отдельный тип-кузиногорский.

Оборонительные сооружения, подобные кузиногорским, не имеют аналогий на других памятниках Посеймья. Хотя наличие более простых конструкций было отмечено на ряде городищ (Плаксино,

Моисеево, Марица, Переверзево-1). Ни на одном из них не было зафиксировано таких сложных въездов, как на Кузиной горе.

Керамический материал городища Кузина гора также имеет свои особенности. Здесь преобладают груболепные и тонкостенные слабо профилированные сосуды, орнаментированные, чаще всего, наколами по шейке и плечу. Керамика, относящаяся к лесостепной скифской культуре и имеющая, в большинстве, орнамент в виде проколов жемчужин и защипов, встречена здесь в очень небольшой пропорции. Тогда как на других памятниках (Марица, Переверзево-1) она является преобладающей, а юхновская, наоборот, носит подчиненный характер.

Наиболее раннюю дату городища Кузина гора дает находка обл ков ионийских амфор начала VI в. до н. э. В то же время здесь не зафиксированы следы построек, характерных для данного (лесостепного скифского) периода заселения Посеймья. Тогда как на синхронных городищах Марица, Переверзево-1 они присутствуют.

По своим особенностям, городище Кузина гора гораздо ближе стоит к юхновским памятникам Десны и Верхней Оки. Видимо, в начальный период Кузина гора являлась единственным (или одним из немног городищем, дающим такую раннюю дату возникновения, и нахо лась среди поселений скифоидной лесостепной культуры. Усилен фортификационные сооружения подтверждают это. Впоследст рядом с Кузиной горой возникает ряд поселений юхновской культу состоящий из городищ (Плаксино, Березуцкое и Александровско несколько селищ. Все вместе они образуют компактный микрорег памятников, начало которому, вероятно, положила постройка пер укреплений на Кузиной горе.

Возникновение памятников юхновской культуры на Сейме в VI до н. э. оставляет открытым вопрос об их происхождении, т. к практически не изучен предшествующий период — эпохи поздне бронзы.

Ю. Ю. ШЕВЧЕНКО (Черни в)

ПОЧЕПСКИЕ ДРЕВНОСТИ ДЕСНЫ — ХРОНОЛОГИЯ СВЯЗЕЙ

Открытие почепской группы памятников Ф. М. Заверня вначале вызвало скепсис в среде археологов, поскольку менял представления в тогдашней зарубинологии. Последующие работы П. Пачковой, В. И. Бидзили (Лютеж) и П. И. Хавлюка (Марьяно Рахны) вскрыли тот же хронологический пласт постзарубинецки древностей первых полутора ст. н. э. В результате выкристаллизов лось представление о расширении зарубиноидного (ЗБК) ареала в на 1 в. н. э. под сарматскими ударами (Максимов Е. В.) и был предложено назвать явление "горизонтом Рахны—Лютеж—Почеп

(Щукин М. Б.), — явления краткого по времени, по сравнению с археологической культурой, но охватывающего более широкий ареал.

Мной была высказана мысль об участии в процессе формирования почепских древностей пшеворoидных (ПШК) элементов с Дуная и постпоянешти-лукашевского (ПШЛ) населения (с позднескифскими и сарматскими элементами) нижнеднепровских городищ (Херсон, 1990; Гомель, 1991; Чернигов, 1992; Запорожье, 1994). Волна бастарнов-певкинов ПШЛ облика могла достигнуть Днепровского Левобережья ок. сер. I в. до н. э., что связано с северопричерноморскими событиями похода Буребисты. Это объяснило бы находки на ЗБК памятниках очковых спиралевидных подвесок (Савчук А. П., 1969), заимствованных ПШЛ населением у кельто-иллирийцев, где они являлись непременным атрибутом погребального обряда. Серия утолщенных венчиков в лощеной керамике Хариевки, где встречены позднеэллинистические амфоры этого времени, также может иметь ПШЛ происхождение. Возможно, окончательное решение этого вопроса будет найдено при раскопках сейминской группы памятников (Обломский А. М.) и начавших изучаться в Низовьях Десны памятников классического ЗБК времени, типа Еловщины (Валькова Т. П.). Новые материалы помогут разобраться и в более ранних импульсах рубежа эпох Латен (ЛТ) — Д и С (Уманец А. Н., Шевченко Ю. Ю., 1995), когда формируется верхнеднепровская ЗБК группа, в ПШЛ появляются ПШК элементы, а на Любельщине — памятники типа Черничин, рассматриваемые как сплав ЗБК, ПШК и Ясторфа (Дабровска Т., 1973, 1988). Не исключено, последние продолжают существовать до "почепского времени" (Гриневичи Вельки) в горизонте фибул О. Альмгрена (Ал)—63.

Дунайская ПШК волна датирована в почепской группе находками фибул Й. Костшевского типов I и 0 (Груд близ Чернигова и Почеп), их почепскими дереватами и фибулами с перевитой спинкой, но иного профиля, с дырчатым приемником. Если первые относят почепские памятники к последней фазе ЛТ—$Д_{2-3}$, продолжавшейся в оксыве до второго, а в ПШК — до четвертого десятилетия I в. н. э.; то "почепская серия" имеет дереватный признак фибул Ал—68, наиболее распространяющихся в конце эпохи Тиберия и диагностирующих стадию B_1 раннеримского времени: 6—70 гг. н. э. (Щукин М. Б., 1990). Начало этого этапа — B_{1a} (6—20 гг. н. э.) диагностирует находка почепской фибулы с перевитой спинкой на пос. Колодезный бугор. Ее профилировка далека от позднелатенских, даже в серии Костшевский—0 (Ср.: Третьяков П. Н., 1974) и соответствует серии аукисс, как и конструкция приемника (кнопка обломана), распространенных не позже этого времени. Вступление Подесенья в римское время (B_{1a}) соответствует окончательному формированию почепской группы памятников, где в наборе присутствует и краснолощеная посуда (без присутствия красителя на поверхности она была бы желтолощеной). Красное лощение на керамике, по мнению В. Ф. Гайдукевича, было

привнесено на Боспор сарматами, поскольку встречается на сосудах из Калиновских курганов в Нижнем Поволжье со 2 в. до н. э., сохраняясь в 1—2 вв. н. э. К этому времени краснолощеная керамика уже присутствует в причерноморских центрах (Золотая Балка, Тира, Боспор). Такой вид керамики обнаружен Ф. М. Заверняевым на почепских селищах; при исследованиях поселения и могильника Груд А. А. Попко (1947—1966) и автора (1976-1989). Однако формы краснолощеной керамики из почепского слоя Груда находят соответствия только в ПШК древностях: Подберезцы (Козак Д. Н., 1977, р. 3, — 3, 4, 9; 4, 9; 5, —1, 4, 5, 10, 12). Как красно-, так и черно-, и желто-, и серолощеные формы керамики Груда соответствуют ПШК. Аналогичные датированы в европейских памятниках фибулами Ал—67 и 68, соответствуя первым двум стадиям ("а" и "в") римского периода B_1: Абрахам — погр. 4, 78, 81, 85, 100; Сладковиково—69; Костолна на Дунае — 32, 35, 36; Криспинов — 16, 37, 51; позднее — Вымыслово — погр. 176, 328; Ключев — 43; Млоджиково — 224. Симбиоз ПШК форм и сарматской техники обработки поверхности свидетельствует о направлениях связей почепского населения. Сарматские связи документированы частыми находками обломков гончарных причерноморских мисок на поселении и могильнике Груд, фрагментом рыбницы из погр. 22, типичной для причерноморских полисов 1 в. до н. э., а для нижнеднепровских городищ — 1 в. н. э. К серии связей с Поднестровьем (Гоева Гора, с фибулой Ал—68), где в 1 в. н. э. наблюдается чересполосное сосуществование бастарнских и сарматских могильников, отнесен М. Б. Щукиным двуручный гончарный сосуд из постр. 9 Чаплина. Одночастный гребень (Томас—А) из этого комплекса может иметь раннюю дату нач. 2 в. н. э., — такой же встречен в погр. 10 мог. Криспинов с фибулой Ал—41 (B_{2a}). Это соответствует или очень не намного предшествует времени бытования наиболее поздних фибул Ал—63 на памятниках горизонта Рахны—Лютеж—Почеп. Ту же дату (1 пол. 2 в. н. э.) по набору аналогий имеет почепский одноручный сарматский кувшин; гончарные сероглиняные миски из Почепа (с тамгой) и Рахнов; чернолощеная внутри курильница (или чаша?) с Груда, аналогичная сусловским курильницам типа VIII—5 по К. Ф. Смирнову (1973). Усиление контактов с сарматским миром в 1 пол. 2 в. н. э. и возможная связь с событиями боспорских войн, видимо, помогут уточнить дату окончательного финала почепских памятников после сер. 2 в. н. э. Во 2 пол. 2 в. н. э. (несколько позднее и в связи с движением готов) прерывается и культурная традиция на Волыни (Козак Д. Н., 1992), как в то же время резко сокращается число сарматских памятников Северного Причерноморья, за исключением областей между Днестром и Дунаем (Дзиговский А. Н., 1982), т. е. за пределами областей боспорских войн. Синхронизация всех этих явлений примерно во времена Савромата второго (с 174 г. н. э.), может быть, связывает серию удач боспорских царей (193 г. — победа над сираками и присоединение

позднескифского царства) с процессом движения готов. В то время, как на Волыни в керамическом комплексе зубрецких памятников появляется элемент культуры штрихованной керамики, на памятниках типа Почепа Нижней Десны появляется новый слой (Груд, Смычин), видимо, не связанный с собственно почепским, где штрихованному компоненту принадлежит значительная роль.

Связь почепских материалов с древностями Самарской Луки Поволжья (Терпиловский Р. В., 1991; Матвеева Г. И., 1986) при становлении именьковской культуры, по находке аукиссы, могут быть отнесены не позднее сер. I в. н. э. Наличие в Именьково ПШК форм говорит о времени связей после поступления ПШК материалов на Десну (в периоде B_{1a}) и относится не ранее, чем к периоду $B_{1в-с}$. Такую дату подтверждает и 8-образные маркоманские пряжки в Андреевском могильнике Поволжья (типа "У" по К. Раддацу), бытующие в B_1 ($B_{1в-с}$ —?) и встречаемые в начале периода B_2 (после 70 гг. I в. н. э.). Не исключено, что полный финал почепских памятников Десны напрямую связан с расцветом именьковской культуры Поволжья. Сосуд с Именьковского городища (Матвеева Г. И., 1981, р. 2, —2) полностью идентичен сосуду из постр. 11 Груда (Шевченко Ю. Ю., 1992, р. 3,— 10). Чашечки полусферической формы с закраинкой в виде поддона из Именьково (Матвеева Г. И., 1981, р. 9, — 3, 4) идентичны не ЗБК (Дедов Шпиль, Николаевка), имеющим коническую форму, а упомянутой чашечке (курильнице?) с Груда. Сопоставление форм с поселений славкинского типа в Среднем Поволжье (Матвеева Т. И., 1986) с формами памятников зубрецкой группы на Волыни напоминает о том, что подобные появляются в слоях, перекрывающих почепские горизонты на Десне — Смычин, Гребля. Кроме богатого штрихованного материала (типа Грини — Вовки), здесь наличествует груболепная посуда типа Абидни (жил. 1), соответствующая зубрецкой керамике на поселении Подберезцы.

О. А. ШАРОВА (Москва)

ГЛИНЯНЫЕ ПРЯСЛИЦА ПОЧЕПСКОГО СЕЛИЩА И ДВЕ ТРАДИЦИИ В ИЗГОТОВЛЕНИИ ПРЯСЛИЦ I ТЫС. Н. Э.

В известной публикации материалов раскопок Почепского селища, исследованного Ф. М. Заверняевым, приводится описание найденных пряслиц, дополненное несколькими рисунками (Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА, 1969, № 160, с. 105, 109). Это предметы биконической формы с четким оформлением деталей и с широким отверстием. Большинство из них имеет диаметр 2,5—3 см, высоту 1 см и диаметр отверстия 1—1,3 см, некоторые орнаментированы. Эти данные, хотя и обобщенные, позволяют сопоставить эти находки с пряслицами других памятников I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и соседних регионах.

В большинстве археологических публикаций описания данной категории находок приводятся слишком обобщенно или вообще заменяются кратким упоминанием. Такое отношение археологов к этим предметам привело к укоренению представления о единообразии глиняных биконических пряслиц для большинства культур I тыс. н. э. на вышеуказанной территории. Локальные и хронологические различия, а также многие вопросы, связанные с традициями изготовления и использования этих предметов, остаются неисследованными. Вместе с тем, изучение пряслиц представляется важным и может принести интересные результаты, особенно в раннеславянской археологии, где большинство памятников отличается скудностью материалов, а глиняные пряслица часто являются второй по массовости группой находок после керамики.

Нами были изучены пряслица следующих культур: позднезарубинецкие культурные группы, киевская, мощинская, колочинская, тушемлинско-банцеровская, культура псковских длинных курганов, пеньковская, пражская. Для исследования собрано 573 прялица с 75 памятников. Разработан список признаков для их описания в системе Ребус; основную его часть занимает описание деталей формы пряслиц, учтены также их размеры. Проведена статистическая обработка данных с использованием программ Datascope и Statgraphics.

Для всех изученных групп памятников абсолютно преобладающими являются глиняные усеченно-биконические пряслица, симметричные относительно горизонтали, проходящей через середину высоты.

Выяснилось, что для отдельных территориально-хронологических групп памятников характерны определенные варианты пряслиц. Очерчено 7 групп памятников, имеющих сходные наборы вариантов. Они объединяются в два больших массива. Первый — мощинская культура верхнего Поочья, киевская культура верхнего Поднепровья, тушемлинско-банцеровская культура и культура псковских длинных курганов. Второй — днепровское лесостепное левобережье, верховья Дона с памятниками позднезарубинецких культурных групп, киевской и пеньковской культур, а также пражская культура. Между двумя массивами наблюдаются следующие различия. Для первой группы характерны пряслица с четкими заостренными формами, вогнутыми гранями; часто присутствует лощение. Эти пряслица низкие (диаметр больше высоты) с большим отверстием. Пряслица второй группы имеют нечеткие, закругленные детали оформления, менее тщательно обработанные поверхности. Они более массивные, высокие, с узким отверстием.

Эти формальные стилистические различия, очевидно, связаны с функциональными различиями (способами применения пряслиц в прядении). Можно предполагать перераспределение ролей между пряслицем и веретеном. В первом случае пряслица связываются с

более толстыми веретенами, утолщенными в какой-то части. Во втором — с более тонкими и легкими веретенами. Пряслица Верхнего Поочья мощинской культуры представляют крайний вариант развития первой традиции; для них характерны исключительно широкие отверстия.

Есть все основания полагать, что выделяются две традиции изготовления глиняных биконических пряслиц. Позднезарубинецкие памятники типа Почепа являются пока наиболее ранними, где обнаружено бытование первой традиции. По этому признаку с ними сходны древности другой позднезарубинецкой группы — типа Гриней, — рассеянные в верхнем и среднем Поднепровье. Истоки этой традиции не ясны. Позднее она распространяется на обширной территории в Подесенье, Посожье, междуречье Десны и Днепра, в верхнем Поочье, на Псковщине, в белорусском Поднепровье. Она свойственна памятникам киевской, мощинской, отчасти колочинской культур, памятникам типа Заозерья, Тушемли-Банцеровщины, культуры псковских длинных курганов. К последней четверти I тыс. н. э. эта традиция, очевидно, исчезает.

Наблюдения за наборами пряслиц позволяют получить дополнительные данные по культурогенезу конкретных регионов, и в частности Подесенья. Как известно, киевская культура Подесенья не является продолжением местных позднезарубинецких древностей типа Почепа. В то же время, типы пряслиц на памятниках киевской культуры (Лавриков Лес) весьма сходны с почепскими. Для более южных вариантов киевской культуры (в том числе и сходных с деснинским) преобладающими являются пряслица второй традиции (А. М. Обломский, 1991).

Вторая традиция восходит к культурам раннего железного века. Аналогии массивным высоким пряслицам с узким отверстием можно найти в материалах классической зарубинецкой культуры, скифских древностях лесостепи и других культурах. В римское время вторая традиция наиболее характерна для лесостепной зоны Поднепровья. Две традиции взаимодействуют между собой и встречаются иногда на одних и тех же памятниках, например, в киевской культуре. Вторая традиция, очевидно, возникает раньше, чем первая, она наиболее устойчива и постепенно распространяется на большой территории лесной зоны Восточной Европы, продолжаясь на памятниках конца I тыс. н. э. и в эпоху Древней Руси.

В. А. ПАДИН (Трубчевск)

К ИСТОРИИ СЛАВЯН ПОДЕСЕНЬЯ

Разведки памятников 3-й четв. I тыс. н. э. на Десне проводились П. Н. Третьяковым и Л. В. Артишевской, которая исследовала могильник V—VII вв., расположенный близ Кветуни Трубчевского р-на. Автору удалось открыть на рр. Десне и Навле поселения VI—VII вв., произвести значительные раскопочные работы на интересном поселении Макча, открыть и исследовать могильник раннеславянского времени близ Усоха, поселения "Прорва" и "Хохлов вир". Вероятно, какая-то часть интересующих нас памятников распахана или размыта талыми и дождевыми водами, так как они обычно располагались на пологих берегах рек (вода, выпасы) и не имели укреплений.

Раскопками нам удалось добыть ценные материалы о племенах, обитавших в Подесенье накануне сложения Русского государства. Некоторые исследователи пытаются утвердить, что исследуемый нами район населялся в первой пол. I тыс. н. э. балтами, а славяне пришли позднее. В своих выводах они опираются на гидронимы, связанные с балтскими языками. В то же время нет ясности в этнической принадлежности части гидронимов региона и не установлено время появления названий водоемов бассейна Десны, ведь гидронимы имеют древнее происхождение: они могли возникнуть до образования балтийских племен и могут являться элементами праязыка, на котором говорили племена, обитавшие в Подесенье более 10 тысяч лет назад, когда территориальная общность определяла языковую.

Нельзя не согласиться с литовским ученым А. А. Сейбутисом, утверждающим, что все, так называемые балтские гидронимы, как на балтской, так и на славянской территориях принадлежат праязыку.

Выразительными памятниками раннеславянского времени являются городище и селище "Макча", раскинувшиеся на правобережье. Открыты жилища столбовой конструкции как углубленные в землю, так и наземные, с очагами, сложенными из кусков болотной руды и мергеля. Слой колочинской археологической культуры перекрывается волынцевской (тонкое тесто, пролощеные линии), здесь же раскопан курган с аналогичной керамикой.

В километре от Макчи раскопан грунтовой могильник VI—VII вв. Сожжения сопровождались пальчатой оплавленной фибулой, браслетом с утолщенными концами и др., а на противоположном берегу Десны исследовано одновременное поселение с залощеной посудой (колочинский тип), железным серпом и аварскими наконечниками стрел. На правом берегу Десны, близ описанного могильника удалось открыть и раскопать остатки поселения киевской археологической культуры III—V вв. с посудой колочинского типа, с жилищем, чуть углубленным в землю, столбовой конструкции и с такими же захоронениями (сожжения в котлообразных ямках), как в Усохском и

Квстунских могильниках. Здесь же обнаружены и исследованы остатки довольно большого поселения VI—VII вв. Исследователи считают киевскую археологическую культуру славянской, а на Десне она подстилается позднезарубенецкой, типа Почепской, открытой и исследованной Ф. М. Заверняемым. Нами в Деснинской пойме неоднократно в размывах дюн встречалась керамика позднезарубенецкая с явными чертами колочинской.

На лугу у Трубчевска нами открыто и исследовано (уроч. Прорва) поселение и остатки могильника VI—VII вв. и подсечного (палового) поля, перекрытого поздними отложениями, когда изменился в связи с климатическими колебаниями режим Десны и вся пойма начала заливаться весной. Близ Макчи, но на противоположном берегу реки, также найдены остатки поселения интересующего нас времени.

Настоящей сенсацией явилась находка в Трубчевске антского клада. Северо-западная окраина города. Пологий склон глубокого и широкого ответвления древней балки с речкой Играевкой, на дне ответвления — остатки болотца и русла ручья, пересохшего когда-то. Найден клад на глубине 1,5 м в большом лепном горшке, аналогичном макчинским. Клад идентичен Мартыновскому (Киевщина), есть вещи, родственные суджанским (Куршина); относится к "антским", то есть славянским. В горшке находились 153 различных бронзовых и серебряных украшения, 18 полных и одна половина фибулы удивляют мастерством исполнения. Эти женские застежки, называемые пальчатыми или пятилучевыми, украшены углубленными поясками, концентрическими кружками с конической ямкой в центре, стилизованными птичьими головками или комбинациями из птичьих и животных головок. Концы узкого щитка фибул оформлены аморфно, а половинка является антропоморфной, так как на ее узком конце хорошо прослеживаются изображения человеческого рта, носа и глаз.

Любопытна серебряная фибула. Ее нижний щиток, исполненный в геральдическом стиле, украшен по краям пояском мелких насечек, создающих впечатление зигзага; таким же орнаментом украшен и центр щитка. Верх фибулы состоит из двух птичьих головок, соединенных фигурой, которую нельзя распознать. Длина фибул колеблется от 9,2 до 17,8 см. (Рис. I).

Застежки гривны (обруч, носившийся на шее) состояли из грушевидной петли и крючка, уплощенных проковкой. Бронзовые браслеты имели расширенные концы (четыре полных и один обломок). Имеется браслет с расплющенными концами волынцевского типа и две заготовки для изготовления браслета, а также стержень с раплющенными концами, являющийся, вероятно, незаконченным браслетом на детскую руку. Височные кольца имеют диаметр 11—14 см., два из них — браслетообразные с утолщенными, круглыми в сечении, концами. 22-сантиметрового диаметра гривна с грушевидной петлей и крючком украшена крупными глубокими вмятинами, придающими ей ориги-

нальный вид. В кладе находились обломки налобных серебряных венчиков с закрученными концами для подвязки, на обратной стороне обломков замечены остатки тканевого головного убора.

Две привески отлиты в виде львов — у одной фигурки прослеживается лапа и золоченая грива, прикрывающая ее частично. Третья литая зооморфная привеска изображает, вероятно, собаку. Из 84 серебряных поделок клада девять принадлежат птицевидным с двумя или тремя отверстиями, соединенными треугольными прорезями. Все 24 пряжки, включая и бронзовую, В-образные с довольно массивными рамками, вероятно, отлитыми, а затем отполированными с лицевой стороны. В кладе также находились 10 трубочек-привесок, две скобы и обломок оковки щита, сделанные из бронзы.

В раннеславянских кладах широко распространены геральдические украшения поясного набора. (В-образные пряжки, Т-образные концевые и другие накладки для скрепления ремня, для подвесных ремешков, что бытует на Кавказе). О. М. Приходнюк датирует поясные наборы Малого Ржавца сер. VI- сер.VII вв.

Таким же временем можно датировать и нашу находку, тем более, что в ней имеются проволочные браслеты с расплющенными концами, как-то сближающиеся с волынцевскими.

Некоторые особенности Трубчевского клада, как и некоторых других антских кладов, позволяют предположить местное изготовление его изделий; захоронен он самим ремесленником, так как в нем вместе с целыми украшениями находились обломки (сырье) и полуфабрикаты — незаконченные изделия, предназначенные для продажи, в связи с чем большой интерес вызывает находка в дореволюционные годы близ Трубчевска римской монеты II в., указывающей на торговые общения местного населения с античным миром. Какого населения? Обитателей, так называемых, *позднезарубенецких поселений типа Почепского и Луки*?

В Трубчевском кладе нет балтских элементов, он является продуктом славянского мира, свидетельствует о единстве происхождения колочинской и пеньковской археологической культур, возникших и развивавшихся в довольно сложных климатических условиях; раздвигает границы среднеднепровского производства антских украшений. Позднезарубенецкие памятники типа Почепа и Луки Райковецкой исследователи относят к киевской культуре, являвшейся славянской, и если это так, то заселение славянами Подесенья началось в I четв. I тыс. н. э., когда они и вытеснили насельников местных юхновских городищ. Особенно интенсивно развернулось заселение бассейна Десны славянами в эпоху Великого переселения народов.

Топография поселений и открытие подсечного поля свидетельствуют о том, что ранние славяне занимались разведением скота (это подтверждается остеологическими материалами) и паловым земледелием.

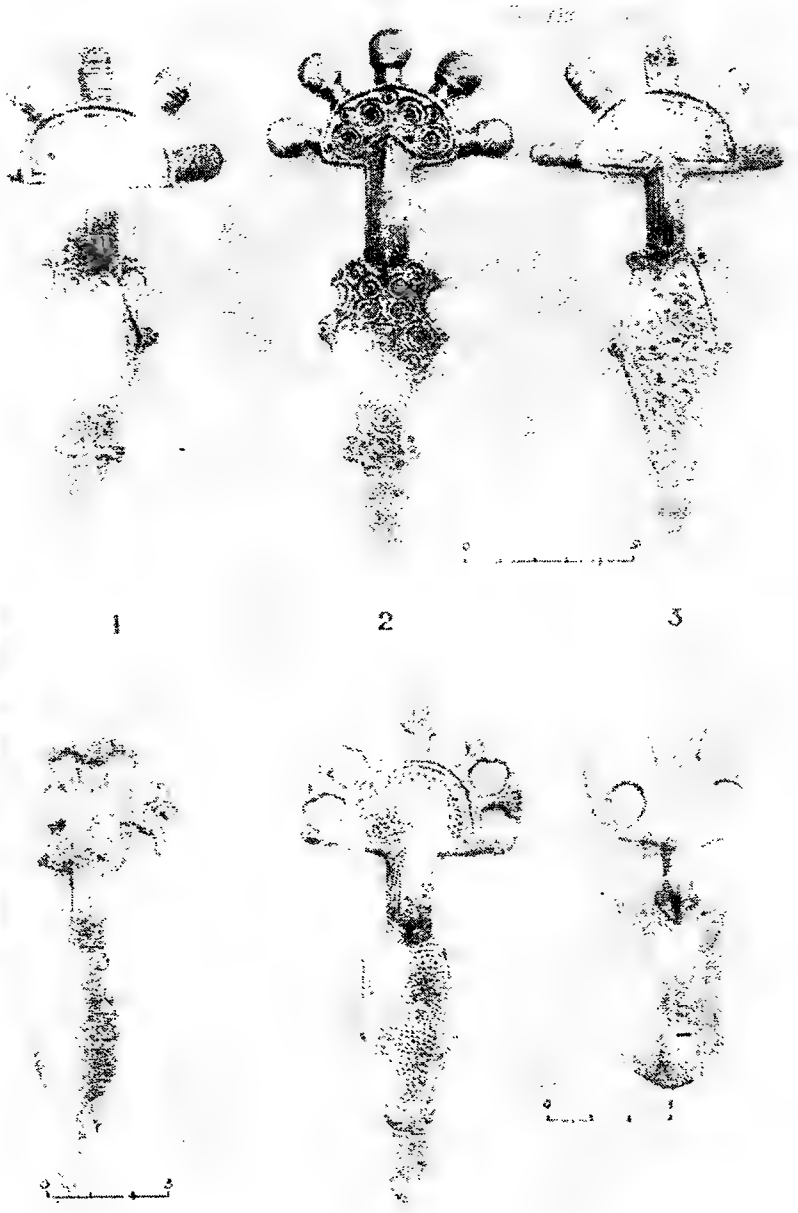


Рис. Фибулы Трубчевского антского клада: 1—5 — бронзовые, 6 — серебряная

Усохский комплекс, Лука, Макча и открытие в округе поселени крайне интересны в свете славянского этногенеза, а сосуществовани раннеславянской и волынцевской керамик (Волынцевская керамик встречена Ф. М. Заверняевым и на Судости) указывает на непрерыв ность этнического развития населения Подесенья с раннего средне вековья до возникновения городов. Ведь хорошо прослеживается связ раннеславянского культурного слоя с волынцевским, а волынцевско — с роменским, переходящим в древнерусский, отличающийся уж древнерусской керамикой, сделанной на гончарном круге.

Позволительно составить схему:

I—II вв. — позднезарубенецкая (Почепская) археологическая культура, III—V вв. — киевская, VI—VII вв. — колочинская, VIII в — волынцевская, IX — нач. X вв. — роменская, непосредственно связанная с эпохой Древней Руси, что подтверждается посудой "пе реходного типа".

ЛИТЕРАТУРА:

1. В. А. Падин. Роль Брянского края в происхождении славян Подесенья Брянский краевед. Вып. 5, Брянск, 1973. Раскопки поселения Макча. СА 1969, № 4, с. 200.

2. П. Н. Третьяков. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н э. в Верхнем и среднем Подесенье. РВД, 1974, с. 40—119.

3. Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на реке Десне. МИА, 1963, № 108, с. 85—96.

4. В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, № 3, с. 317—319.

Г. А. МАССАЛИТИНА (Калуга)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПОСТРОЕК В ВЕРХНЕМ ПОДЕСЕНЬЕ И ПООЧЬЕ

В докладе рассматривается редкий тип сооружений —круг. ых землянок, исследованных на некоторых памятниках позднезару бе нецкого типа.

Две такие землянки обнаружены в верховьях Десны: на селищ Почеп (р. Судость) и поселении Святое 4 (р. Навля). Оба поселени в настоящее время включаются в круг позднезарубенецких памятни ков типа Почеп — Синьково.

На селище Почеп, исследованном во второй половине 50-х го ов (Заверняев Ф. М.), обнаружено более 30 построек типа землян ок квадратных или прямоугольных в плане; лишь одна из них имел форму круга (землянка 2, раскоп 2). Диаметр сооружения — окол 5 м, котлован углублен в материк на 0,65 м. Стенки отвесны утрамбованный пол — горизонтальный, с большим количество маленьких ямок. Почти в центре котлована обнаружена яма о центрального опорного столба кровли. Рядом с ней зафиксирован

низа углистой массы, которую автор раскопок считал остатками сгнившего. Ступенька с западной стороны котлована шириной 0,7 м, возвышающаяся над уровнем пола на 0,3—0,4 м, интерпретирована как вход в помещение. В заполнении котлована одна из самых значительных находок на селище вообще — плакетка с изображением быка из синего египетского фаянса. Это изделие принадлежит к числу хорошо датированных предметов античного импорта и относится к I—II вв. н. э. Помимо плакетки в заполнении жилища найдена железная пружина от фибулы и фрагмент груболепного сосуда.

Еще одна аналогичная постройка (землянка 2) обнаружена на поселении Святое 4 в 1988 г. (Массалитина Г. А., Нигматуллин Р. А.). Ее пятно на уровне материка сначала имело очертания, близкие к квадратным. В процессе выборки заполнения выяснилось, что эту форму ему придают выступы, вырубленные в материке, расположенные почти крестообразно. Ниже уровня их дна стенки котлована стали отвесными, а контур основания приобрел форму почти правильного круга. Диаметр котлована по дну — 4,2 м. Следов опорного столба не обнаружено. Ровный горизонтальный пол постройки покрывала черная углистая прослойка, толщиной 0,03—0,05 м. В центре пола прослежена западина глубиной 0,1 м, заполненная тем же. В постройке не обнаружено ни одной находки.

Ф. М. Заверняев склонен был сопоставлять исследованную им землянку с круглыми постройками раннесредневековых славянских поселений на р. Тясьмин (типа Пеньковки, Стецовки), которые некоторые исследователи причисляли к культовым сооружениям, напоминающим им "святилища" верхнеднепровских балтов.

В докладе проводится другая аналогия — с землянками селища Мощины в бассейне верхней Оки (Фролов И. К.). Там обнаружено две круглых землянки (сооружения 6,7). Полностью исследована землянка 6. По своим характеристикам она очень близка землянке 2 на селище Почеп. Сооружение 7, вскрытое частично, было законсервировано и так и осталось недоисследованным. Вскрытая часть его котлована содержала огромное количество фрагментов керамики и металлических изделий. В связи с этим возникает предположение, что хронологически круглые землянки предшествовали квадратным землянкам и наземным постройкам селища. А не заплывший котлован переставшей функционировать землянки 7 мог использоваться для свалки мусора. Если допустить синхронность почепской и мощинской круглых землянок, то последняя, как и в Почепе, по плакетке из египетского фаянса может быть датирована первыми веками н. э. Наличие среди материалов селища отдельных вещей этого времени делает это предположение вполне вероятным.

Что представляют собой круглые землянки? Традиционный способ связывать все непонятное с областью культа, в данном случае едва ли уместен — материалы не дают для этого оснований. Отсутствие убедительных следов очагов может дать повод для отнесения их к

хозяйственным постройкам. Но есть исследователи, которые не считают факт отсутствия следов отопительного устройства веским доводом в пользу хозяйственного назначения сооружения. Поэтому вопрос о функциональном назначении круглых землянок необходимо признать открытым.

И. К. Фролов в свое время показал общность приемов домостроительства верхнедеснинских и верхнеокских племен на примере длинных наземных построек. Аналогии в приемах сооружения круглых землянок — еще один аргумент в пользу исторической связи двух соседних регионов: Верхнего Подесенья и Поочья.

В. В. ЕНУКОВ, О. Н. ЕНУКОВА (Курск)

КУРГАНЫ У Д. АРТЮШКОВО НА СЕЙМЕ

Курганная группа располагалась около д. Артюшково Рыльского р-на Курской обл., на правом высоком берегу Сейма. Из 10 насыпей, известных еще в начале 1980-х гг., к моменту исследования сохранилось, включая значительно поврежденные, всего 7, из них 5 образовали цепочку вдоль берега, а 2 располагались несколько в стороне. В 1994 г. курганы были раскопаны Посеймской археологической экспедицией Курского педуниверситета и Курского музея археологии. Две отдельно стоящие насыпи оказались остатками сооружений времен Отечественной войны 1941—1945 гг.

Насыпи оставшихся 5 курганов имели форму шарового сегмента. Их диаметр составлял 9—10 м при высоте 0,8—1,5 м. Курган II выделялся меньшими размерами (диаметр 6 м при высоте 0,5 м). Во всех курганах был встречен схожий обряд погребения. Остатки трупосожжений на стороне в виде кальцинированных костей, очень небольшого количества углей и золы разбрасывались по мере возведения насыпей, изредка образовывая небольшие скопления. Кроме того, в каждом из курганов были обнаружены обломки нескольких специально разбитых горшков, которые встречались по всей насыпи.

Некоторые отклонения от комплекса обрядовых признаков отмечено только в двух случаях. В кургане 5 под насыпью была зафиксирована подпрямоугольная яма размером 1,4х0,6 м с очень неровным дном глубиной до 0,15 м, на отдельных участках которого прослеживалась тонкая гумусированная прослойка. В заполнении ямы было встречено немного кальцинированных костей, часть которых имела более крупные, по сравнению с обычными, размеры. Под насыпью кургана 8 было найдено скопление керамики, большая часть которого принадлежала одному сосуду. Неподалеку находился железный трехлопастной втульчатый наконечник стрелы.

В насыпях также были найдены сравнительно немногочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы. Вероятно, они попали в курганы вместе с грунтом, доставленным для их сооружения.

Основным материалом для определения культурно-хронологической принадлежности исследованных курганов является керамика. Наконечнику стрелы четких аналогий не найдено. В двух случаях из обломков были собраны полные формы сосудов (курган 8), в трех — части, позволяющие провести графическую реконструкцию (2 горшка из кургана 5 и 1 — из кургана II). Сосуды относительно тонкостенные, тесто — красновато-оранжевого или красновато-коричневого цветов, с примесью шамота, поверхность довольно хорошо заглажена. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть горшков, но со смещением к середине. Шейка выражена слабо, венчик слегка заострен, немного отогнут или, реже, почти прямой. Диаметр дна заметно меньше диаметра горла. Исключение составляет сосуд из кургана 5, форма которого приближается к "бомбовидной". Его венчик почти вертикальный, плечико хорошо выражено, наибольшее расширение — чуть выше середины. Диаметр дна больше диаметра горла.

Керамика артюшковских курганов имеет прямые аналогии в киевских (Шишино-5, Казаровичи, Лавриков Лес, Роище — киевский слой) и колочинских (Княжий, Лебяжье, Кветунь, Роище — колочинский слой) древностях. По классификации Е. А. Горюнова, артюшковские сосуды ближе всего стоят к видам IV (варианты I и 2) и VIII, которые встречаются на протяжении всей киевско-колочинской эпохи, хотя вариант I вида IV более характерен для киевского времени.

Сложнее найти аналогии "бомбовидному" горшку из кургана 5. Некоторые параллели в пропорциях прослеживаются в древностях южнорусских степей. Очень близкий по форме сосуд был найден в погребении I кургана 6 раннеболгарского могильника Брусянский II на Ставрополье. Вероятно, прототипы подобных форм возникают еще в сарматское время.

Среди памятников киевско-колочинского типа курганы чрезвычайно редки: Кветунь (ур. Дуля) в Подесенье и Воронино на левом берегу Днепра, против Нового Быхова. Кветунь автор раскопок Л. В. Артишевская датировала V—VI вв., однако Е. А. Горюнов предполагает в качестве нижней хронологической границы VI в. Воронино Г. Ф. Соловьева отнесла к VII—VIII вв.

Между Артюшково и Кветунью в обрядности прослеживаются некоторые общие черты. В обоих случаях трупосожжения совершались на стороне, характерен обычай ритуального разбивания сосудов. Однако в Кветуни известны и урновые погребения, кроме того, в большинстве случаев остатки сожжения помещались в округлых линзовидных ямках, расположенных под насыпями.

По погребальному ритуалу ближе к Артюшково стоит Воронино, где все 4 кургана содержали остатки сожжений на стороне, в двух случаях обломки преднамеренно разбитых сосудов отмечены в насыпях (курганы 2, 3), а в насыпи кургана 2 были также обнаружены и кальцинированные кости. Однако основная часть сожжений в Воронино размещалась под насыпью, а в курганах I и 5 их сопровождали целые сосуды.

Из-за исключительной малочисленности материала сложно судить, являются ли указанные различия в обрядности существенными. На современном уровне знаний мы вынуждены объединить все три памятника в одну группу.

К сожалению, малоизученностью отличаются и основные погребальные памятники киевской и колочинской культур — бескурганные могильники, что особенно характерно для первой. Тем не менее, проведем сравнение на уровне "отдельных погребений". Как для киевских, так и для колочинских погребений непременным атрибутом являются ямы, однако их форма и размеры имеют различия. В колочинских могильниках значительна доля урновых погребений (1/3 в Лебяжьинском, 2/3 в Княжинском). Форма и размеры имеют относительный "стандарт". Эти черты резко отличны от Артюшково, отчасти Воронино и Кветуни. В Княжинском и Лебяжинском могильниках присутствовал ритуал разбивания сосудов, но иного характера (в погребениях — отдельные черепки). В то же время в киевских могильниках есть обрядовые признаки, которые сближают с ними Артюшково. Это — господство обычая разбивать посуду, причем некоторые обломки имеют следы вторичного обжига; отсутствие, за редким исключением, инвентаря помимо керамики; сравнительно небольшое количество кальцинированных костей (Шишино-5, Приоскольское-2, вероятно, Киреевка). По своим размерам яма погребения кургана 5 в Артюшково ближе всего стоит к киевским захоронениям.

Попытаемся в общих чертах наметить место, которое занимают артюшковские курганы в эволюции погребальной обрядности киевской и колочинской культур. Сразу оговоримся, что с учетом слабой источниковой базы, это не более, чем рабочая гипотеза. На территории к востоку от Днепра между киевскими (Шишино-5, Приосколь-ское-2, Киреевка) и позднеколочинскими (Княжий, Лебяжье) могильниками существуют серьезные обрядовые различия. Судя по-всему, этот "разрыв" заполняют могильники в устье р. Смячи (V—VI вв.) и у с. Усох (VI—VII вв.), которые сочетают признаки обеих культурно-хронологических групп. Таким образом, начало 3-й четверти I тыс. знаменуется переходными процессами в обрядности. Вероятно, к этому периоду "исканий" относятся и курганы в Артюшково, а также Кветуни и Воронино. Это был первый в регионе эпохи средневековья опыт возведения погребальных насыпей, столь характерных для славянских древностей последней четверти I тысячелетия.

А. Н. УМАНЕЦ, Ю. Ю. ШЕВЧЕНКО (Чернигов)

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕРНИГОВА К X в. В КОНТЕКСТЕ КИЕВОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В процессе формирования ряда раннегородских центров Европы наблюдается оппозиция сакральных и княжеских функций, ибо первые осуществлялись племенной аристократией через жреческие клады, а вторые, зачастую, пришлыми династами (Новик Т. Г., Шевченко Ю. Ю., наст. изд.), опиравшимися на разнородный воинский контингент, организующим ядром которого в Восточной Европе были североевропейские воины и их потомки. Это отражалось на территориальной организации протогородской ассоциации поселений, а их часть имела непрерывность хронологического развития от первопоселенцев до возникновения городской структуры. Версии о формировании Чернигова оформились в две концепции (Шевченко Ю. Ю., Л., 1977; Коваленко В. П., К., 1988), которые основывались, в том числе, на материалах 40—50 гг., датированных исследователями со степенью точности, доступной в то время. Первая концепция (Шевченко Ю. Ю.) предполагала, как исходные в процессе градообразования волынцевские памятники; вторая (Коваленко В. П.) — колочинские, причем уточнялось, что предшествовавшие и исходные для колочинских древности киевской культуры (3—5 вв.) на территории, ставшей впоследствии Черниговским детинцем, не найдены (Коваленко В. П., 1990). Но находка фрагмента раннекиевского штрихованного сосуда (Гребень П. М., Коваленко В. П., 1993), неверно определенного, как салтовский, позволяет связать серию римских монет — Антонина Пия 161 г., Марка Аврелия 180 г., Диоклетиана 305 г. и Феодосия Великого 395 г. — с отложениями киевской культуры, наиболее соответствующей хронологии данных нумизматических индикаций. Отсутствие твердодатированных материалов на Подоле, где найдена керамика киево-колочинского облика, позволяет говорить лишь о существовании поселения в рамках широкого периода бытования киево-колочинских древностей. Фрагмент черняховского сосуда с Елецкой горы (фонды ИА НАН, № 767) датирует киевские отложения в этом пункте 4 в., а фрагмент щитка пряжки в стиле "кабошон" (фонды ЧГАИЗ, КП-825) относит колочинские материалы с Елецкого к 6 в., соотнося памятник с серией деснянских селищ типа Посудичи, где встретился обломок изделия того же стиля (Третьяков П. Н., 1974). Подобные поселения существовали до полувека (Горюнов Е. А., 1981), поскольку переносились вслед за расчищаемыми от леса полями (Шевченко Ю. Ю., 1986). Все три пункта — детинец, Елецкое, Подол — синхронны лишь в широких границах существования киевской (3—5 вв.) и колочинской (5—7 вв.) культур, но разновременны при "узкой" датировке и поэтому протогородской ассоциации не образуют.

Стабилизация мест заселения связана со становлением пашенного земледелия — распашкой почв тяжелого механического состава (лесовых участков террас) и внесением органических удобрений, что связано со стойловым содержанием скота и также свидетельствует о стабилизации мест заселения. Орудия, используемые в этом процессе, после исчезновения с черняховской культурой в 5 в., известны для Поднепровья только с волынцево-роменского времени. Типологическая несвязанность волынцевских материалов с колочинскими, и, как минимум, полувековой хронологический разрыв между ними (Шевченко Ю. Ю., 1992) не позволяет рассматривать колочинские памятники, как исходные в процессе градообразования, в отличие от волынцевских, где нет хронологических лакун в связи с последующими древностями, что говорит о стабилизации мест заселения.

Волынцевские памятники датированы салтовскими импортами и синхронны салтовской культуре, что относит начало процесса градообразования к сер. 8 в., (в Салтове существуют вещи, могущие датироваться к. 7 в.). Во 2 пол. 8 в. на территории при впадении Стрижня в Десну образуется ассоциация поселений: на площади западной части детинца, Елецкой горе, Еловщине, в ур. Святое Подол заселяется только к сер. 9 в., поскольку здесь встречены лишь роменские материалы, имеющиеся также на территории детинца и Елецкой горе. Территория поселения на месте детинца увеличивается, занимая всю его территорию. Образуются селища в ур. Кордовка. Заселение Подола после сер. 9 в. положило начало "территориальной непрерывности" протогородской ассоциации: Подол почти соединил заселенные ранее участки на месте будущего детинца и Елецкой горы, сомкнув заселенную территорию с ур. Святое, находящимся напротив Подола, через Деснянско-Стриженскую протоку (оз. Млиновище). Территориальный рост — важное свидетельство тяготения населения к некоему определенному центру. Надпойменная терраса между будущим детинцем и Елецкой горой заселяется позднее — ок. рубежа 9—10 вв., поскольку наиболее ранним материалом здесь является раннегончарная керамика этого времени. Это окончательно сомкнуло в одну структуру два уже заселенных и укрепленных пункта: Елецкое городище и храмовую крепость на месте будущего детинца (Шевченко Ю. Ю., 1992). На протяжении этого периода "хронологической непрерывности" в развитии Чернигова наблюдается постоянное увеличение заселенного пространства и, значит, — градонаселения. Вне "городской черты" оказались поселения в ур. Кордовка, Святое и городище в Еловщине, фланкирующее город с севера, по Стриженской водной магистрали. Возможно, к 10 в. относится городище "напротив Троицкого леса" (Д. Я. Самоквасов), так называли березняк Болдиногорского курганного могильника, и, значит, находившегося на террасе, через овраг, напротив кургана Гульбище (совр. спуск ул. Ватутина на ул. Толстого). Оно прикрывало с запада городской Подол и господствовало над ним, как над североподольской

чистью поймы возвышалось Елецкое. Центром тяготения для населения являлся языческий храм, и поскольку существуют основания читать его храмом Радогоща — обожествленного вождя — предка северян, значит, храм общеплеменного значения. Это подтверждает находка нач. 18 в. огромной культовой значимости (две серебряных головы — навершия языческих идолов), равной которой более неизвестно во всем Славянском мире. Наличие такого храма объясняет утверждение Чернигова в качестве ведущего центра Северской земли - великого стольного города, — столицы Чернигово-Северского княжества.

К нач. 10 в. Чернигов становится дружинным центром — дата наиболее раннего городского кургана (Болдиногорский некрополь) — гульбища. В это время появляется кольцо обороны, защищавшее политеистическое святилище, приемником которого по территории и функциям (место почитания) в нач. II в. стал Спасский собор. Датировка нач. 10 в. синхронизирует создание городской храмовой цитадели с первым упоминанием Чернигова в летописи под 907 (912) г. и с появлением Шестовицкого дружинного комплекса в ур. Коровель ("королевское" — по древнескандинавски). Наиболее ранние мечи из Шестовицких курганов типа "Н", по Я. Петерсену, датируются этим временем. Данный период восточноевропейской истории характеризуется появлением скандинавских военных контингентов по Днепровскому пути, проторенному Олегом Вещим — событие, датированное преп. Нестором 882 г. Филархам и племенным вождям не приходилось "ожидать" социального расслоения общин для набора профессиональных военных — они были под рукой. Интересно, что обряд тризны вокруг ритуального костра, известный по северным сагам, но археологически зафиксированный лишь в Гнездово и Чернигове (в Скандинавии пока неизвестен), присутствует в Черной могиле (и, видимо, в срытом кургане, где также был найден кубок из турьего рога) в последней четверти 10 в., когда в Гнездово скандинавские элементы обряда исчезают (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978). Возможно, перемещение скандинавских дружинников из Гнездово в Чернигов объясняет загадочную фразу "Повести временных лет": "север от кривичей". Дата Черной могилы близка ко времени христианизации Чернигова и времени укрытия клада на Елецком городище (при штурме и захвате киевскими войсками 992 г.?). Княжеская атрибуция кургана дает возможность утверждать, что акт христианизации 992 г. имел попытку уничтожить самостоятельную черниговскую династию, вне зависимости от того, был ли убит князь и похороненная с ним соратница (миниатюрный "женский" боекомплект) в битве за город с войсками крестителя-Владимира, или в каком-то сражении накануне. Ослабление Киева в 70 гг. 10 в., когда в Полоцке упомянут независимо княживший Рогволод, а в Турове — пришедший "из заморья" Тур, — время удобное для основания независимой династии. Но рядом с Черной могилой находился второй

столь же грандиозный, следовательно — княжеский курган, восточнее — еще один (т. н. Цорны); значит речь может идти о двух, если не трех, поколениях независимой династии, и, следовательно, ее вокняжение — событие более раннее. Святослав передал в 970 г. Древлянскую землю Олегу, а Новгород — Владимиру; ничего к востоку от Днепра, как позже была разделена Русь между Мстиславом и Ярославом, в доме Рюриковичей (Игоревичей) по наследству не передавалось до вокняжения Мстислава в 1023 г.

В 912/13 г. произошел поход русов на Каспий, где в прикаспийских провинциях правил Ахмед -бен-Измаил Андераб, — его монеты являются индикациями в причерниговском Шестовицком могильнике (кург. 78, 110). Поход синхронен становлению дружинного Чернигова. Последняя по времени восточная монета Шестовицкого некрополя чеканена в прикаспийских провинциях в 936 г. (кург. 61-1), накануне походов русов на Каспий 944 г. В ур. Коровель жили русы, осуществившие каспийские походы 912/13 и 944 гг. Это иллюстрируется распределением дирхема 900—938 гг. в Среднем Поднепровье: из 17 находок, в том числе 8 крупных кладов, только 4 единичные находки в районе Киева, прочие группируются в районе Чернигова (Котляр М. Ф., 1971). Нелишне вспомнить и о слабоосвещенном походе Руси на Каспий самого конца 9 в.: этим временем А. Тизенгаузен определил чеканку дирхема из наиболее раннего кургана (с мечом типа "Е" Я. Петерсена) — Гульбища. Не исключено попадание монеты в результате похода 912/13 г., что соответствует дате кургана и заставляет предполагать захоронение участника этой военной акции.

По условиям договоренности между русами и хазарским каганом ясно, что русы вступают с частичный вассалитет по отношению к хазарам. В "Золотых лугах" ал-Масуди (сер. 10 в.) упомянуто, что русы живут в стране хазарского кагана и служат ему. В контексте исторических событий понятно, что это не суверенные киевские Рюриковичи. Распределение дирхема свидетельствует, что это русы Левобережья Днепра. Тогда названный восточными авторами Хельгу, в 944 г. не вернувшийся из похода, — представитель черниговской княжеской аристократии, если не сам князь. Видимо, ему наследовал Улеб и княгиня Сфандра (видно игравшая более значительную роль, как родственница Хельгу, ибо от нее в Константинополь отправлен посол Шигоберн), как это следует из анализа договора с Византией (Добрица А. П., 1992). Разгром Хазарии 965/969 г.) освободил русов Днепровского Левобережья от частичной вассальной зависимости от Каганата, сделав полностью суверенными.

В. Ю. КОВАЛЬ (Москва)

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ И СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ РУСИ

1. Возрастание массы добываемого при археологических исследованиях керамического материала, при ограниченных объемах музейных хранилищ, ставит перед исследователями проблему сохранения заключенной в керамике полезной информации при объективной невозможности музеефикации самой керамики в натуре. Старые методы обобщенного словесного описания керамических комплексов, выборки из них небольшого (не репрезентативного) количества образцов в коллекцию, укрупненной статистики керамики (фиксация числа венчиков и днищ, типа орнамента, цветности черепка) более не могут удовлетворять требованиям современной науки, т. к. ведут к утрате большей части информации и обесцениванию оставшейся.

2. Для решения этой проблемы существуют 2 пути:

а) полное подробное описание каждого обломка керамики с последующей компьютерной обработкой полученной информации. Это направление разрабатывается школой Ю. Л. Щаповой (МГУ). В перспективе это единственно верный путь, но на нынешнем этапе, при отсутствии квалифицированных кадров, сил и средств, он позволяет проводить лишь фиксацию избранных, небольших по объему комплексов;

б) обработка абсолютно всей керамики, но не по полная, а по сокращенной программе описания, с фиксацией наиболее важной информации в форме статистического учета. Такое решение проблемы является компромиссным, неполным, но зато оно дает возможность, не откладывая, обрабатывать уже сегодня большие объемы керамики. В то же время, оно выдвигает 2 новых требования к предпринимаемой при подсчете группировке керамики:

— необходимость определения критериев группировки керамических комплексов;

— подчинение этих критериев иерархическому принципу.

Первое требование необходимо для обеспечения сопоставимости полученных результатов во времени и пространстве (т. е. для сравнивания разновременных и происходящих из различных мест комплексов), чего не могут дать существующие типологии керамики, которые, зачастую, даже не формулируют этих критериев, а базируются на интуиции исследователей, что, в свою очередь, делает типологии непонятными для всех, кроме самого автора.

Второе требование важно для построения стройного и внутренне непротиворечивого алгоритма исследования керамики. Наиболее логичным представляется формирование иерархии критериев группировки по принципу "от общего к частному", когда вначале фиксиру-

ются признаки, характерные для всех или большинства обломков керамики, а затем — все более редко встречаемые, в порядке убывания частоты встречаемости признака.

3. Исходя из такой иерархии, группировка керамических комплексов должна производиться по следующим этапам:

а) Группировка по признакам технологии производства керамики, фиксируемым практически на каждом, даже самом мелком, непрофилированном и неорнаментированном обломке.

б) Группировка по признакам морфологии (на профилированных обломках — венчиках, днищах, ручках и т. д.) и функциональной атрибуции (на той части профилированных обломков, для которой возможно определение сосуда, частью которого они являлись горшка, кувшина, миски и т. д.).

в) Группировка по признакам декора.

Общая иерархическая схема критериев группировки, таким образом, выглядит в следующем виде:

технология-функция-морфология-декор (эти 4 подсистемы выделены Ю. Л. Щаповой без определения их иерархии). Внутри каждой из подсистем должна проводиться группировка признаков по точно такому же иерархическому принципу.

4. Внутри подсистемы признаков технологии предлагается следующая группировка керамики, апробированная на керамических комплексах с городища Ростиславля-Рязанского:

Критерий № 1: технология формовки керамики. Выделяются классы лепной и круговой керамики. Последняя подразделяется на 3 группы в зависимости от уровня развития РФК (по А. А. Бобринскому), соответствующие (в традиционной терминологии) раннекруговой, развитой круговой, сформованной на медленно вращающемся круге; и круговой, сформованной на быстром круге, керамике.

Критерий № 2: технология обработки поверхности сосуда. Определяются отделы керамики с дополнительной обработкой поверхности и без таковой. "Дополнительной" считается обработка поверхности специальными инструментами (лощило и т. д.) или материалами (ангоб, полива), произведенная до окончания процесса обжига. Подобная обработка, несущая орнаментальную нагрузку, учитывается отдельно в подсистеме "декор".

Критерий № 3: технология изготовления формовочной массы. Типы керамики здесь выделяются в зависимости от набора и размерности (но не количества) примесей в составе керамического теста. Основные группы типов:

1. "Тонкие" массы (без визуально фиксируемых примесей).

2. "Грубые" массы с минеральными примесями (песком, шамотом, кварцитами и т. д.).

3. Массы с органическими примесями.

Критерий № 4: технология обжига керамики. Виды — окислитель-

о и восстановительного обжига. Подвиды — полного и неполного ига. Среди керамики неполного обжига допустимо выделять груп с непроявившимся цветом глины и с проявившимся на поверхности ска цветом. Для керамики, цвет глины которой проявился (пол ью или локально), целесообразно проводить учет в разрезе не ее чем 3 цветовых серий: керамики из ожелезненных глин (от ного до коричневого), слабоожелезненных (от желтого до розово и неожелезненных (белого). "Сероглиняная" керамика здесь не ет выделяться, т. к. она является результатом восстановительного ия и не обязательно целенаправленного) обжига.

5. В подсистеме "Функция" группировка ведется по общепринято делению узнаваемых фрагментов на типы сосудов (горшки, кув шины и т. д.), а внутри типов — на виды в зависимости от пропорций удов (только для целых форм).

6. Подсистема "Морфология" имеет дело с частями сосудов — ницами, ручками, венчиками и т. д. Наиболее сложной и вызыва вшей споры является группировка венчиков. Метод подбора аналогий и определения типов по "схожести" венчиков без четкого объяснения, в чем, собственно, заключается эта "схожесть", привел к тупику. Поэтому наиболее перспективным здесь представляется сочетание 2 критериев:

а) технологии формовки венчиков (срезание края при помощи инструмента, заглаживание его без деформации, заворот "чернового края" внутрь, наружу либо в обе стороны);

б) определение конструктивной схемы венчика, которая представляет собой условное его изображение не контуром, а в виде отрезков, составляющих ломаную линию либо кривую, схематически отображающую профиль, т. е. наклон венчика и места резких его перегибов.

Различные сочетания признаков из состава этих двух критериев дают набор морфологических типов венчиков, внутри каждого из которых возможно выделение вариантов (в зависимости от особенностей контура, таких как заостренность, округлость или ограненность края; наличие валиков, желобков и др. вторичных признаков), характеризующих индивидуальные или локальные черты данного типа венчика на конкретном памятнике.

7. В подсистеме "Декор" типология проводится по следующим критериям:

— способ нанесения орнамента (вдавлением в поверхность сосуда, тщением, накладными элементами, росписью краской или ангобом),

— способ расположения орнамента на теле сосуда (линейно-замкнутый либо разделенный на локальные участки: отрезки, точки, оны) с выделением внутри каждой группы конкретных типов — линейных, волнистый, штампованный, тычковый орнамент и т. д.

— инструмент (штамп, палочка и т. п.) и манера нанесения орнамента (по влажной или подсушенной поверхности, т. е. широкой и глубокой либо тонкой линией).

8. Проведение статистики по всей изложенной программе или даже по ее части, позволяет извлечь с минимальными затратами труда (еще в полевых условиях) максимум информации, заключенной в керамических находках, и обработать ее без специальных технических средств, представив результаты в табличной форме.

И. В. БОЛДИН (Калуга)

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС В ГОНЧАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 11—17 вв.

Проблема выбора сортов глин и сочетание с ними неглинистых примесей при составлении формовочных масс в гончарном производстве 11—17 вв. является в настоящее время недостаточно разработанной темой. Исследования в этой области, за исключением небольшого числа работ, где рассматривают отдельные аспекты проблемы (прим. 1, с. 80, 84; прим. 2, с. 71—73, 104), носят чисто описательный характер. Не приходится говорить о достаточно аргументированном ответе на вопрос использования и сменяемости тех или иных твердых примесей. Вопрос представляется тем более важным, потому что, возможно, в большинстве случаев это чисто технологическая проблема, решение которой прольет свет на развитие гончарного производства в указанный промежуток времени.

В подавляющем большинстве работ, касающихся вопросов керамического производства, указывается цвет посуды (поверхность, излом). Более того, ряд типологий построен на основании цвета гончарной посуды (прим. 3), а состав примесей служит одним из основных признаков выделенных типов (прим. 2, с. 60—66).

На уровне современных представлений о глине, используемой в гончарном производстве, поставленная проблема должна решаться в направлении от химического состава (т. е. свойств) глин к выбору мастером (а в какой-то мере и традицией) примеси.

Все сорта природных глин содержат следующие компоненты:

— глинозем (окись алюминия — Al_2O_3);

— кремнезем (окись кремния — SiO_2);

— воду (прим. 4, с. 839)

Причем, кремнезем (SiO_2) в глинах для керамического производства составляет до 65—70% (прим. 5, с. 594). Все другие примеси (TiO_2, Fe_2O_3, FeO, MnO, MgO, CaO, K_2O, Na_2O) находятся в подчиненном положении (прим. 4, с. 839; прим. 5, с. 594).

Важнейшие физико-химические и технологические свойства глины (пластичность, набухание, спекаемость, огнеупорность) зависят, в основном, от химического состава (прим.5, с. 594).

Глина в ее чистом виде, состоит из трех основных компонентов. Это, так называемая, белая глина, которая в природе без примесей практически не встречается. Температура спекания — 900—1000

градусов. В значительных количествах в глинах присутствуют соединения железа (до 10%), которые оказывают значительное влияние на свойства глин. Окислы железа снижают температуру спекаемости глины (прим. 5, с. 594). Вероятно, это свойство ожелезненных глин сыграло немаловажную роль при выборе исходного материала для составления формовочных масс.

При высыхании линейные размеры глины уменьшаются на 4—10%. Обжиг еще более сокращает их — на 9—15%. Сокращение объема глины при обжиге приводит к неизбежным трещинам на изделиях. Для уменьшения усадки глины к ней добавляют твердые примеси, не обладающие свойствами глины сокращаться. Чем чище глина, то есть, чем меньше примесей в ее составе (Fe_2O_3, CaO, MgO и пр.), тем более (по площади) глина может принять отощителя, не теряя необходимой для производства степени вязкости и пластичности (прим. 4, с. 842). Здесь мы вплотную подходим к составу примесей.

Чем чище глина (чем она ближе по составу к белой глине), тем наибольшую поверхность твердых неглинистых веществ может она скрепить. То есть, для наиболее качественных глин характерно применение в качестве отощителя мелких примесей, многократно превосходящих крупные по общей площади поверхности. Чем более химических примесей входит в состав глины для формовки, тем более крупные примеси могут быть использованы.

На основании высказанных предположений, возможно отметить ряд моментов в выборах глин и примесей для формовочных масс древними мастерами.

Во-первых, использование в гончарном производстве ожелезненных глин, в силу их спекаемости при более низких температурах, чем беложгущихся, требует меньшего расхода горючего и менее сложных технологических приемов: устройство печи, горна, время обжига и прочее.

Во-вторых, в силу недостаточной пластичности (в сравнении с белой глиной), при использовании в производстве красной глины употребляются, как правило, крупнозернистые примеси (дресва). Необходимо отметить, что всякое месторождение глины, помимо однородных (оксиды и т. п.), содержит различные крупные включения (песок, гальку, охру и пр.) и органические соединения. Все эти примеси снижают пластичность глин, для их удаления тесто отмучивается. Очищенная таким образом глина, несмотря на высокое содержание соединений железа, не теряет своей пластичности даже при отощении мелкозернистыми примесями (песком). Следовательно, выбор примеси, не в последнюю очередь, зависит и от технологии очистки.

В-третьих, белые глины в силу достаточной их пластичности отощали песком, зернистость которого зависела от качества глин.

В-четвертых. Согласно наблюдениям М. И. Менделеева, важно, чтобы в составе формовочных масс не содержалось механических

кусочков известняка, так как в этом случае при обжиге изделий будет слишком много брака (прим. 4, с. 840). Это связано с химическими процессами, протекающими во время и после обжига. Известковые и гипсовые включения при обжиге переходят в негашеную известь, которая, соединяясь с водой, вызывает вспучивание и разрушение изделий (прим. 5, с. 594).

Таким образом, смена примесей и использование определенных сортов глин связаны с развитием технологии гончарного производства.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
2. Рабинович М. Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. М. -Л., 1949.
3. Московская керамика. М., 1991.
4. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. VIII А.
5. Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 6.

И. Г. САРАЧЕВ (Москва)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЕРАМИКИ ДЛЯ УТОЧНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ (на материале одного поселения Новгород-Северского Подесенья)

В 1983—84 гг. в окрестностях г. Новгород-Северского, у с. Путивск (урочище "Путивльская гора") в результате охранных раскопок были изучены остатки древнерусского поселения, уничтоженного меловым карьером (А. В. Григорьев, 1988). Полученный материал позволил широко датировать это поселение второй пол. XII- первой пол. XIII вв., но, по некоторым наблюдениям, можно утверждать, что оно (по крайней мере, изученная его часть) существовало очень недолго — не более 50 лет. Поселение прекратило свое существование в результате погрома (на это указывают найденные рядом с постройками человеческие костяки в неестественных позах), и в дальнейшем жизнь на нем не возобновлялась.

Учитывая широкие хронологические рамки и историческую ситуацию, можно предположить, что временем бытования памятника является один из следующих периодов: 1) после 1096—1146 гг.; 2) после 1147 г. — одна из усобиц второй половины XII в.; 3) конец XII в. — 1239 г. Некоторые исследователи отнесли гибель поселения ко времени усобицы 1146—47 гг. (В. П. Коваленко, 1988; В. П. Коваленко, А. П. Моця, 1989).

В результате изучения керамического комплекса с этого поселения, удалось уточнить время его бытования. Для работы над керамикой была применена новая типологическая шкала Новгород-Северской керамики, построенная на основе изменений технологии изготовления венчика (И. Г. Сарачев, 1994). При этом керамический

комплекс рассматривался не как простой набор форм венчиков, а как показатель уровня развития технологических традиций.

В процессе работы керамические комплексы Путивска были сопоставлены с комплексами Новгород-Северского, бытовавшими в указанные периоды. В используемой типологии прослежена сменяемость технологических традиций X, XI, XII вв., а также отмечены черты зарождения традиций XIII в. Для каждого хронологического отрезка имеется определенный набор технологических приемов оформления венчика. Исследования показали, что уровень развития керамической традиции Путивского комплекса соответствует второй половине XII в. Использование подобного набора традиционных технических приемов изготовления венчиков зафиксировано в Новгород-Северском в период после 1147 г. до рубежа XII—XIII вв., но в керамических комплексах Путивска полностью отсутствуют приемы, появляющиеся на рубеже XII—XIII вв.

Полученные результаты позволяют утверждать, что поселение у с. Путивск возникло после 1147 г. и погибло во время одной из усобиц второй половины XII в.

Летописные источники сообщают о двух таких усобицах, в ходе которых были разграблены и сожжены некоторые северские поселения. Это столкновение 1174 г., в результате которого Святослав и Ярослав Всеволодовичи выступили на Олега Святославича к Новгород-Северскому и "... пожъже волость его и много зла створивъше..." (ПСРЛ, т. 2, стб. 579). Тогда же во время осады Новгород-Северского был сожжен острог (ПСРЛ, т. 2, стб. 599—600). Ранее датой этой усобицы ошибочно считали 1176 г. (В. П. Коваленко, А. П. Моця, 1989; А. Л. Казаков, 1989). Однако правильной датой является 1174 г. (А. К. Зайцев, 1975).

Вторая усобица произошла в 1183 г. Из-за отказа Игоря Святославича идти на половцев Владимир Глебович "...идет на Съверскія городы и взя в них многъ добыток..." (ПСРЛ, т. 2, стб. 628—629). В ходе одного из этих столкновений поселение у с. Путивск было сожжено. Наиболее вероятной датой его гибели можно считать 1174 г. В отличие от похода 1183 г., цель которого была принудить Игоря Святославича выступить на половцев, столкновение 1174 г. являлось местью за разоренную вотчину (Стародуб) и носило довольно кровавый характер: "волость пожъже и много зла створиша..., ...дружину изъмаша а другую посъкоша, а острогъ пожъгоша..." (ПСРЛ, т. 2,стб. 599—600). Не противоречит этой датировке и обнаруженный поблизости могильник (Д. Я. Самоквасов, 1908).

Возникновение поселения у с. Путивск автор раскопок связывает с появлением новой переправы через Десну и пролегающей через нее дороги на Путивль (А. В. Григорьев, 1988). Однако, возможно, что оно связано не с вновь сложившейся переправой, а лишь с необходимостью защитить место, где из-за изменения русла реки могла быть организована переправа. Прекращение жизни на поселении после

разгрома, вероятно, указывает на исчезновение такой возможности (поднятие уровня воды и заболачивание местности в устье реки Шостки). Постоянная переправа через Десну в районе Новгород-Северского, существовавшая со времени распространения здесь роменской культуры и контролируемая поселением у с. Горбово (А. В. Григорьев, 1983), возможно, продолжала существовать и после середины XII в. Это поселение, отождествляемое многими исследователями с "Игоревым сельцом", погибло во время усобицы 1146—47 гг. Но есть основания считать, что впоследствии оно было восстановлено на другом месте. На это могут указывать два клада, один из которых был найден вне поселения, в 500 м. от него, другой — в самом селе, "близ церкви" (Д. Я. Самоквасов, 1892; Д. Я. Самоквасов, П. С. Уварова, 1906). Его точный состав остался нам неизвестен. Время сокрытия второго клада, найденного "на огороде села Горбово", было определено как 1146 г. (В. П. Коваленко, 1988), однако состав клада не позволяет однозначно отнести его к этой дате. Подобные клады известны и в более позднее время (Г. Ф. Корзухина, 1954).

Таким образом, результаты анализа технологических традиций изготовления венчиков горшков с поселения у с. Путивск и анализ других исторических источников позволяют нам сделать следующие выводы.

Поселение у с. Путивск возникло в качестве форпоста с целью защиты Новгород-Северского с юга на месте возможной переправы. Дорога, ведущая из Новгород-Северского в Путивль, вероятнее всего проходила по-прежнему через переправу у с. Горбово и с возникновением поселения у с. Путивск ее маршрут не изменился. Анализ технологической традиции изготовления венчиков позволяет отнести время возникновения этого поселения ко времени восстановления округи Новгород-Северского после усобицы 1146—1147 гг. Его гибель, вероятнее всего, связана с усобицей 1174 г., хотя и не исключено, что оно погибло во время какой-либо другой усобицы второй половины XII в., сведения о которой не сохранились в письменных источниках.

Полученные выводы о датировке поселения у с. Путивск основаны на результатах изучения керамического материала, что указывает на возможность привлечения керамики для более точного датирования археологических комплексов. Ранее подобная возможность была продемонстрирована на керамике Волжской Болгарии (Е. П. Казаков, 1991). Применение разработанной нами типологии для датирования вновь открываемых и уже открытых древнерусских комплексов с других памятников позволит датировать их более узко.

Ф. Э. МОДЕСТОВ (Смоленск)

АМУЛЕТЫ-КОНЬКИ И КУЛЬТ БОГИНИ ПЛОДОРОДИЯ

Амулеты-коньки — одни из наиболее часто встречающихся сакральных предметов в Верхнем Поднепровье и Подвинье, а также в районах, прилегающим к ним. Основная часть находок относится к древнерусскому времени. Они систематизированы и описаны, определены места их изготовления, — в основном, Смоленское Поднепровье (Рыбаков Б. А., 1948; Седов В. В., 1968; Рябинин Е. А., 1981). Но ясного ответа, почему вдруг началось массовое производство амулетов-коньков в древнерусское время, с чем это связано и где истоки этого явления, не получено.

Бесспорная территориальная привязка амулетов-коньков позволяет сделать ретроспективный взгляд в предшествующие археологические культуры с целью выявления истоков появления амулетов-коньков. Наиболее древние из известных амулетов-коньков появляются в раннем железном веке и связаны они с днепро-двинской и, частично, милоградской культурами. Самыми выразительными по стилистике и технике исполнения являются бронзовые амулеты-коньки, найденные на городищах Холмец (р. Десна) и Новые Батеки (бассейн Днепра), раскопки Шмидта Е. А. Наиболее близок к ним конек с городища Уваровичи-1 (бассейн Сожа).

Все они выполнены по одной стилистической схеме: четко выраженная пышная конская грива, морда двух вариантов: слегка задранная к верху с приоткрытой или открытой пастью, и заостренная; четыре четко проработанные ноги — стоящие раздельно или сдвоенные; ушко-петелька у основания шеи и так называемый "хвост" — опущенная вниз завершающая часть амулета, которая является половым признаком мужской особи, что особенно хорошо видно в амулете из Новых Батек. Найденные амулеты-коньки относятся ко второй половине 1 тыс. до н. э. и, видимо, бытовали на протяжении всего раннего железного века. Нами уже высказывалось предположение об их принадлежности к лицам, выполняющим определенные сакральные действа (Модестов Ф. Э., 1994).

Культ священного коня, как служителя богов или их ипостасей, был широко распространен у германских племен, прибалтийских славян и у балтов. Сохранились свидетельства древних авторов о священных конях в языческих храмах, священнодействиях, связанных с ними; использовании их в предсказаниях судьбы.

Балто-славянская принадлежность рассматриваемой территории на протяжении 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э., вне зависимости от этнических подвижек, сохранила культ коня в течение всего этого времени, о чем свидетельствуют данные археологии. Отсутствие находок амулетов-коньков первых-последних веков 1 тыс. н. э. объясняется двумя причинами: во-первых, четко прослеживаемые при-

оритеты в языческих культах претерпевали изменения по мере притока нового населения (Модестов Ф. Э., 1994), во-вторых, в силу специфики использования в этот период, они являются просто очень редкой археологической находкой.

Подчеркнутое мужское начало в амулетах-коньках раннего железного века ставило своей целью противопоставление женскому, в образе Богини-матери, богини плодородия. Об этом свидетельствуют источники, относящиеся к племенам, близким по этно-культурным традициям, а также зафиксированы для данной территории в этнографическом материале.

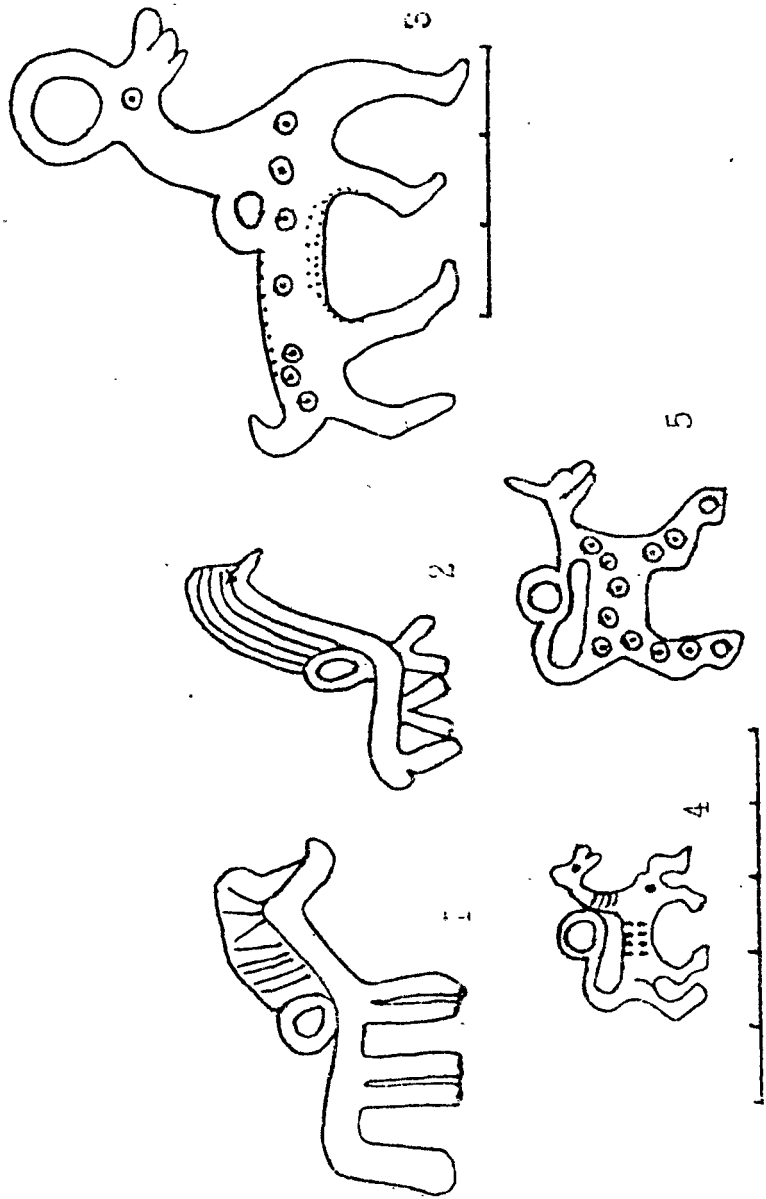
Второй период появления амулетов-коньков связан в древнерусским временем. На рассматриваемой территории в этот период бытуют амулеты-коньки XIV типа (по Рябинину Е. А.). Есть ли признаки, объединяющие амулеты этого типа с более древними, эпохи раннего железного века? Во-первых, это территория, во-вторых, балто-славянские этнические и культурно-религиозные традиции, в-третьих, принцип стилеобразования. Амулеты-коньки XIV типа являются завершающими в эволюции коньковых амулетов. Это уже упрощенный вариант, со сведенными к декоративности некоторыми элементами, что характерно для декоративно-прикладного искусства древнерусского времени (Вагнер Г. К., 1987).

Известен целый ряд амулетов-коньков, которые являются переходными формами к типу XIV. Они сохраняют все основные признаки ранних амулетов-коньков: морда с приоткрытой пастью; грива, превратившаяся в просто нарезку на шее; четыре раздельно стоящие ноги, выполненные уже в достаточно свободных положениях; ушко-петля у основания шеи. И единственное отличие — хвостовидное завершение поднято кверху, а не опущено вниз. Такого типа амулеты-коньки найдены на Смоленщине, в Белоруссии. Очень ярко они представлены в южном Приладожье (типа XII по Рябинину Г. А.), куда они были занесены пришлым кривичским населением, что достаточно четко видно в курганных древностях этого региона и в ранних слоях Старой Ладоги (Давидан О. И., 1986). Что интересно, они уже имеют на поверхности солярные знаки. Следующий шаг в их развитии — коньки XIV типа. Грива исчезает вовсе или, в отдельных случаях, остается в виде небольших нарезок на шее, открытая пасть превращается в длинное углубление, четыре ноги сливаются в две, поднятый кверху хвост соединяется с ушком-петлей. Признаком культовой принадлежности служат только солярные знаки. Такая трансформация образа привела к тому, что коньковые амулеты некоторые исследователи стали считать то собачкой, то рысью и т. д. (Рыбаков Б. А., 1988). Развитие амулетов-коньков укладывается в одну схему, кроме одной детали — хвостовидного завершения. И это не случайно. В амулетах раннего железного века подчеркивались признаки мужской особи. В амулетах-коньках древнерусского времени, сохраняя все детали и принципы стилеобразования, старались показать, что это

не мужская, а женская особь. Поэтому хвостовидное завершение поднято вверх, а в более позднем варианте соединено с ушком. Все амулеты-коньки, происходящие из курганов, связаны с женскими погребениями, т. е. несомненна их связь с женскими языческими ритуалами и, в первую очередь, с культом богини плодородия. Возникает вопрос, почему амулеты-коньки такого вида появились именно в древнерусское время? Обратимся ко времени их бытования. Самые ранние относятся к концу X- началу XI вв. и уже в XIII веке они практически исчезают (Рябинин Е. А., 1981). Появление их можно объяснить только христианизацией населения. Борьба с язычеством привела к тому, что языческая обрядность скрывалась, приобретала новые формы. Как отмечали исследователи, женский культ Богини-матери очень близок к культу греческой богини Деметры, одной из ипостасей которой была лошадь. В славянской интерпретации это богиня Макошь (Рыбаков Б. А., 1981). Это культ земли, плодородия, плодовитости. Также это культ гадания, узнавания судьбы, который связан был с лошадью (на раннем этапе — с конем). Невозможность открытого отправления женщинами языческих ритуалов, связанных с почитанием Богини-матери, вылилась в ношение амулетов-коньков, олицетворявших ее и связанных с нею действа. По нашему мнению, празднование культа Богини-матери, представлявшейся также и ввиде лошади, проходило где-то с 15 по 18 августа. Это время окончания жатвы и начала озимого сева. Христианство наложило на эти дни свои праздники, которые, под влиянием старых традиций, получили языческую окраску. 15 августа — Успение Богородицы, к этому дню надо было закончить жатву. 16 августа — "хлебный", "полотняный" Спас. 18 августа — праздник Флора и Лавра, день почитания лошадей, окропления их святой водой и т. д. Образ Богородицы вытеснил культ Богини-матери (Макоши). Видимо, с культом богини плодородия связано большое строительство церквей в честь Успения Богородицы в древнерусское время. Почитание лошадей сохранилось в празднике святых Флора и Лавра, хотя они никогда, согласно житию, не были связаны с ними, что всегда отмечалось богословами как остатки язычества (Месяцеслов, 1990).

Этнографические данные подтверждают наличие культа священных лошадей и Богини-матери (богини плодородия и плодовитости). На Смоленщине это очень хорошо прослеживается в свадебной обрядности. В частности, в свадебных песнях невеста сравнивается с полем с житом и пшеницей, с садом с виноградом (виноград, возможно, отголосок культа Деметры), которые срывает и топчет конь-жених. Интересен и обряд постоянного обращения жениха к своему коню по дороге к невесте (Добровольский В. Н., ч. П, 1893).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: амулеты-коньки впервые появились на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья в раннем железном веке. Первоначально они были связаны с культом мужского божества, хорошо известным по письменным сви-



1 — Холмец; 2 — Новые Батеки; 3 — Карлуха; 4 — Харлапово; 5 — Заозерье:
1, 2, 4, 5 — Смоленское Поднепровье Подвинье, 3 — Южное Приладожье.

ществам. В дальнейшем амулеты-коньки стали связаны с культом богини-матери, одной из ипостасей которой была лошадь. Это отразилось в изменении половых признаков в амулетах-коньках, имеющих в своем развитии культовую и стилистическую преемственность. Христианизация населения привела к забвению значения амулетов, упрощению их вида, а затем и к полному исчезновению. Отголоски этого культа сохранились в этнографических и фольклорных материалах.

Е. Е. ЧЕРНЕНКО (Чернигов)

ЗМЕЕВИКИ В СОБРАНИИ ЧЕРНИГОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Змеевик ("гривна") — условное название амулета-оберега, распространенного на Руси в XI—XIX вв. Имел вид круглой подвески с изображением христианского патрона на лицевой стороне и демонического змеевидного существа женского облика на оборотной. Происхождение, производство и семантика змеевиков рассматривалась многими авторами (И. И. Толстой, Г. С. Дестунис, М. И. Соколов, Б. А. Рыбаков, Т. В. Николаева, В. Г. Пуцко, С. В. Гнутова и др.). В то же время, разработки эти не обобщены и не систематизированы.

В собрании Черниговского исторического музея хранилось 5 змеевиков. Часть из них утеряна.

1. Змеевик, обнаруженный во время раскопок Н. Ф. Беляшевского на городище Княжа гора, у с. Пекари Черкасской обл. в 1892 г., утрачен во время Великой Отечественной войны. Известен по описанию Н. Ф. Беляшевского ("Киевская старина", 1893).

Литая бронза с позолотой. Диаметр 8 см, на лицевой стороне изображен архангел Михаил, сбоку буквы ІЛО; в ободке, по краю, круговая надпись "ГНОС а ГНОС..." На обороте голова с расходящимися от нее змеями (число не указано) и остатки надписи "СНЛНЕ КОСЬ РКУМОР..." (характер расположения не указан). Змеевик поврежден огнем.

Г. Г. Мезенцева, публиковавшая материалы с Княжей горы, считала этот змеевик одной из многочисленных копий известной "Черниговской гривны" (Мезенцева, 1956). Семантическое единство этих памятников несомненно: в обоих случаях на лицевой стороне помещено изображение архангела Михаила (наиболее популярное на змеевиках). В то же время, несовпадение текста надписи позволяет усомниться в существовании единого прототипа.

2. Змеевик, обнаруженный во время археологических раскопок Н. Ф. Беляшевского на городище Княжа гора в 1892 г., утрачен во время Великой Отечественной войны. Известен по описанию Н. Ф. Беляшевского ("Киевская старина", 1892 г.).

Литая бронза. Диаметр 4 см. На лицевой стороне — изображение сцены Крещения Господня (посередине — Христос, слева — ангел,

держащий одежду; справа — Иоанн Креститель). На оборотной стороне — стоящая фигура человека с исходящими от него 11 змеями. Изображение стерто от длительного употребления. Аналогичный змеевик, найденный на севере Руси, был опубликован Голышевым в 1877 г. Датируется XIII в.

3. Т. н. "Ганнопустынская гривна" — змеевик, найденный в конце XIX в. близ с. Аленовки Борзнянского р-на Черниговской обл. Утрачен во время Великой Отечественной войны. Известен по публикации В. А. Шугаевского (Шугаевский, 1928). Это первая из установленных копий "Черниговской гривны", отлитая по той же форме.

4. Змеевик, найденный на городище Княжа гора во время археологических раскопок Н. Ф. Беляшевского в 1892 г. Хранится в фондах музея (АРХ 5-5/81).

Литая бронза, гравировка. Диаметр 5,3 см. На лицевой стороне изображены две стоящие фигуры святых в длинных одеяниях; между ними выгравированы: внизу — крест с аканфами, вверху — рельефный скорпион /?/. По краю — кольцевой ободок, на нем рельефными буквами надпись: АГІОС АГІОС АГІОС КССА... СОРАНО М. Г. (традиционная формула "Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля"). На оборотной стороне — рельефное изображение головы в окружении симметрично расположенных вокруг нее извивающихся змеиных тел с 10 головами. По краю — узкий рельефный ободок. Композиция близка помещенной на оборотной стороне "Черниговской гривны". На змеевике следы длительного употребления — надпись и изображение стерты, детали не просматриваются.

Аналогичный змеевик, найденный в Белой Церкви, опубликован Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко, 1899). Согласно их интерпретации, на лицевой стороне змеевика изображены св. Иоанн и Николай.

5. Змеевик, идентичный предыдущему. Найден на территории Черниговщины (возможно, был найден в 1928 г. между сс. Горбов и Выбли Куликовского р-на). Имеет следы длительного употребления: изображения сильно стерты, с трудом прослеживаются отдельные буквы надписи Агіос... Ксса... Вао... Со... Рано М. Г. Металл истончился до дыр.

Оба последних змеевика по своим эпиграфическим характеристикам и композиции на обороте близки "Черниговской гривне". Представляется, что они относятся к одному периоду (XI—XII вв.). Возможно также их изготовление в одном центре.

Показательно, что для всех змеевиков Черниговского музея фиксируется длительное употребление. Длительное использование змеевиков отмечалось неоднократно (Седова, 1986; Наколаева, 1985). Вероятно, они переходили от одного члена семьи к другому как реликвии. Это свидетельство особой ценности амулетов. Причем, как отмечала Т. В. Николаева, в отличие от других популярных на Руси оберегов, хозяевами "гривен" были представители знати. По-видимому, змееборческая символика амулета была близка князьям и дружинникам.

Е. А. ШИНАКОВ (Брянск)

КАМЕРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ

Вопрос о т. н. "срубных гробницах" или "камерных захоронениях" не освещался в последние годы как для Подесенья в целом (Моця, 1988), так и для Среднего в частности (Шинаков, 1987. С. 135, 137; Гурьянов, 1993). Вновь вернуться к нему заставляет как введение в научный оборот новых материалов, так и несколько иные критерии определения камерных захоронений как типа погребального обряда, точнее, сохранившихся для исследователей его элементов.

Поскольку вычленение конструктивных особенностей погребальных сооружений и обряда тесно связано с социально-этнической и религиозной атрибуцией последнего, рассмотрим кратко современное состояние данной проблемы. По нашему мнению, существуют 4 точки зрения:

1. Все камерные захоронения Восточной Европы, независимо от конструкции их деревянных сооружений, принадлежат скандинавам (воинам, купцам и членам их семей) (Петрухин, Пушкина, Кольчатов, Жарнов).

2. По крайней мере, часть камерных захоронений принадлежит представителям нового слоя скандинавского общества — королевским дружинникам (Лебедев, 1985. С. 81).

3. Данный обряд является общеиндоевропейским по происхождению, в Среднем же Поднепровье, в т. ч. и Подесенье, он восходит к славянской идее наземной "избы мертвых", которая под влиянием христианства перемещается под землю (Моця).

4. Основана на разделение данного обряда на основе конструкции впускных деревянных сооружений (камеры столбовой конструкции — скандинавы, срубы — славяне, конкретнее — "полянская знать") (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. С. 231).

Идея об особенностях конструкции деревянных сооружений, как основе внутренней социально-этнической классификации "камерных захоронений, подверглась, однако, критике как с привлечением материалов Южной Руси (Моця, 1988. С. 67), так и гнездовских (Жарнов, 1990. С. 153). Основа критики — присутствие в русском домостроительстве и срубных, и столбовых домов; достоверные захоронения скандинавов в срубных гробницах, а также наличие камер вообще без деревянных сооружений. К этой критике можно добавить, что не всегда деревянные сооружения сохраняются в достаточной степени, чтобы зафиксировать вообще их наличие, а не только особенности конструкции, что еще более снижает их значение как основного критерия камерных захоронений. Кроме того, с религиозными представлениями связана сама идея подземного погребального дома, а не особенности его конструкции, разные в разнообразной по природным условиям и интернациональному составу населения Восточной Европе. А русы, кем бы они ни были в социально-этническом

плане, плотниками по профессии в X в. вряд ли были, так что, в любом случае, при захоронении своих мертвых вынуждены были прибегать к услугам местного населения, обладавшего разными домостроительными традициями в разных частях Восточной Европы.

Т. о., учитывая возможную степень сохранности разных элементов погребального обряда, за ведущие современные конструктивные признаки камерных захоронений (Восточной Европы, по крайней мере) следует признать размеры подкурганных ям (выделенные на основе самой массовой и территориально компактной группы камерных захоронений в Гнездово) (Жарнов, 1990. С. 153), содержащих только ингумации, относящиеся к X—XI вв. (дабы не спутать с кочевническими захоронениями конца XI—XII вв.). Конструкция деревянных сооружений, как и некоторые детали погребального инвентаря, могут привлекаться в спорных случаях.

В Среднем Подесенье камерные или схожие с ними захоронения обнаружены пока в трех физико-географических районах: Стародубском (Левенка, Алефино), Трубчевском (Кветунь) и Брянском (Антоновка) опольях. Первый и третий районы заселялись, в основном, русами или смешанным общерусским населением, наличие с середины X в., минуя стадию колонизации их территорий отдельными славянскими племенами, Трубчевское же ополье на рубеже X—XI вв. меняет свою политическую принадлежность и в Кветуни располагается русский гарнизон.

Из 22 захоронений, по отдельным элементам сближаемых с камерными, можно сразу исключить 3, совершенные хотя и в широких ямах (2, 1,9 и 1,6 м) с хорошо сохранившимися деревянными сооружениями, но по обряду кремации на стороне и на месте (курган "с поясным набором", № 82 и № 113 Кветуни). Хотя захоронения в этих курганах ранее относились к типу камерных, исходя из размеров ям (Гурьянов, 1993. С. 32), или наличия обшивки ям из деревянных брусьев (Моця, 1988 А. С. 95), это вряд ли возможно по причине отражения в них принципиально иных представлений о способе перехода в иной мир (с дымом погребального костра), или, по крайней мере, синкретичных.

Из 19-ти захоронений по обряду ингумации 4 относятся к "спорным"* по размерам подкурганных ям: ширина их равняется "двум аршинам" (оба левенских погребения), 1,2—1,4 м (курган № 1 Кветуни) и 1,5 м (захоронение в с. Антоновка под Брянском**). Однако в последнем имеются бесспорные следы деревянных сооружений, а в левенских погребениях, кроме "гробниц из дубовых брусьев", еще и дружинный, в т. ч. скандинавский инвентарь (Самоквасов, 1878. С. 196, Шинаков, 1994. С. 43). Воинское погребение в кургане № 1

*Минимальная ширина камер — 1,4—1,6 м, соотношение ширины и длины — от 0,6 до 1 (Жарнов, 1990), допустимы исключения. Для подеснинских камер мы взяли ширину, не меньшую 1,55 м, остальные случаи — спорны

**Раскопки Г. П. Полякова, 1984

Кветуни следует, по-видимому, исключить из числа камерных захоронений из-за слишком малой ширины ямы (1,2—1,4 м).

Из оставшихся, т. о., 18-ти безусловно камерных, по размерам ям,* захоронений деревянная обкладка стенок ям или ее следы встречены во всех трех погребениях Стародубского ополья и кургане № 6 Кветуни (размер ямы 2,8x3,2x1,4 м), меньшие по размерам, чем ямы, домовины (или их следы в виде отпечатков досок на полу камеры или наличие скоб и гвоздей, или столбовых ямок) находились в 11-ти курганах (№№ 4, 7, 62, 73, 84, 100, 103, 142, 177, 193 Кветуни и № 1 Антоновки). В последнем случае точно реконструируется ее размер — 2,3x0,9x0,45 м, причем даже сохранившийся верхний край домовины возвышается над краем ямы на 0,15 м. То же явление наблюдается и в тех захоронениях Кветуни, где благодаря обжигу окружавшего домовину лесса она сохранилась на полную высоту (например, в кургане N 113 она возвышалась над кострищем на материке на 0,3 м).** Засыпка покойника углями и золой наблюдается только в кветунских, и то не во всех камерных захоронениях (№ 96, 100, 103, 142).

Тлен, угольная пыль и зола под костяками — в курганах № 73, 84. "Огненные кольца" — крады — встречены вокруг камер 4-х курганов (№ 62, 96, 142, 193), в двух случаях (№ 96 и 142) сочетаясь с засыпкой покойного золой.

Засыпка золой — только в мужских захоронениях, подсыпка — в женских, в целом же, эти элементы "огненных обрядов" присутствуют более чем в 50% камерных захоронений Кветуни, полностью отсутствуя в Стародубском и Брянском опольях. Те захоронения, где нет даже следов деревянных конструкций, находятся по своим размерам либо "на грани" камерного обряда (курганы № 16 и № 122 Кветуни), либо фактически за его гранью (по пропорциям — в кургане № 96 — 4x1,56x1,3 м). Среди них есть и мужские безинвентарные (№№ 16 и 96), и женское с северянским инвентарем (№ 122).

Все захоронения в придеснинских камерах, кроме одной, — одиночные, 5 из них принадлежат женщинам, остальные — мужские. В кургане № 6 Кветуни мужчина захоронен с женщиной и молодой девушкой, рядом с черепом которой обнаружены 12 бусинных височных колец пяти типов, в т. ч. и "дреговичские" — с тремя зерненными бусами.*** Среди остальных женских захоронений по данному обряду уже упомянутое одно позднесеверянское (со спиралевидными височ-

*Кроме ширины ям здесь учитывалось и соотношение ширины к длине (в пределах 0,5—0,7)

**Есть, впрочем, и иное соотношение: в кургане № 100 размеры ямы — 3,6x2,2x1 м, а домовины в ней — 3x1, 4x0,8 м.

***Аналогичное кольцо встречено в ямном захоронении кургана № 9, близкого по своим параметрам к камерному (3,4x1,5—1,3x1 м), вместе с разными типами сердоликовых бус и простыми перстнеобразными височными кольцами.

ными кольцами) (№ 122), остальные 4 — с общерусским (№ 62), и с легким вятичским "налетом" (№ 7, 73, 84) (разные типы сердоликовых бус) в инвентаре.

Из 12 мужских камерных захоронений 4 наверняка принадлежат дружинникам или, по крайней мере, воинам (оба левенских кургана, насыпи № 177 и, возможно, № 142 Кветуни). Близко, по косвенным признакам, к дружинному захоронение в Антоновке: здесь обнаружена берцовая кость лошади, кости жертвенного козла или барана, у ноги — пятно железного тлена, напоминающее по размерам (0,1х0,5 м) и форме топор. Сам захороненный здесь, по определению Е. Е. Антипиной, был высоким (1,8—1,9 м), но изящного сложения мужчиной с сильно развитой мускулатурой рук. Все остальные мужские захоронения Кветуни по камерному обряду абсолютно безинвентарны, что можно связать как с обычаем класть мужчинам гораздо меньше вещей, чем женщинам (Шмидт, 1988. С. 93), так и с влиянием христианства. В Алефинской камере присутствует железная пряжка и нож. Ориентировка всех захоронений — обычная, с некоторыми отклонениями к югу, лишь в кургане № 16 Кветуни скорее южная, с некоторым отклонением к западу.

Наиболее ранними, судя по инвентарю и тому, что все остальные курганы в группе содержали кремации, являются 2 левенских захоронения (конец X в.), наиболее поздними — некоторые кветунские. Так, женское камерное захоронение в кургане № 122 Кветуни было совершено, по данным В. А. Падина, позднее находящегося под этой же насыпью мужского трупоположения на горизонте. В кургане № 84 (правда, в соседнем ямном захоронении) встречена, вместе с двумя более ранними, монета Генриха III (1039—1056) (Дуйсбург) (Падин, 1976). Очень поздние даты (не ранее конца XI в.) имеют обычно трехбусинные височные кольца дреговичей (с зерненными бусами). В результате можно констатировать сохранение в Среднем Подесенье* камерного обряда захоронения на протяжении всего XI в.

Т. о., в тех случаях, когда инвентарь позволяет определить социальное положение погребенного в камере, то это оказываются воины, в двух случаях, скорее всего, скандинавского происхождения. Женские захоронения ("члены их семей") достаточно "интернациональны" по своему составу. Камеры в Стародубском и Брянском ополье предстают как тип обряда, принесенный туда в сложившемся виде и существовавший параллельно с обычной цепочкой (кремация на горизонте — ингумация на горизонте — ингумация в могиле). В Кветуни ситуация иная. Создается впечатление постепенного, поэтапного развития от наземных камер с кремациями к подземным, затем к камерам с пережитками кремации, от них — к "чистым"

*Концом XI в. датируется алефинская камера в Стародубском ополье (Гурьянов, 1993. С. 32)

камерам, затем к камерам без деревянных сооружений и — без резких изменений в размерах и инвентаре — к христианским могилам. В этом плане характерно их расположение — камеры находятся не в центре, но и не на самых окраинах Кветунского некрополя, и не образуют компактной группы, отделенной от кремаций и ингумаций на горизонте и христианских могил.

В итоге складывается впечатление, что настоящие камеры X в., попав, после ее присоединения к Руси, в Кветунь, вызвали процесс смешения черт двух разных обрядов и пластов идеологии и в итоге — "камеры — подражания", которые еще предстоит путем более тщательной корреляции деталей погребального обряда и инвентаря отделить, с одной стороны, от подлинных, более ранних камер, с другой — от более поздних христианских могил (впрочем, если здесь вообще существуют четкие грани).*

О. Л. ПРОШКИН (Калуга)

К ВОПРОСУ ОБ ИНОЭТНИЧНОМ НАСЕЛЕНИИ ВЕРХНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ В ЭПОХУ ДРЕВНЕЙ РУСИ

На территории правобережья бассейна Верхней Десны, в пределах современных Калужской и Смоленской областей известно большое количество курганных могильников, оставленных сельским населением в эпоху Древней Руси. В этническом отношении, по набору и сочетанию в погребениях украшений, их можно разделить на: 1) вятические, 2) кривические, 3) вятическо-кривические, 4) неопределимые. Особый интерес вызывают последние. К ним относятся несколько курганов, содержащих остатки погребального обряда, не характерного для местного населения как в эпоху Древней Руси, так и в более позднее время. Раскопки этих курганов проводились в конце 19 в. Н. И. Булычевым (прим. 1).

В бассейне р. Болвы, левого притока р. Десны, известно два курганных могильника с такими захоронениями: у д. Трашковичи (Калужская обл.) и между дд. Выгорь и Проходы (Смоленская обл.).

Курганный могильник Трашковичи расположен в 0,3 км к СВ от деревни, на правом берегу р. Снопоти, у дороги. Состоял из 17 насыпей, частично сохранившихся до настоящего времени. Курганы располагались 2-мя группами на расстоянии 50—60 м друг от друга. Размеры сохранившихся курганов: диаметры — 6—9 м, высота — 0,6—1,9 м. Н. И. Булычевым были раскопаны все курганы методом "колодца". В 15-ти из них были найдены женские и мужские

*В этой связи схема Жирнова не полностью "работает" в Кветуни, ибо нет резкой грани между погребениями и ямах шириной свыше 1,55 м и, скажем, 1,4 и 1,5 м (или разной ширины — 1,3—1,7, 1,4—1,6 м), которых насчитывается в Кветуни II, и еще свыше 20 ям шириной от 1,2 до 1,4 м.

трупоположения на материке, ориентированные головой на З и содержавшие богатый погребальный инвентарь: браслетообразные завязанные височные кольца, лировидные пряжки, амулет в виде привески-конька и 3-х клыков животного, различные бусы, ножи, гончарные горшки и другие предметы, позволяющие, в целом, датировать могильник 11—12 вв. и считать его кривичским (прим. 1).

В могильнике выделяется 1 курган (№ 1), расположенный на В окраине 1-й группы, неподалеку от дороги. В кургане на глубине около 1, 05 м находились захоронения коня и человека. Конь лежал на правом боку, головой к С. Мужской костяк лежал вытянуто на спине, руки были вдоль туловища, ориентирован головой к В. У правой руки лежали наконечник копья и топор, у ног стоял горшок (прим. 1, с. 58). Железный втульчатый наконечник копья имеет перо удлиненно-треугольной формы (длина сохранившейся части — 15,3 см). Близок типу III А. А. Н. Кирпичникова (прим. 2). Железный топор (длина — 9,5 см), типа чекана, имеет оттянутое вниз лезвие, 2 пары боковых выступов и слегка выдающийся вырезной обух. Близок 4 типу топоров А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева (прим. 2,3). Описание горшка нет. Погребение можно предварительно датировать 11—14 вв.

Курганный могильник между дд. Выгорь и Проходы состоял из 2-х насыпей, раскопанных Н. И. Булычевым. Местоположение и размеры курганов неизвестны. Один курган был "пустым", а другой содержал захоронение коня в центре насыпи. Конь лежал на левом боку, головой к ЮЗ. К СЗ от него, у края насыпи стоял "горшок грубой работы", имевший форму "большой круглой лоханки" и заполненный кальцинированными костями (прим. 1, с. 63).

Т. о., выделяются следующие типы погребений: 1) мужское трупоположение с оружием и конем; 2) захоронение коня с трупосожжением (?).

Погребальный обряд данных курганов не имеет аналогий в данном регионе и на близлежащих территориях. Отдельное захоронение коня известно в кургане № 9 могильника между дд. Васильевское и Паршино в бассейне Верхней Оки (Калужская область) (прим. 1).

Обряд погребения с конем и оружием известен на территориях финно-угорских и балтских племен на СЗ и С Восточной Европы, а захоронения коней также характерны для многих кочевнических народов степей Евразии на протяжении очень длительного времени. Захоронения коней и с конями на территории Древней Руси известны лишь там, "где славяне соприкасались с балтскими или финскими племенами", т. е. на территории СЗ и СВ Руси (прим. 4, с. 87). Выделенные Л. А. Голубевой 7 типов конских погребений 8—11 вв. включают и аналогичные вышерассмотренным (оз. Селигер, Приладожье, р. Клязьма). Автор исследования связывает большинство этих погребений с финской, и лишь некоторые — со скандинавской средой (прим. 4). Все вышерассмотренные погребения курганных могильни-

ков Трашковичи и Выгорь — Проходы, также можно предположительно связывать с пребыванием здесь выходцев из северо-западных и северо-восточных земель Восточной Европы. "Следы" этого пребывания могли сохраниться, например, в качестве характерного для них погребального обряда, некоторых типов украшений и других фактов, на что уже обращалось внимание исследователей (прим. 5, 6, 7).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

2. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. // САИ. Е 1—36. Вып. 2. М.-Л., 1966.

3. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

4. Голубева Л. А. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—XI вв. // СА. N 4, 1981.

5. Кулаков В. И. Литовцы в Калужской земле. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Калуга, 1987.

6. Прошкин О. Л. Калужские курганы в раскопках И. Д. Четыркина. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов. Боровск. 1988.

7. Прошкин О. Л. Ромбощитковые височные кольца из курганов водораздела рр. Днепра и Волги. // Бюллетень РНИА "Верхнее Поочье". 1. Калуга, 1993.

В. Н. ГУРЬЯНОВ (Брянск)

К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ КРИВИЧЕЙ НА СЕВЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ БРЯНЩИНЫ

В современной научной литературе юго-восточная граница расселения кривичей определяется проходящей по линии р. Сеща — верхнее течение рек Снопоти, Ветьмы и Болвы (Седов В. В., 1982). Эта точка зрения разделяется и в краеведческих работах научно-популярного характера, где зона расселения кривичей на севере современной Брянской области определяется в бассейне рек Габьи и Снопоти (Крашенинников В. В., 1990) или на территории Рогнединского и Дятьковского р-нов (Шинаков Е. А., 1991); следует указать, что вышеупомянутая работа Е. А. Шинакова была написана еще в 1983 г. Однако необходимо отметить что на р. Снопоти в пределах Брянской области до недавнего времени не было известно древнерусских памятников, а курганных групп не найдено вообще. Единственный курганный могильник на р. Габье (Щепет) не исследован.

На левобережье Десны до 1994 г. были исследованы кривичские погребения в курганных группах Чечеринка (Прошкин О. Л., Хохлова Т. М., 1988) в Рогнединском р-не и Немеричи (Деев С. С., 1926) в верховьях р. Ветьмы в Дятьковском р-не, что будто бы подтверждает мнение, высказанное Е. А. Шинаковым. В более поздней работе им

высказана мысль о пограничном характере (кривичско-вятичско-радимичское пограничье) данной территории и Жиздринского аллювиально-зандрового р-на в целом (Шинаков Е. А., Сарычева Т. Л., 1983).

На правом берегу Десны кривичские древности исследованы на территории Верхнедеснинского-Рославльского предполесья (Сеша, Алешня), где они доходят до р. Белизны, являющейся естественной границей Клетнянского полесья, которое узким языком выходит к Десне. Заселенность Клетнянского полесья радимичами не вызывает сомнений (Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н.; 1994), крайним северо-восточным памятником радимичей является группа у с. Пеклино (Шинаков Е. А., 1993).

На левобережье Десны ситуация, видимо, была более сложной. В 1994 г. автором была исследована курганная группа у с. Гришина Слобода, на левом берегу р. Ветьмы. Раскопаны три кургана, два из них содержали женские погребения по обряду трупоположения, в третьем кургане погребение было уничтожено при строительстве автодороги. Сохранившиеся погребения сопровождались богатым инвентарем. В погребении кургана № 25 найдены пять браслетообразных височных колец с завязанными концами, "кудрявое" и перстнеобразное височные кольца, больше количество золото- и серебростеклянных бус русского производства, крестопрорезной бубенчик, шумящая привеска, состоящая из двухголового плоского костяного конька, клыка, ложечки и еще одного крестопрорезного бубенчика меньшего размера; пластинчатый браслет с точным пунсонным орнаментом, "усатый" и решетчатый перстни, шиферное боченковидное пряслице и раннекруговой горшок с волнистым орнаментом.

В погребении кургана № 26 обнаружены три перстнеобразных височкых кольца с несомкнутыми концами, свыше 20 золотостеклянных бус, шиферная бусина, фигурносрединный плоский и овальнощитковой завязанный перстни, круговой горшок с волнистым орнаментом. Некоторые радимичские и вятичские вещи, а также общерусский характер погребения в кургане № 26 при основной кривичской принадлежности могильника, объясняются, вероятно, его нахождением в пограничной зоне. Наличие кривичских курганных групп в верховьях (Курганье, Немеричи) и низовьях Ветьмы позволяют предположить, что она была заселена кривичами на всем протяжении и служила восточной границей кривичского расселения, хотя смешанные кривичско-вятичские группы встречаются и в верховьях Болвы и ее притоков (Кропачев Г. В., 1993). В междуречье Ветьмы и Болвы курганных могильников не обнаружено. Возможно, данная территория, покрытая заболоченными лесами, в древнерусское время и не была заселена.

Имеются сведения о наличии крупного курганного могильника в среднем течении Ветьмы, у д. Николаевка, однако эти сведения не

проверены разведками. Ниже Гришиной Слободы известны две курганные группы на левом и правом берегу, неподалеку от устья. Предварительная датировка первой группы древнерусским временем (Шмидт Е. А., Заверняев Ф. М.; 1959) достаточно проблематична в связи с пойменным расположением курганов; вторую группу обследовавший ее В. В. Миненко склонен датировать эпохой бронзы.* На левом берегу Десны у г. Жуковки имеются две небольшие курганные группы (по две насыпи каждая), однако датировка их по внешним признакам затруднительна.

Как представляется, ключевую роль в решении вопроса о кривичско-радимичско-вятичском пограничье может сыграть исследование курганного могильника у п. Борча на правом берегу Десны. Могильник расположен неподалеку от устья "радимичской" реки Белизны, и, в определенной степени, напротив устья "кривичской" Ветьмы. Это крупнейший могильник в регионе, он насчитывает 142 кургана. Курганы разрушаются в результате самовольных "раскопок", проводимых местными жителями. В разрушенных курганах собраны фрагменты керамики X—XI вв., кроме того, зав. отделом Брянского краеведческого музея Г. П. Полякову передан серебрянник Владимира Святого (III тип), якобы происходящий из данного могильника. Однако подлинность этой монеты вызывает серьезные сомнения у нумизматов.** Тем не менее, исследования на Борче позволят существенно уточнить картину племенных "границ" на Верхней Десне.

Оценивая ситуацию на левобережье, можно считать доказанным расселение кривичей на территории современных Рогнединского, Жуковского, Дятьковского р-нов. Все исследованные кривичские погребения совершены по обряду ингумации и датируются XI в. В этом регионе известны и общерусские погребальные памятники того же времени (Прошкин О. Л., 1989). Следует отметить, что продвижение кривичей на юг как по правому, так и по левому берегу Десны, шло достаточно равномерно и остановилось примерно на линии междуречья Сещи и Белизны (правые притоки Десны) — левый берег Ветьмы (левый приток Десны). Вопрос о причинах такой "остановки" пока остается открытым.

*Благодарю В. В. Миненко за предоставленные сведения.

**Эти сведения любезно сообщены В. В. Зайцевым.

Г. Ю. СТАРОДУБЦЕВ (Курск)

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОЧЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Гочевский археологический комплекс представляет собой уникальный памятник X—XIII вв. В разные годы его курганный могильник исследовался известным археологами: Д. Я. Самоквасовым в 1909 г., П. С. Рыковым в 1912 г., В. С. Львовичем в 1913, 1915 гг., В. Н. Глазовым в 1915 г. В 1937 и 1939 гг. городище "Царский дворец" исследовалось Б. А. Рыбаковым. В послевоенное время на памятнике проводились небольшие разведочные работы (И. И. Ляпушкин, Ю. А. Липкинг, Е. А. Горюнов, А. В. Кашкин и др.). В последние годы могильник подвергается активным грабительским раскопкам.

В июле-августе 1994 г. экспедиция Курского государственного областного музея археологии проводила охранные раскопки нескольких поврежденных курганов. В ходе работ было исследовано 4 кургана (в общей нумерации курганов №№ 4, 15, 29, 30).

Курган 4 имел уплощенную насыпь размером 6х5,5 м, высотой 0,76 м. В нем находилось мужское погребение, расположенное на уровне древней погребенной поверхности и ориентированное запад-восток. Останки покойного были перекрыты слоем серой подзолистой почвы толщиной 6—8 см, отличающейся по цвету от остальной насыпи. Большая часть погребения была разрушена. Неповрежденными сохранились только череп и кости плечевого отдела. У левого виска находилось бронзовое проволочное кольцо.

Насыпь кургана 15 имела диаметр 5 м при высоте 0,83 м. Под насыпью были обнаружены остатки разрушенного женского погребения, расположенного на уровне древней погребенной поверхности и ориентированного запад-восток. В 1,5 м к северу и к югу от погребения обнаружены следы кострищ. В отвале грабительской ямы найдены две двучастные серебростеклянные пронизки, темно-бордовая бусина глухого стекла, округлой формы, с желтыми глазками и кости черепа со следами окислов бронзы в височной части. Эти окислы без сомнения являются следами от височных колец, находившихся в погребении и изъятых грабителями. У ног погребения были обнаружены: три одночастные серебростеклянные пронизки, зеленая биконическая и бордовая круглая стеклянные бусины.

Курган 29 имел овальную форму насыпи размером 3,8х4,6 м, высотой 0,64 м. В юго-западном секторе насыпи был обнаружен венчик толстостенного лепного сосуда с веревочным орнаментом по верхнему краю и фрагмент стенки кругового сосуда, очевидно, попавших в насыпь при ее сооружении. В северо-западном секторе, у подножия кургана обнаружено скопление костей животных, являющихся остатками тризны. Мужское погребение находилось в могильной яме размером 2,23х0,63 м, глубиной от уровня материка 0,24—

0,28 м, и не было повреждено грабителями. В северо-западном углу могильной ямы над погребением были обнаружены остатки доски размером 0,45х0,25 м, толщиной 1 см. Покойник лежал на спине, головой на запад, руки были вытянуты вдоль туловища. У пояса находился железный нож. Помимо погребения, в заполнении могильной ямы найдены: фрагмент стенки кругового сосуда и обломок железного гвоздя.

Насыпь кургана 30 размером 8х7,5 м, высотой 1,46 м, содержала остатки женского погребения, разрушенного грабителями и располагавшегося на уровне древней погребенной поверхности и ориентированного запад-восток. У подножия насыпи, в северо-западном секторе обнаружено скопление костей животных, являющихся остатками тризны. В восточной части насыпи, у ног покойной находился большой костер, прослеженный по скоплению углей и значительному прокалу почвы, размером 1,10х0,7 м при толщине прокала 4—8 см. Кроме этого, у ног были обнаружены: 2 железных костыля, черенок железного ножа, 2 фрагмента лепной керамики, бронзовое проволочное кольцо, бронзовый пластинчатый перстень и костяной кистень яйцевидной формы, с продольным отверстием по оси, куда вставлен железный стержень с петлей на одном конце и заклепкой на другом. Кистень данного типа, по А. Н. Кирпичникову, относится к 1 типу и датируется X—XIII вв.

Для всех насыпей курганов характерно наличие мелких углей, попавших в них, очевидно, при их сооружении. Курган 15 по набору бус можно датировать второй половиной XI в., курганы 4, 29, 30 — XII в.

В ходе уборочных и пахотных работ на краю площадки поселения на значительной площади были выпаханы человеческие кости. Поэтому было принято решение провести разведочные работы на этом месте. Был заложен рекогносцировочный шурф площадью 17 м2. Раскопками выявлен бескурганный могильник с трупоположениями, ориентированными запад-восток, в неглубоких ямах. Покойники лежали на спинах, головами на запад, со скрещенными на животах руками. Всего было обнаружено 5 погребений (№№ 1—4 — мужские, № 5 — женское).

Погребение 1 было сильно повреждено распашкой. Погребение 2 находилось в одной могильной яме с погребением 5, перекрывая его и частично разрушив. В погребении 3, частично разрушенном распашкой, у правой ступни был обнаружен фрагмент бронзовой пластинки. На дне могильной ямы погребения 4 находились остатки досок толщиной 0,5 см и фрагмент стенки кругового сосуда с линейным орнаментом. Отсутствие инвентаря в погребениях и небольшая площадь исследованной части могильника не позволяют в настоящее время точно датировать могильник. Для этого требуется проведение новых исследований.

Е. А. ЧЕПЛЯНСКАЯ, Н. Е. ЮЩЕНКО (Брянск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СЕВЕРЕ СТАРОДУБСКОГО РАЙОНА

В летний сезон 1994 г. разведочный отряд Брянского областного краеведческого музея продолжал многолетнюю работу по исследованию естественно-исторического микрорегиона "Стародубское ополье". В течение полутора месяцев проводились разведочно-топографические работы на ранее обнаруженных памятниках железного века. Было отработано несколько маршрутов в междуречье рек Вабли и Бабинца. Один из маршрутов включал в себя обследование среднего течения р. Бабинец. На левом берегу было произведено дообследование ряда памятников эпохи Киевской Руси с одновременной съемкой их топографических планов. Это памятники сельского типа, относящиеся к X—XIII вв.: Мадеевка 1, Новенький, Червоный Яр, Масленка. Все они расположены на левом коренном берегу р. Бабинец, как правило, на неярко выраженных мысах. На правом берегу были обследованы памятники VI—VIII вв., представляющие собой остатки небольших сельских поселений на правой надпойменной террасе — Прокоповка и Коровченка. Несколько ниже по течению, напротив исторического центра летописного Стародуба — Солдатской горы, проводилась топографическая съемка поселений древнерусского времени Заречное I и Заречное II. Расположение данных поселений на первой надпойменной террасе в 1,5—2 м над поймой не характерно для эпохи Киевской Руси. А непосредственное примыкание их к крупнейшему городскому поселению, являющемуся политико-административным, культурным и экономическим центром ополья, позволяет утверждать, что Заречное I и Заречное II представляли собой правобережную часть посада древнерусского города.

Другой маршрут был проложен по левому берегу р. Вабли. При прохождении этого маршрута обследовались памятники у д. Меженики — курган Меженики I и селище XI—XIII вв. Меженики II, Новое село — городище раннего железного века юхновской культуры, Газуки — курганная группа на местном кладбище (Газуки I) и селище XI—XIII вв. (Газуки II), Яцковичи — селище XI—XIII вв. В с. Горислово была проведена топографическая съемка древнерусского селища X—XIII вв. Горислово II, как нам представляется, являвшегося посадом княжеского замка Горислово I. Напротив пос. Водотище проводились работы на позднесредневековом поселении XIV—XVI вв.

При обследовании притоков р. Вабли был произведен повторный осмотр селища XI—XIII вв. Осколково III на р. Катовке (местное название — Пятка) — правом притоке р. Вабли. Одновременно с осмотром был снят топографический план памятника.

На левом берегу левого притока Вабли — р. Репчанки, — у д. Быстриково в результате проведенной разведки было открыто ранее

неизвестное городище X—XIII вв., собран интересный подъемный материал, а при зачистке обнаружения найдена костяная игла. На этом памятнике также были произведены топографические работы.

Кроме вышеперечисленных маршрутов, проводились работы на отдельно находящихся памятниках. Произведено дообследование со снятием инструментального плана поселения — Остроглядово II, кургана Чубковичи I. Во время работы на последнем памятнике был обнаружен курган — предположительно эпохи бронзы — Чубковичи II.

Маршрут Ильбово-Галенск-Решетки-Пестриково был предпринят с целью подтверждения информации об археологических памятниках, обследованных ранее. В результате разведки обнаружилось, что курганная группа, расположенная в районе населенных пунктов Ильбово-Галенск, полностью распахана. Также не подтвердилась информация о наличии кургана за северо-западной окраиной д. Пестриково. А при дообследовании городища раннего железного века в с. Еремино выяснилось, что памятник состоит из двух частей — ранее известного мысового городища и синхронного ему неукрепленного поселения, примыкающего к напольным укреплениям городища. Данная часть памятника ранее работавшими на нем исследователями не отмечалась.

В этом сезоне были продолжены работы по авиаразведке и аэрофотосъемке. Наблюдения и съемка проводились по обоим берегам р. Вабли — от с. Левенка до с. Синин.

В целом, за полевой сезон 1994 г. было дообследовано 22 памятника археологии. На 21-ом из них были произведены топографические работы. Впервые обнаружены два памятника и уточнены границы одного памятника. Дополнительно к этому, были произведены разведки на общей площади около 12 кв. км.

Д. Н. КАРПОВ (Любохна)

ИТОГИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ БАССЕЙНА РЕКИ БОЛВЫ В ПРЕДЕЛАХ ДЯТЬКОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

На северо-востоке Брянщины находится один из самых интересных в археологическом отношении регионов области — Дятьковский район. В древности этот край стал местом, где соседствовали и тесно переплетались ареалы существования различных племен и народов. Так, например, во второй половине I т. л. н. э. здесь не только сходились территории славянских племен — вятичей, кривичей, радимичей, — но свой след оставили и финно-угрские племена. Естественно, исследование и понимание событий, происходивших в этой пограничной зоне, интересно для ученого, занимающегося изучением любого из вышеназванных исторических образований и край-

не необходимо для реконструкции процессов формирования древнерусской народности и государственности, но на археологической карте Брянского края Дятьковский р-н представляет собой девственно чистое, неисследованное белое пятно. Судя по последней публикации,1. здесь в настоящее время известно всего 5—6 памятников. И это в то время, когда ученые первой четверти нашего века2: в один голос заявляют о густой сети памятников различных эпох на этой территории.

Таким образом, мы можем констатировать, что современное состояние археологической исследованности Дятьковского р-на Брянской обл. находится в крайне плачевном состоянии. В течение последних 70 лет археологические работы здесь, практически, не велись, в результате чего наука потеряла десятки, если не сотни, памятников, подвергшихся разрушению в процессе бездумной хозяйственной деятельности человека и, в значительно меньшей степени, природы. Процесс этот продолжается. И государство бессильно оградить от него оставшиеся археологические памятники по причине их незнания. Поэтому в Дятьковском р-не в настоящее время на первое место встает проблема выявления и паспортизации этих памятников, что позволит хотя бы сохранить их для истории. Имея перед собой эту стратегическую цель, осуществление ее мы предполагаем начать с планомерного изучения крупнейшей реки района — Болвы.

К настоящему времени было проведено предварительное знакомство с данной территорией. В его результате было получено достаточно подтверждений тому, что здесь находится значительное количество неучтенных археологических памятников.

Подведению итогов предварительной разведки бассейна реки Болвы в Дятьковском р-не Брянской обл. и посвящена наша работа, носящая краткий информативный характер.

Летом 1994 г. были выборочно осмотрены ряд территорий вдоль русла р. Болвы и ряда ее притоков на протяжении, в общей сложности, около 30 км. При этом было обнаружено: большая курганная группа, отдельно стоящий курган и три городища.

1) Курганная группа "Лесоучасток".

Следует сразу оговориться, что эти курганы лежат на территории Калужской области в месте, где Болва отделяет ее от Брянщины. Но, так как осматривались оба берега реки, то курганная группа попала в поле нашего зрения. К сожалению, не удалось выяснить, известен ли этот памятник калужским ученым.

Курганы находятся на левом берегу р. Болвы, в 2,5 км юго-восточнее железнодорожного моста у платформы "173 км", на территории Дубровского лесопроизводственного участка. Курганная группа, расположенная на высоком склоне, густо поросшем лесом, отстоит от реки, имеющей здесь болотистую пойму, на расстоянии 500 м и насчитывает около 35 насыпей. Все они имеют сферическую форму. Диаметр курганов колеблется от 8 до 12 м, а высота — от 0,5 до 3 м.

При этом всего 4 кургана превышают высоту 2 м. Отчетливо сохранились концентрические ровики вокруг насыпей. Они прослеживаются у 13 курганов. Ровики разомкнуты четырьмя перемычками, ориентированными идентично у всех насыпей: крестообразно юго-запад — северо-восток и юго-восток — северо-запад.

Подъемного материала нет.

2) Бердовский курган.

В 2,5 км северо-восточнее д. Пупково, у Бердовского ручья, впадающего в левый приток Болвы — р. Овсорок, был выявлен отдельно стоящий курган. Он расположен в 200 м от ручья на его левом берегу, в пределах разрушенного кладбища бывшего хутора Пупковского. Насыпь имеет сферическую форму. Высота ее достигает 4 м, а диаметр — 15 м. Курган порос деревьями и поврежден норами. На вершине насыпи отмечается просад.

Подъемного материала нет.

Из беседы с местными жителями удалось выяснить, что три подобных кургана до недавнего времени находились на полях возле д. Пастушье (6 км юго-восточнее г. Фокино), но были распаханы, так как мешали сельскохозяйственным работам.

3) Городище "Быков Рог".

Городище находится в 1,5 км восточнее д. Неверь, на левом берегу р. Болвы, в урочище "Быков рог". Русло реки здесь круто изгибается, делая петлю. Вода, текущая на юг, поворачивает на север, а потом снова возвращается на свой прежний курс. Городище лежит на высоком выступающем мысу заросшего лесом коренного берега, в 20 м от воды. Высота мыса — около 8 м от уровня современного берега. Выходя своей обрывистой западной стороной к Болве, мыс с юга защищен оврагом, глубиной до 8 м, по дну которого течет ручей "Третья Речка". С севера и востока городище защищено двумя валами и двумя рвами. Глубина внутреннего рва достигает 2,5 м, наружного — до 1,6 м. Укрепленная площадь занимает около 2100 кв. м.

На южной стороне оврага, по которому течет ручей "Третья Речка", напротив городища находится еще один вал. Его высота до 1,8 м. Повторяя контур оврага, он одним концом упирается в обрыв коренного берега, а вторым концом примыкает к оврагу в том месте, где с противоположной стороны подходят валы и рвы, прикрывающие городище.

Мыс поврежден воронками и перекопами.

4) Любохонское городище.

Обнаружено на территории стадиона в пос. Любохна. Эта местность известна в поселке, как урочище "Барин-домик". Здесь размещалась барская усадьба.

Городище находится на правом обрывистом берегу р. Болвы, в месте впадения в нее р. Щученка, протекающей в этом месте по дну оврага. Вал, упирающийся своими концами в береговой обрыв Болвы, полукольцом прикрывает городище с севера, запада и юга. С севера

вал идет вдоль щученского оврага. Высота вала в настоящее время достигает 2 м.

Территория городища сильно повреждена современными и, ныне полностью разрушенными, барскими постройками.

Найдены незначительные фрагменты древнерусской круговой керамики.

5) Быковское городище.

Городище расположено в 5 км западнее г. Фокино, у истоков р. Быковка, впадающей в правый приток Болвы — р. Пильня. Укрепление лежит на заросшем лесом треугольном мысу, образованном слиянием двух широких оврагов. Крутые склоны мыса с юга почти отвесно обрываются к двум родникам, дающим начало р. Быковка, на глубину от 7 до 12 м, а с севера и востока — на глубину до 7 м. С запада городище защищено тремя рядами рвов и валов. Высота валов от дна рвов колеблется от 0,5 до 5,5 м. При этом средний вал прикрывает укрепление не только с запада, но, спускаясь на дно северного оврага, охватывает мыс с севера и северо-востока. Площадь защищенной части около 300 кв. м.

Подемный материал представлен многочисленными фрагментами лепной неорнаментированной керамики.

Малоизученность вышеперечисленных памятников не позволяет делать какие-либо выводы, но их наличие дает возможность констатировать перспективность будущих археологических исследований Дятьковского р-на Брянской области.

1. Археологическая карта России. Брянская область. М., 1993, с. 69.

2. Шульгин А. Н. Исследования в северо-западном углу Орловской губернии // Труды Орловской ученой архивной комиссии за 1904—1905 гг. Орел, 1906;

Деев С. С. Доисторическая жизнь Брянского края под охраной краеведов // Брянский край. Вып. 1. Брянск, 1926.

Т. Г. НОВИК, Ю. Ю. ШЕВЧЕНКО (Чернигов)

КНЯЖЕСКАЯ ДИНАСТИЯ ЧЕРНИГОВА И КИЕВСКИЕ РЮРИКОВИЧИ

Проблема самостоятельной династии была сформулирована Б. А. Рыбаковым (1949) при реконструкции погребения вождя-жреца в Черной могиле. Присутствие северянского центра — Чернигова — в Киево-Константинопольском договоре (912) — результат деятельности Олега Вещего. Но исчезновение династии при вступлении северян в Киеворусское государство проблематично, поскольку севера — единственный исторический организм, сохранивший автономию, упомянутую летописью (884). Ослабление Киева при Игоре вызвало разгром киевских дружин Олега (воеводы Игоря, упомянутого новго-

родским летописанием) войсками хазарского тархана Песаха под Самкерцем (Керчью) в 940 г. (Гумилев Л. Н., 1973). Русы отпущены с условием: война с Византией. Киев, находившийся в условиях выгоднейшего мира с империей (912), предпринимает походы 941—944 гг., — действия, к которым Игоря вынудила Хазария. Чернигов присутствует в тексте договора с Византией, а Константин Порфирогенет, чьи сведения относятся к этому же времени, сообщает о "севериях-пактиотах русов". С 944 г. в Киеве появляется автономная дружина Свенельда — более богатого, нежели великий киевский князь (не с ними ли связаны 4 киевских находки дирхемов, появившихся в результате каспийского похода русов с Левобережья Днепра? — Уманец А. Н., Шевченко Ю. Ю., наст. изд.). Дружина Свенельда столь автономна, что не вступает в бой с печенегами (не входит в условия договора), — в результате великий князь Святослав убит, а Свенельд со своими войсками вернулся в Киев. Ок. сер. X в. ал-Масуди сообщает о русах, живущих в стране хазарского кагана и служащих ему, чего еще нет у ал-Истахри, писавшего в 933 г. Каганат традиционно рассматривал земли радимичей, вятичей и северы как собственные, и перерыв в выплате северянских даней (884—912) вряд-ли сформировал новые отношения, учитывая автономию северы в державе Олега Вещего. Синхронизация всех приведенных данных говорит о суверенизации черниговской династии к исходу 2-й четв. X в. — между поражением Киева в 940 и договором 945 гг.

Политика равноапостольного Владимира по избавлению от богатых (как в дружине Свенельда) варягов (980), доходящей до человеческих жертвоприношений (983), может объясняться лишь противостоянием киевских и левобережных дружин. Обходя Черниговские земли Левобережья Днепра, а не ближним Деснянско-Сеймским путем (Шевченко Ю. Ю., 1977), проходит поход Святослава на хазар (965); Днепровским, а не Деснянско-Окским путем, проходят походы Владимира на болгар и вятичей. Пространственно-хронологическая лакуна в русской летописи (с 944 по 1023 гг.) с эпицентром в Чернигове нарушается лишь сведениями о печенегах, с которыми в силу, видимо, союзных обязательств. не имел столкновений Свенельд. По смерти Владимира, так и не отдавшего Чернигов своим многочисленным детям, Глеб, узнав об убийстве Бориса, идет с Оки не ближайшим путем (по Десне), а делает круг по Волго-Днепровскому пути через Смоленск (1015). А на помощь Святополку против Ярослава спешат печенеги, пройдя по наиболее густонаселенной территории Черниговской земли (Шекун А. В., 1990), к району Любеча, изобилующему памятниками дружинной культуры того времени.

Поле дружинных погребений в Чернигове, как выяснилось при раскопках последних лет, от Черной могилы и находившегося рядом столь же грандиозного кургана, простиралось на СВ, где найдены следы 6 дружинных погребений. Датировка вещей из комплексов

этого погребального поля локализует его функционирование в сер. -2 пол. X в., в т. ч. — безкурганные погребения — 2 пол. X —нач. XI вв. с находками "курганного" характера (Шекун А. В., 1992). Эпицентр могильника — Елецкое городище, где как на детинце наблюдается хронологическая непрерывность от волынцевских до памятников к X в., у укреплений которого располагались наиболее богатые — княжеские — погребения. Курганные группы южнее городища в Еловщине (включая Старостриженскую и в "Березках") и Болдиногорская (Троицкая) используются в 1 пол. -сер. X в., являясь некрополями "додинастического" периода. На исходе 2 четв. X в. дружинный некрополь перемещается к Елецкой городской крепости, господствовавшей над Черниговским подолом. Это соответствует становлению черниговских династов, погребаемых у самых стен их резиденции — Елецкое, в окружении ближайших гридей. Развитие государственности на данной территории иллюстрируется ростом числа поселений, имеющих ремесленный характер (от 3-х до 11 га), к к. 2 четв. X в. с 17 до 87 только в бассейне р. Белоус (Шекун А. В., Веремейчик Е. М., 1988). С юга, по Деснянской водной магистрали эти селища фланкировались Шестовицким дружинным комплексом (Коровель), становление которого связано с каспийскими походами руси с Днепровского Левобережья. В плане похода 913 г. отметим салтовское стремя IX- нач. X вв. из наиболее раннего кург. 83 Шестовиц (Андрощук Ф. А., Бурляй А. М., Репик Д. В., Синица Е. В., 1994). К погребениям ветеранов этого похода можно отнести кург. 78 и 110 с соответствующими нумизматическими индикациями. Поход 944 г. документирован в кург. 61—1, с узколезвийным топором 2—3 четв. X в., как отмечают Ф. Андрощук с соавторами, не ранее 945 г. (дирхем-подвеска, чеканенный в прикаспийских областях накануне похода 944 г.). Погр. 4 кург. 61 с бляшками ременной гарнитуры (в Бирке до нач. XI в.), с саблей типа черномогильской и широколезвийным топором. Широколезвийный топор найден и в Черной Могиле. По современным представлениям (Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1986), таковые распространяются в Европе ок. 1000 г. Если ритуальный котел с бараньим черепом и скрамосаксом был вынесен в "слой тризны" Гульбища (Самоквасов Д. Я., с. 189—193), то в Черной могиле "несколько тонких железных сосудов и один медный" (там же, 1878, с. 187—189) были найдены на кострище с двумя мечами и саблей, 2 наконечниками копий, 2 умбонами щитов, 2 парами железных стремян; в "слое тризны" — вынутые из костра 2 шлема, 2 кольчуги, 2 скрамосакса и, без следов действия огня — 2 турьих рога (все говорит о двойном, а не о тройном захоронении). Первая "тризна вокруг ритуального котла" происходила у кострища, как в курганах Гнездова. Следующая — на первичной насыпи, где из наступательного оружия представлены лишь скрамосаксы. Из 9 известных на Руси скрамосаксов, 7 — в причерниговских курганах, прочие

— в Гнездово, где скандинавские черты исчезают в последней четв. X в. (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978), сохраняясь в это время в Черной могиле. К последней трети X в. относит памятник нумизматическая индикация. Цилиндрический замок, близкий распространенным в XI—XII вв. (с признаками типа Колчин-Б), желтый витой стеклянный браслет к. X—XI вв. (Кропоткин В. В., 1957), как и широколезвийный топор на кострище Черной могилы, относят насыпку кургана к к. X в. Меч меньших размеров на кострище ближе всего к мечу нач. XI в. с клеймом кузнеца Людоты (Людоши). Близость к этому времени шестовицкого комплекса 61—4 делает вероятным гибель построек на шестовицком городище Коровель (Андрощук Ф. А. и др., 1994) не в 60-е гг., а синхронно с отложением клада самого к. X в. на Елецком городище и насыпкой Черной могилы непосредственно перед христианизацией Черниговo-Северских земель в 992 г. (Шевченко Ю. Ю., 1977). Наличие у Елецкого городища в Чернигове двух курганов, где были обнаружены окованные серебром кубки из турьих рогов, маркирующих социальные и сакральные функции конунгов в процессе "вейцлы", "ерда" (др. рус. "кормления"), связывает погребения с местными династами, когда в Шестовицком некрополе (кург. 83, 110, 50, 36) боевые ножи викингов исчезают в 3 четв. X в., сохраняясь в Черной могиле. В плане происхождения черниговских династов аналогией обряда подкурганной кремации в "Домике мертвых", являются такие же, с типично скандинавскими кольцевыми кладками, в кург. 329 и 393 Тимерево (Ярославское Поволжье) 2 — нач. 3 четв. X в. Династы происходили из Куябы, Арсы или Утраба (Худудал-алам), располагавшихся на одной водной магистрали (Атель), под которой подразумевается Волго-Волховский или Волго-Двинский путь "из варяг в Хвалисы". Обряд погребения сближает поволжские захоронения русов с Черной могилой (на Волго-Волховском), а вещи и детали обряда — с Гдездовскими курганами (на Волго-Двинском пути) — обстоятельство давно отмеченное В. А. Булкиным (для Гнездово). Если скорченные костяки (Шестовица, кург. 61—4, 78) найдены в 91% подкурганных камер Бирки (Моця А. П., 1990), то обряд сидячего погребения трех погребенных (Шестовица, кург. 42, 110) выглядит более скандинавским, нежели в Швеции (1 погр. в Биркс). Отметим два аналогичных женских погребения последней четв. X в. в Гнездово (Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989). В восточных походах русы, в т. ч. — черниговские династы, — породнились с ассийскими и савирскими княжнами (сидячий обряд погребения в Подонье до постройки Саркела), что вызвало инновацию в погребальном обряде (Шестовица: сидя 2 — жен., 1 — муж.), распространенном наемными дружинниками в Восточной (Гнездово — 2 жен. погр.; Киев — 1 погр.) и Северной (Бирка) Европе. Сочетание скандинавских и восточных элементов обряда, сочетание в рукоятях мечей конструктивных осо-

бенностей каролингского меча и восточной сабли, сочетание в черниговской металлопластике и глиптике (Орлов Р. С., 1987, 1988, 1990) традиций восточного и западного искусства, — все это является паллиативом существования черниговских династов северо-западного происхождения, породнившихся с хазарской аристократией. Сохранение самостоятельности Чернигово-Северских земель при переходе под юрисдикцию дома Рюриковичей с вокняжением Мстислава (1023—1024) — лишнее подтверждение их суверенности накануне этого события. Интересно упоминание "брата великого князя Владимира" по имени Сфенг, в 1016 г. со своим флотом подавлявшего восстание стратига Херсонской фемы Георгия Цуло. У Владимира не было брата с таким именем, что заставляет расценивать подобную характеристику в качестве титулатуры, обозначавшей суверенность упомянутого Сфенга, равенство с великим киевским князем. Поскольку Мстислав принимает Черниговское княжение только накануне битвы под Лиственом (1024), в упомянутом Сфенге заманчиво видеть последнего представителя черниговских династов.

А. П. МОЦЯ, И. А. ГОТУН (Киев), В. П. КОВАЛЕНКО (Чернигов)

ПОЛЕССКОЕ СЕЛО В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ
(по материалам пос. Автуничи)

Тезис о значительной роли сельских поселений в истории средневековых обществ сомнений не вызывает. Село играло важную роль в развитии сельского хозяйства — основы феодальной экономики. В сельских поселениях жила основная масса населения, чей труд, к тому же, был основным источником получения прибавочного продукта. Но на страницы письменных источников, в основном — летописей, село попадает лишь как объект феодальных войн или жертва стихийного бедствия. А в археологическом отношении такая категория памятников, как древнерусские селища, до недавнего времени оставалась недостаточно исследованной. Отсутствие полностью раскопанных поселений и незначительная открытая площадь на тех, где велись работы, не давали возможности полностью представить эту сторону средневековой жизни, проследить характерные черты материальной и духовной культуры указанной части общества, говорить об общем и особенном в истории древнерусского села.

Для ответа на эти вопросы было решено широкой площадью исследовать селище домонгольского времени и сравнить полученные данные с накопленным ранее материалом из аналогичных памятников. На это и направила усилия Днепровская Древнерусская экспедиция ИА НАНУ совместно с ЧГПИ при участии БГПИ, других ВУЗов и научных учреждений. Критериями отбора поселения для реализации указанной программы были: однослойность памятника; отсутст-

вие застройки на ней сейчас и в прошлом; отдаленность от синхронных замков, городов, сухопутных торговых путей и крупных водных магистралей; расположение в глубине древнерусской территории; наличие могильника. Полностью отвечает этим требованиям селище конца X — рубежа XII—XIII вв. возле с. Автуничи на севере Черниговщины, которое, к тому же, территориально относится к летописной Сновской тысяче, политическая история которой позволяет предположить замедление процессов феодализации и, как следствие — определенную архаичность в основных особенностях материальной культуры. Поселение занимает склоны пологой блюдцевидной впадины левого берега р. Верпч (Тетева-Снов), напротив единственного в прошлом брода через обширную заболоченную пойму. Открыто в 1984 г. А. В. Шекуном при обследовании известного Д. Я. Самоквасову курганного могильника. Работы на памятнике ведутся в 1987 г. За это время полностью исследован курганный могильник из 3 групп насыпей, вскрыто около 24,9 тыс. кв. м на поселении, где изучено 402 постройки, 221 яма, 131 канавка от оград. Большинство объектов идентифицируется с сооружениями жилого, ремесленного и промыслового (как производственного так и вспомогательного), хозяйственного и бытового назначения. Коллекционная опись насчитывает около 41 тыс. единиц, среди которых самая многочисленная категория — керамика (горшки, крынки, миски, блюда, сковородки, амфорки, солонки, крышки, светильники, сосуды специального назначения и др.), в т. ч. формы, имеющие аналогии среди синхронных древностей из польско-русского порубежья. Другие категории находок — бытовой инвентарь, орудия труда и инструменты, украшения и элементы костюма, игрушки и культовые вещи, детали воинского снаряжения. На поселении удалось выделить 5 этапов его функционирования (строительных периодов), проследить усадебную застройку (группы синхронных объектов с плетневыми канавками вокруг), а также развитие и хозяйственную специализацию усадеб, что дает возможность говорить о напряженном ритме жизни и позволяет утверждать, что в период функционирования памятник был сложным социально-экономическим организмом.

Важная особенность полесских сел, включая и период позднего средневековья, — развитие различных ремесел и промыслов, т. к. климатические условия и особенности почв обуславливали рискованность земледелия; население вынуждено было искать и другие источники существования. Для исследуемого поселения это — гончарство и лесотехнические промыслы; охота (остеологический материал, костяной наконечник стрелы); рыбная ловля (кости, чешуя, блесна, крючья-"кошки" для вытягивания сетей) и др. Зафиксированы также и загоны для скота, снопосушильни (как примитивные типа "шиша", так и овин — более поздний и совершенный), найдены сошники, наральник, обломок чересла, серпы, коса и др. Палеоботанические

исследования (Г. А. Пашкевич) позволили выделить 6 видов злаковых; отсутствие монокультурной зерновой специализации свидетельствует о том, что сельское хозяйство было не единственным и, вероятно, не основным направлением экономической деятельности.

Гончарство на поселении достигло высокого уровня развития благодаря наличию возле поверхности линз пластичных глин, удобных для разработки и последующего использования. Удалось исследовать карьеры для добычи сырья ("глинища");ямы для ее отмучивания ("глинники"); жилища-мастерские гончаров; горны для обжига готовой продукции; вспомогательные сооружения. Интересно, что 9 исследованных горнов отражают процесс совершенствования объектов этого типа как при ремонтах и реконструкциях, так и при сооружении следующих. Наличие на памятнике только жилищ-мастерских при отсутствии жилищ других типов, что характерно и для усадьбы, отличающейся своей зажиточностью, — также свидетельство значения и роли гончарства. Около 30 объектов отождествляются с производственными для получения смолы и дегтя ямным способом. Некоторые окружены столбовыми ямами — следами навесов или плетневых стен для защиты от ненастья. Из них происходили сосуды для сбора сырья, керамические фильтры и воронки. На железоделательное (как горновым, так и тигельным способом — по определению Д. П. Недопако, С. В. Панькова) и железообрабатывающее производство указывают шлаки, крица, кузнечные заготовки, сопла, инструменты (зубила, сверло, напильник). Один из объектов был интерпретирован как мастерская ремесленника этого профиля. Об обработке дерева свидетельствуют резец, струг, долота, ложкорез; кожи —шилья и швайки. На поселении исследованы постройки типа "истепок", ямы для припасов, сооружения для инвентаря, навесы и "повети", бытовые ямы, сушильня, гидротехнические сооружения, объекты хозяйственной архитектуры малых форм.

Чрезвычайно интересным открытием была фиксация колодца с деревянным срубом хорошей сохранности, многочисленными сосудами, остатками ведер, деревянными коромыслом и прачем в заполнении. Несмотря на раскопки селищ, развернувшиеся в последние годы, это — второй такой объект на южнорусском неукрепленном поселении.

Работы показали, что материальная культура южнорусского села не уступала городской. Об этом свидетельствуют находки предметов вооружения и элементов снаряжения боевого коня (кольчужные кольца, шпора, стремя, боевые нож и топоры, наконечники стрел, удила и псалий, наконечник ножен (?), рукоять плети); украшения из цветного металла и стекла (браслеты, височные кольца, бусины, подвески, перстни); культовые вещи (кресты-тельники, створки энколпионов, погремушки, глиняная писанка, подвески-амулеты); элементы богатого костюма (пуговицы, застежка-диск от корзна). Най-

дены обломки стеклянной и поливенной посуды, фрагменты амфор, глиняные игрушки, керамические шашка и фишки. На имущественное неравенство указывают замки и их детали, ключи. Отмечены привозные изделия из других регионов Руси, Константинополя, Кавказа, Сирии. Об уровне грамотности населения свидетельствуют граффити, надпись на горшке, выполненная по сырой глине. Некоторые вещи (бронебойный наконечник стрелы, шпора, плинфа, заготовка сабли) позволяют сделать предположение об их изготовлении на поселении, на это указывает кустарный вид. Большинство находок, трактуемых как элементы феодального быта, происходили с одной усадьбы в северной части памятника. Это позволяет говорить о социальном аспекте в застройке поселения. Интересно, что здесь фиксируются лишь жилища-мастерские гончара, промысловые и хозяйственные объекты.

Могильник, относящийся к поселению, исследован полностью. По наличию и количеству погребального инвентаря, выделяется вторая курганная группа, что подтверждает вывод о социальной стратификации населения.

Материалы, полученные в результате широкомасштабных раскопок поселения Автуничи, не только освещают историю древнерусских сельских поселений, но и приводят к отказу от традиционных взглядов об их археологической малоинформативности, способствуют пониманию этого социально-экономического и культурного феномена.

И. А. ГОТУН (Киев)

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СИСТЕМЕ ЗАСТРОЙКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АВТУНИЧИ (по материалам 1989 г.)

Среди важных проблем древнерусской археологии Подесенья особое место занимает комплекс вопросов, связанных с сельской тематикой, поскольку именно в этом регионе свыше 10 селищ раскопано площадью около 1 тыс. кв. м и более. Самым широко исследованным из них является поселение у с. Автуничи, где открытая площадь на сегодняшний день составляет свыше 24,9 тыс. кв. м. Работы на памятнике ведутся с 1987 г. экспедицией ИА НАНУ совместно с Черниговским пединститутом при участии Брянского пединститута, других вузов и научных учреждений. Особое внимание привлекает участок хозяйственной застройки площадью 4,2 тыс. кв. м, исследованный в 1989 г. В ходе работ изучено 84 постройки производственного и хозяйственного назначения, 38 ям, 24 канавки от оград, столбовые ямы. Роль массовой застройки в изучении материальной и некоторых элементов духовной культуры общеизвестна, поэтому полученные результаты представляются важными и интересными.

Объекты, в основном, сконцентрированы в шесть компактных групп. Семь построек, две ямы, пять плетневых канавок находятся в линиях Р, П. Наиболее ранними среди них являются постройки 82, 86—87, датируемые кон. X—нач. XI вв. Развитие этой группы продолжается также в XI веке (постр. 83) и на рубеже XI—XII вв. (постр. 84, 85). Следующая группа, насчитывающая 55 объектов, — самая крупная. В ней начало хозяйственной деятельности также приходится на рубеж X—XI вв. (постр. 100, 101, 104, 189, яма 64) и продолжается в XI (постр. 90, 94, 97, 107, 112, яма 68); в кон. XI- нач. XII (постр. 89, 96, 98, 102, 105, 190, ямы 51, 52, 63, канавка 10); в XII (постр. 103, 106, 132, ямы 53, 60) веках. Эта группа фиксируется на площади 60 кв. м. в линиях М, Н, О. С юго-востока примыкает к ней вторая по численности и насыщенности — в линиях И, К, Л. Она насчитывает 34 постройки и ямы и 5 канавок от оград. Освоение этой территории началось в кон. X- нач. XI вв. (постр. 112), интенсивно развивалась жизнь в XI в. (постр. 113, 114, 116, 118, 119, 121, 124, 125, 129), продолжалась на рубеже XI—XII вв. (постр. 111, 115, 123, яма 71) и в XII в. (постр. 109, 110, 117, 120, 126—128, 130, 131, яма 66). Десять построек, яма и дренажная канава для отвода воды от объектов, расположенных ниже по склону, зафиксированы в раскопе 21-Ж и, частично, за его пределами. Из них к рубежу X—XI вв. относится постр. 149, к XI в. — постр. 128, 135, яма 76; к концу XI- нач. XII вв. — постр. 133, 136; к XII в. — постр. 150. Юго-восточней расположены постр. 142—148, 151, 203, ямы 78, 94—96, 98 (линия Е, частично Д и Е). На этом участке хозяйственная деятельность также развивается на протяжении длительного периода: в XI в. (постр. 147, 148); на рубеже XI—XII вв. (постр. 142, ямы 78, 94—96); в XII (постр. 143—145, яма 98) и XII—XIII вв. (постр. 144). К северу от этой группы, в линиях 20 Е и Ж, находится постройка и 4 ямы, расположенные обособленно. Время их сооружения — XII в. Последняя группа включает в себя 5 построек и яму, сконцентрированные в раскопе 21-Г и вокруг него. Сооружение этих объектов приходится на период с рубежа XI—XII вв. (постр. 156, 157) до XII (постр. 155, яма 99) и XII—XIII вв. (постр. 154).

Исследования показали, что деление построек на жилые, промысловые и ремесленные, хозяйственно-бытовые не всегда возможно, ввиду недостатка данных для обоснованной функциональной интерпретации объектов. Так, не вызывает сомнений назначение постр. №№ 107, 111, 116, которые являлись гончарными горнами. В связи с тем, что их конструктивным особенностям посвящена отдельная работа, нет необходимости останавливаться на них подробно. Отметим лишь, что все они имели вытянутые очертания, ориентированы длинной осью с СЗ на ЮВ (№ 4 — ССЗ—ЮЮВ), зафиксированы в центральной части вскрываемого участка (раскопы 20-М, 20-Л, 20-К), все три датируются XI веком. Интересной их особенностью является

то, что №№ 3 и 4 перекрыли более ранние смолокуренные ямы. Плетневые канавки возле № 3 — следы ветровлагозащитных сооружений. Подобные присутствовали и возле №№ 1, 2 (1988 г.).

Другой категорией построек, особенности которых позволяют их интепретировать с достаточной достоверностью, являются карьеры для добычи гончарной глины. К ним относятся постр. 139, 147, 148, 152.

Не вызывает сомнения и назначение построек 106, 192, 193, 212. Это производственные объекты для лесотехнического промысла (смолокурни и дегтярни). Они состоят из верхней полусферической или усеченно-конической части, в которой происходило сгорание сырья, и нижней, цилиндрической или усеченно-конической — для сбора продукции, иногда — с сосудом на дне. В некоторых случаях вокруг них фиксируются столбовые ямы от навеса или каркасно-плетневых стен.

Как хозяйственные постройки, аналогичные известным по этнографическим данным сооружениям типа поветей, т. е. закрытые с трех сторон навесы для сена, дров, инвентаря, могут быть интерпретированы комплексы столбовых ям, образующих замкнутую кривую. К ним относятся постр. №№ 132, 198, 200—203. Несколько отличается от указанных выше постр. 94. Она прямоугольной формы, но образована не столбовыми ямами, а плетневыми канавками.

Другие объекты не имеют обоснованной функциональной интерпретации, но могут быть разделены на шесть типов, исходя из мощности и характера заполнения.

Постройки и ямы с однослойным заполнением глубиной до 0,5 м имели овальную, округлую, подпрямоугольную, сигарообразную, неправильную форму (постр. 82, 84, 90, 96, 109, 110, 114, 115, 122, ямы 51, 55). Примером может служить постр. 110 — подпрямоугольной формы, размерами 1х2,6 м и глубиной 0,24—0,41 м, ориентированная углами по сторонам света, длинной осью — З-В с небольшим отклонением; имеет пологие стенки, выгнутый пол, заполнена серой гумусированной супесью с мелкими угольками. Аналогичны и постройки, достигающие глубины свыше 0,5 м (№№ 83, 93, 95, 113, 126, 145). К однослойным, вероятно, следует относить и содержашие маломощные прослойки и линзы.

Постройки и ямы, насчитывающие в своем заполнении 2—3 слоя, также дают разнообразие форм внешнего контура. Их глубина, как и в первой группе, может быть и менее 0,5 м (№№ 89, 101, 108, 130) и свыше 1 м (№№ 85, 88, 120, 139, 140). Так, постр. 89 — овально-подпрямоугольная, вытянута с ЮЗ на СВ, имела размеры 2х2,5 м при глубине 0,38—0,4 м. Стенки — с незначительным уклоном, дно ровное, в В части — ступенька. Заполнена серой супесью (0,2 м) и темно-серой супесью, включающей печину (0,15—0,35 м) с 8—12 — сантиметровой прослойкой песка между ними.

Объекты с многочисленным заполнением также имеют в плане самую разнообразную форму. Примерами могут служить постр. 104 и 150. Первая — неглубокая, удлиненно-прямоугольной сигарообразной формы, ориентированная вдоль оси ЮЗ-СВ. Имеет размеры 0,9х4,2 м при максимальной глубине 0,3 м. В ее заполнении насчитывается 4 слоя: серая супесь и светлая пятнистая супесь, подстилаемые углистыми слоями. Стенки — пологие, дно — с понижением в северо-восточной части. Заполнение постр. 150 (неправильно-круглая, диаметром 2,4 м) насчитывало 12 слоев, прослоек и линз: черно-серая гумусированная супесь — 0,3 м; зола и пережженная глина — 0,1 м; серо-голубой мергель — 0,1 м; серо-желтая супесь — 0,4 м; темный серо-зеленый суглинок — 0,15 м; серо-желтая пятнистая супесь — 0,1 м; светлая серо-желтая супесь — 0,15 м; черно-серая супесь — 0,05 м; светло-серая супесь — 0,1 м; светло-желтая материковая супесь — 0,05 м; угольнозольный слой — 0,07 м; темно-серая супесь — 0,13 м. Максимальная глубина постройки — 0,85 м.

Являясь с известной степени условным, подобное деление — с учетом признаков объектов в сочетании с их статистической обработкой — играет роль в вопросе атрибутации сооружений, функциональная интерпретация которых затруднительна.

В результате работ 1989 г. получен новый интересный материал для осмысления такого сложного социально-экономического феномена, как южнорусское село; исследованные различные категории объектов, их взаиморасположение и назначение позволяют представить себе основные черты архитектурного облика древнерусских селищ, особенности развития хозяйства и его специализацию, определенные социальные характеристики.

Г. П. ПОЛЯКОВ (Брянск)

ГОРОДИЩЕ У Д. АНТОНОВКА ПОД БРЯНСКОМ

Памятник находится на западной окраине д. Антоновка Брянского р-на Брянской обл., в 4 км ЮЗ южной окраины г. Брянска (в 8 км от городища "Покровская Гора" и в 10 км от городища "Чашин курган"). Городище обнаружил Ф. М. Заверняев в 1957 г. (Архив ИА РАН, № 1731), обследовали Г. Н. Пронин и А. С. Смирнов в 1973 г. (КСИА, вып. 148, М, 1976, с. 93—94) и исследовали Ф. М. Заверняев в 1980 г. (отчет за 1980 г., БОМ НВ № 1925) и автор в 1983—1984 гг. (Поляков Г. П., 1985, с. 77; 1987, с. 77). Расположено на останце правобережной террасы р. Волонки (правый приток р. Десны). Высота над уровнем реки не менее 15 м. Площадка овальной формы (90х100 м), довольно ровная, с небольшим наклоном к югу; от правого берега реки она отделена неглубоким оврагом, по дну которого проходит русло безымянного ручья, в устье которого устроена плотина, образовавшая пруд, примыкающий с В к городищу. Памятник интенсивно размывается рекой и к настоящему времени сохранилось лишь три

четверти его площади. Оборонительные сооружения почти утрачены. По данным обследования 1973 г., глубина рва к В от городища достигает 3 м, а ширина — 15 м. С Ю и ЮЗ сохранились следы эскарпа.

В 1980 г. небольшие разведочные раскопки на площади 17 кв. м. в СВ части памятника произвел Ф. М. Заверняев. Вскрыта сохранившаяся часть котлованов двух полуземляночных построек, врезанных одна в другую.

Постройка № 1 была на 1,1 м углублена в культурный слой и материк и вошла в раскоп только северной ее частью. Котлован постройки имел прямоугольную форму и был ориентирован сторонами по сторонам света. Его ЮВ часть была прорезана котлованом более поздней постройки. Размеры котлована: полная длина стороны по линии В-З — 4,05 м и ширина на сохранившемся участке по линии С-Ю — 1,6 м.

В СЗ углу котлована этой постройки зафиксировано глинистое пятно размером 0,85х0,7 м, в заполнении которого прослеживались "куски обожженной печины и глинистые частицы", возможно, — остатки печи. Стенки котлована отвесные, заполнение однородное: черный гумусированный слой с включениями фрагментов костей домашних животных, мелких кусочков печины и отдельных фрагментов гончарной керамики.

У ЮВ угла котлована обнаружено блюдообразное углубление — "погреб для хранения зерна", углубленный на 0,5 м от уровня пола. В З стенке на полу постройки имелся ступенькообразный выступ шириной 0,15 м и высотой над уровнем пола 0,2 м. Не исключено, что данный котлован является остатками жилища — полуземлянки — и, судя по керамике, датируется Ф. М. Заверняевым XI—первой половиной XII в.

Постройка № 2 неправильной, вероятнее всего, прямоугольной формы, ориентированная сторонами по сторонам света, слегка отклоненная по оси к СВ. Ширина С стороны равняется 2,9 м, длина на сохранившемся участке — 1,2 м, а глубина достигает 2 м от уровня дневной поверхности. Стены постройки были обставлены вертикальными деревянными тесаными плахами толщиной 0,10—0,15 м. Заполнение котлована этой постройки аналогично заполнению постройки № 1, но, в отличие от нее, на дне данного сооружения обнаружены две костяные накладки, по-видимому от лука, ключ от цилиндрического замка типа "В" и фрагмент оселка. Следы печи в исследованной части котлована отсутствуют, поэтому, по всей видимости, мы имеем дело с хозяйственной постройкой типа кладовой. Ключ и керамический материал датируют эту постройку концом XII- началом XIII вв.

В полевые сезоны 1983—1984 гг. археологические исследования городища были продолжены. К З от раскопа Ф. М. Заверняева у С кромки размываемого рекой участка городища исследовано 73 кв. м. Таким образом, общая раскопанная площадь на данном памятнике достигает 90 кв. м.

Культурный слой памятника толщиной 0,24—0,45 м интенсивно распахивался, отчего его верхняя часть на глубину 0,2—0,3 м разрушена и перемешана. Мощность нетронутой части слоя колеблется от 0,08 до 0,25 м. Материк — очень плотная темно-желтая глина. Выше материка следует слой темно-коричневого плотного суглинка толщиной 0,08—0,18 м, который сменяет самый мощный слой светло-серого суглинка 0,06—0,2 м. Последний, самый верхний слой — чернозем толщиной 0,1—0,2 м, рыхлый и влажный. Насыщенность слоя керамикой и находками средняя. Выделяются три группы керамики: конца X—XI вв., конца XII- первой половины XIII вв. и второй половины XIII—XIV вв.

Орнаментировано только около 3% найденной керамики. Наиболее распространены линейные (35%), волнистый (32,5%), ногтевой (20%) и линейно-волнистый (7,5%) орнаменты.

Находки из культурного слоя представлены тремя ножами курганного типа, двумя железными скобами, двумя фрагментами дужек от ведер, железной накладкой от сундучка, шиферным пряслицем, фрагментом лезвия серпа, костяной бусиной, кусочком крицы, двумя донцами горшков с клеймами и фрагментом бронзового браслета. На материке зафиксированы контуры 20 столбовых, трех хозяйственных ям и котлован от углубленной в материк постройки.

Постройка № 3 — полуземлянка неправильной прямоугольной формы размером 3,7х2,8 м (площадь 15,5 кв. м.), ориентированная сторонами почти по сторонам света, вытянутая по оси З-В и углубленная в культурный слой и материк на 1,45 м. Стены котлована отвесные, пол материковый, слегка понижающийся к восточной стенке. Черное рыхлое заполнение котлована насыщено фрагментами перегнившей древесины, костями животных, кусками глиняной обмазки, фрагментами керамики. В средней части котлована на глубине 0,6—0,7 м от уровня древней поверхности прослежены следы сгоревшей деревянной плахи длиной 2,05 м, при ширине 0,2—0,23 м и толщине 0,1—0,15 м. Следы второй такой же плахи длиной 2,25 м прослежены восточнее первой, но на 0,2 м выше. В ЮЗ части котлована зафиксировано зольное пятно неправильной овальной формы, размером 0,6х0,46 м, насыщенное мелкими угольками, а также обгоревшими птичьими косточками и мелкими фрагментами стенок горшков. Это остатки кострища. Костер, по-видимому, эпизодически использовался для обогрева данной постройки. Никаких следов печи не зафиксировано. При исследовании котлована постройки № 3 найдены: ключ от навесного цилиндрического замка типа "В", железное кольцо, скоба, нож, фрагмент железного листа, фрагменты оселка, фрагмент свинцового листа с загнутыми краями, два кусочка железной крицы, кусочек железного шлака. У дна котлована, у середины его южной стенки обнаружены два сильно стертых жернова от ручной мельницы, изготовленные из песчаника. Котлован представляет собой закрытый комплекс. Отсутствие следов печи и наличие

кострища свидетельствует о нежилом характере данной постройки. Об ее производственном назначении также свидетельствует наличие жерновов и предметов, связанных с металлургией и обработкой металлов. Венчики горшков и ключ типа "В" из постройки № 3 датируют ее XIII—XIV вв. Так как керамики XII в. в заполнении ее котлована нет, а небольшое количество венчиков XIV в. прослежено лишь в верхней части заполнения, то данную постройку следует датировать XIII в.

Яма № 3 — в плане правильной круглой формы, колоколовидная в профиле, с диаметром устья 1,4 м, средней части — 2,2 м, дна — 1,6 м — находилась в средней части раскопа. Заполнение ямы — рыхлый, сильно гумусированный суглинок черного цвета, угли, развалы керамики, кости животных, куски глиняной обмазки и обожженного дерева. В числе находок — фрагмент железной цепочки, состоящей из 4-х звеньев, железный кованый гвоздь, нож, фрагмент поливного сосуда голубого цвета с орнаментом в виде темно-синих линий на внешней и внутренней сторонах, а также кусочек железной крицы. На глубине 1,67 м от дневной поверхности в В сегменте ямы выявлена прослойка обожженной печины толщиной 0,06—0,08 м. На дне ямы обнаружены чешуя и косточки рыб, а также яичная скорлупа.

Яма № 11 — неправильной округлой формы, колоколовидная в разрезе, с диаметром устья 1,2 м, в средней части 1,25 м и дна — 1,08 м — располагалась в С части раскопа. Она прорезала культурный слой и материк на глубину 1,2 м. Примерно пятая часть ямы была размыта и рухнула в реку. Заполнение ямы, по своему характеру, близко к заполнению ямы № 3, но отличается от него меньшей насыщенностью. В верхней части заполнения ямы было найдено железное изделие, по-видимому, шило, но прямоугольное в сечении, и кусочек железного шлака, а на глубине 0,63 м от поверхности материка — череп лошади.

Яма № 12 зафиксирована в Ю части раскопа. Она также колоколовидная, круглая в плане, с диаметром устья 1,05 м, средней части — 1,9 м и дна — 1,2 м. Это самая глубокая хозяйственная яма в раскопе — ее глубина достигала 2,4 м от уровня дневной поверхности. Заполнение ямы аналогично заполнению ям № 3 и № 11. Насыщенность средняя. Находки представлены донцем с клеймом, фрагментом ножа, двумя фрагментами железной крицы и кусочком железного шлака.

Несмотря на малую толщину сохранившейся части культурного слоя и небольшие размеры раскопа, удалось выделить три хронологические этапа в сооружении ям и построек. Это деление проведено на основании стратиграфии и археологического материала.

К первому, самому раннему этапу относится керамический материал конца X—XI вв., столбовые ямы №№ 13, 14, 18, 22, 24 и постройка № 1. В это время жизнь на поселении не была активной, о чем свидетельствует незначительное количество (3,5%) керамики. Вновь территория городища была заселена во второй половине XII

столетия. В это время и были сооружены хозяйственная яма № 12, столбовые ямы №№ 9, 16, 19,20, 21, 23 и постройка № 2. Яма № 12, как и ямы №№ 3 и 11, сначала служила для хранения зерна, а уже в XIII в.(скорее всего, в первой его половине), как постройка № 2, оказалась заброшенной, о чем свидетельствует процентное соотношение керамики в ее заполнении (30% — XII в. и 70% — XIII в.).

На третьем этапе поселение переживает период своего расцвета — на это время приходиться до 90% общего количества керамического материала. Во второй половине XIII в. сооружаются: хозяйственная яма № 11, столбовые ямы №№ 1, 5, 6, 7, 8, 10, 15, 24, 25, а чуть позднее — хозяйственная яма № 3 и постройка № 3. Впрочем, в начале XIV в. жизнь на городище приходит в упадок и затухает (6% керамики), причем около 60% керамического материала XIV в. оказывается в заполнении постройки № 3 (которая гибнет от пожара) и хозяйственных ям №№ 3 и 11, уже ставших к этому времени мусорными.

Социальный статус городища у д. Антоновка ввиду того, что исследованию подверглась всего лишь сотая часть от сохранившейся его площади, можно установить лишь гипотетично. Ф. М. Заверняев выдвинул следующее предположение, с которым нельзя не согласиться: "Судя по планировке городища, его размерам, малой интенсивности культурного слоя и находок в нем, большой рассеянности на площадке остатков строительных объектов и хозяйственных ям, можно высказать предположение, что городище являлось усадьбой средневекового феодала и непосредственно связано, вероятно, с Дебрянском". (БОМ НВ № 1925, с. 6).

Ю. И. СЛЮНЧЕНКО (Брянск)

СТАРОПОЧЕПСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В документальных источниках (церковно-исторической литературе и Литовской метрике) город Почеп известен с XV века. Как город он именуется в русско-литовском договоре с 1503 г. Исследователи же считают, что он возник еще в домонгольское время. Это подтверждается археологическими раскопками. Местонахождение древнего Почепа связывается с селом Старопочепье, название которого говорит само за себя. Старопочепское село находится в 12—15 км северо-западнее современного Почепа. В восточной части села находится возвышенная площадь 40х16 м. Это так называемое городище юхновской культуры среди местных жителей зовется "Городец". С южной и северной сторон "Городца" расположены глубокие рвы. У подошвы городища, с восточной стороны, протекает р. Коста с болотистым правым берегом, поросшим деревьями. С западной стороны городище соединено узким перешейком с горкой, на которой стоит храм-церковь Св. Николая, деревянная, обветшавшая. Проведенные Ф. М. Завер-

няевым в 70-е годы археологические разведки в районе села Старопочепье и в самом Почепе выявили остатки древних крепостей. Им было замечено, что село Старопочепье не являлось единственным пунктом в формировании древнего Почепа, так как рядом с "Городцом" имеются похожие городища в деревнях Заполье и Пашково, где также Ф. М. Заверняевым были обнаружены остатки весьма оригинальной позднесредневековой крепости. А если учесть, что рядом с таким комплексом находится село Селище (ранее — Великое Селище), то следует говорить о заселении здесь людей не позднее раннего средневековья. Таким образом, Ф. М. Заверняев заключает, что в районе Старопочепья находился укрепленный центр. Хочется надеяться, что письменные источники об этом еще будут обнаружены исследователями.

Старопочепское городище, расположенное на правом берегу р. Косты, судя по археологическим находкам, возникло около 2,5 тысяч лет назад. По утверждению Ф. М. Заверняева, на Старопочепье в конце X, XII—XIII вв. (материалов XI в. им обнаружено не было) находился городок-крепость, игравший, возможно, торгово-ремесленную роль. Это подтверждают археологические раскопки, проведенные автором в составе Деснинской экспедиции в 1989 году. Было взято для исследования всего 16 кв. м.

Целью было выяснение к какой эпохе относится культурный слой — к юхновской или, как считали, роменской культуре — и подтверждение, что городище населяли славяне еще в домонгольское время. С началом раскопок выявлен был древнерусский культурный слой. Обнаружено было шиферное пряслице X века, пять железных наконечников, обломок костяного гребня, стеклянные витые браслеты — украшения горожан конца XI-начала XIII вв. Найдены были и клейменые донца (нач. XI в.), одно из которых со знаком Рюриковичей — родовым знаком правившей в Киевской Руси династии. Выявлен был, хотя и один, предмет вооружения древнерусского времени — железный ромбовидный наконечник стрелы. Достаточно было найдено древнерусской керамики, но, в большинстве своем, все же преобладала керамика юхновской культуры. Ее основой была грубая рыхлая глина с шероховатой поверхностью, слабо обожженная, с примесью шамота. Встречались обломки сосудов с защипами по венчику и ямками на границе шейки и плечиков. Характерный орнамент для этой культуры — треугольники и пояски из ямок, иногда с отверстиями в стенках. Кроме шамота, в глине обнаружена была и примесь дресвы, кварца и песка. Найден и глиняный грузик от ткацкого станка, что говорит о пребывании здесь юхновцев, культура которых относится к VI—III вв. до н. э. Следы этой культуры подтверждаются и обнаруженными пятью глиняными ядрами от пращи, одно из которых — с выемками для пальцев (приспособлено для метания рукой). Найдена и костяная проколка.

Глубина раскопа достигала 1,6 м. Выявлено было и много ям — до 14. В пласте № 2 ямы были обнаружены с примесью суглинка, а в яме № 7 — зола. На глубине около 0,6 м., у южной и юго-восточной стенок раскопа, выявлены глиняные желтые пятна. Керамики же больше всего попадалось в пластах №№ 1 и 2, у северо-западной стенки (кв. №№ 1—7), в основном в ямах №№ 6 и 13.

Таким образом, раскопками 1989 г. была подтверждена принадлежность "Городца" к юхновской культуре. Не исключено, что Старопочепское городище в эпоху средневековья дополнительно укреплялось в случаях нападения непрошенных гостей. В позднем средневековье на Старопочепском городище располагались какие-то постройки (по данным Ф. М. Заверняева). Об этом говорит найденный им материал — обломки изразцов XIV—XVII вв., завезенных, вероятно, из Польши. К этому времени, есть основания предполагать, находилась на "Городце" укрепленная феодальная усадьба, в которой располагался небольшой воинский гарнизон. В ходе раскопок 1989 г. строительный мусор не был обнаружен. Возможно, он был изъят местными жителями для своих хозяйственных нужд.

Как известно, в 1356 г. Брянский край вошел в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. Таким образом, Старый Почеп оказался в руках иноземных завоевателей. В связи с ростом русского государства, границы стали расширяться и подходить ближе к Старому Почепу. Старопочепский укрепленный городок стал польско-литовским пограничным форпостом. Не исключается возможность, что к этому времени неприятельские воеводы построили в районе нынешнего г. Почепа небольшой острог (ныне это место называется "стан" за петровскими "валами"), на что указывают обнаруженные Ф. М. Заверняевым остатки небольшого укрепления в самом Почепе — на правом берегу р. Судости, в устье речки Полой. Об этом говорит и текст Супральской летописи. К началу XVI в. Брянщина окончательно вошла в состав Московского государства. Отошел к Руси и Старый Почеп. На месте же небольшого острога, а это место было более выгодное в стратегическом отношении для обороны от польско-литовских захватчиков, и была выстроена московскими воеводами, с привлечением местных жителей, сильная крепость, которая на протяжении всего XVI столетия являлась одной из мощных сторожевых крепостей. Военное значение потеряла она только лишь в XVIII веке.

А. В. ШЕКУН (Чернигов)

ПОСЕЛЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XV ВВ. В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДЕСНЫ И ДНЕПРА

До последнего десятилетия поселений второй половины XIII—XV вв. на рассматриваемой территории не было известно. В условиях отсутствия письменной информации сведения о заселенности территории могут дать лишь археологические материалы.

На территории площадью почти в 1,5 тыс. кв. км, расположенной в междуречье Десны и Днепра (между Черниговом и Любечем) в результате сплошной археологической разведки, проведенной в последние десятилетия, выявлено 193 древнерусских поселения. Только на 5 из них присутствуют материалы второй половины XIII—XV вв., 8 поселений содержат материалы только этого периода. Из них небольшим раскопкам подвергались 3 поселения (с. Шестовица, пос. Пойма, с. Льгов, пос. Веремеев Ров, с. Петрушин, пос. Селище — 1), вскрыто всего около 120 кв. м. Как показали исследования, в первой половине XIII в. прекращает существовать подавляющая часть селищ предшествовавшего периода.

В конце XIII — начале XIV вв. возникают немногочисленные поселения, размещенные вдали от существующих дорог, в глухих местах на всхолмлениях, приуроченных к болотным и пойменным участкам, в большинстве — в урочищах, известных в настоящее время под топонимами "селище".

По сравнению с предыдущим периодом, резко сокращаются размеры селищ — они становятся малодворными деревнями. На поселении Пойма (с. Шестовица) таких дворов, вытянутых вдоль берега старицы, зафиксировано 4.

Еще одно поселение Селище у с. Великая Весь расположено на всхолмлении 180х160 м в труднопроходимом болоте Южный Замглай. Зафиксированы пятна 5 построек, в районе которых концентрируются обломки горшков с утолщенным венчиком, найдены шиферные пряслица и грузило с отверстием.

Из-за малых размеров и бедного культурного слоя выявление поселений крайне затруднено, к тому же часть их оказалась перекрыта застройкой, возникшей в XVI—XIX вв. В связи с этими факторами количество известных поселений, содержащих материалы второй половины XIII—XV вв., ни в коей степени не отражает реальную ситуацию.

Находки из раскопок и собранные на поселениях представлены, в основном, керамикой, которая представлена горшками, иногда с ручками, и крышками. Из жилища на пос. Пойма у с. Шестовица происходит стакан на поддоне с двусторонней зеленой поливой, украшенный налепами в виде шишечек.

Для более раннего периода (вторая половина XIII—XIV вв.) характерны толстостенные горшки, изготовленные на медленном

круге, часто с отпечатками на днищах годичных древесных колец, на наружной поверхности — следы сглаживания. Тесто в изломе имеет серый или грязно-серый цвет, содержит примеси кварца, шамота, песка.

Часть керамики имеет скромный декор в виде одиночной волны или линий на плечиках, вдавлений палочкой на верхней части тулова. На отдельных экземплярах с наружной или внутренней стороны — зеленая полива.

Часть венчиков имеет традиционное оформление, характерное для конца XII — начале XIII вв. Большинство имеет венчик в виде массивного валика различной конфигурации, на многих — выемки для крышек. В керамике второй половины XIV — начала XV вв. толщина венчика уменьшается и появляется вогнутость на внутренней стороне венчика. Часть венчиков имеет манжеты, напоминающие те, что бытовали в XI в. Встречена тонкая красноглиняная керамика хорошего обжига с коротким и сильноотогнутым венчиком. Существуют и другие виды горшков. Из четырех исследованных построек три оказались жилищами. Из них два наземных (с. Шестовица пос. Пойма), третье — полуземлянка (с. Петрушин пос. Селище-1). Площадь наземных жилищ 15—20 кв. м. Они сгорели в пожаре. Археологический материал концентрировался в 15—20-см слое. Кроме керамики конца XII—XIV вв., найдены фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, ложкорез, трубчатый замок и ключ к нему, около десятка ножей с пластинчатым держаком и только один черенкового типа. Одна из построек, вероятно, совмещала функции жилища и ремесленной мастерской. В ее заполнении найдены многочисленные бруски со следами заточек. Найдены куски плинфы, шифера, обожженные камни, железоплавильные шлаки, выплески и отливки из многокомпонентного сплава.

Исследованная на пос. Селище-1 (с. Петрушин), полуземлянка 2,8х3,0 м ориентирована стенками по сторонам света, углублена на 0,7 м. В северо-восточном углу на материковом останце возведена из болотного глея почти квадратная в плане печь со сторонами около 1,2 м, сохранившаяся на высоту свода 0,3 м, обращена устьем (ширина до 0,45 м) в южную сторону. Она имела три пода. С наружной стороны печи, по углам — столбовые ямки.

В заполнении постройки, наряду с керамикой с утолщенными венчиками, встречена красноглиняная с короткими, сильно отогнутыми наружу венчиками. В заполнении постройки найдены куски плинфы, железоплавильные шлаки, а также три черенковых ножа, втульчатая костяная ручка, бронзовое височное кольцо с разомкнутыми концами.

Как показали исследования, на поселениях послемонгольского периода сосуществовали наземные срубные и углубленные в материк жилища.

Часть изделий, известных по материалам домонгольского времени (стеклянные браслеты, шиферные пряслица, черенковые ножи, височные кольца), продолжают бытовать и в последующий период. В XIII—XIV вв. резко ухудшается качество изделий из железа, кухонная посуда, в подавляющем большинстве, изготавливается на медленном гончарном круге. Вместе с тем, появляется ряд изделий, неизвестных в предыдущий период: пластинчатые ножи, трубчатые замки.

На территории региона археологические материалы второй половины XIII—XV вв., по сравнению с периодом Киевской Руси и позднего феодализма, встречаются значительно реже, наблюдается глубокий демографический кризис, связанный с оттоком населения в более северные регионы. Изменяется не только хозяйственный тип, но, во многом, и социальная структура основного земледельческого населения.

Л. В. ШЕВЦОВА (Киев)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНЕРУССКОГО КОЛОДЦА

В течение полевых сезонов 1993/94 гг. на древнерусском поселении Автуничи (Черниговская обл.) исследовался колодец. Такой объект — достаточно нетрадиционная находка для сельских памятников (это пока второй случай фиксации[1]). Кроме того, колодец является практически первым закрытым эксплуатационным комплексом на данном поселении. Объект исследован частично, его изучение будет продолжено в следующем сезоне.

Исследованная часть заполнения колодца включала многочисленные фрагменты гончарной посуды XI—XII вв. Среди мелких обломков венчиков, донышек, стенок были целые горшки (3 единицы) и фрагментированные (позволяют восстановить профиль полностью 6, частично — 2). Семь из них имели похожую форму: почти вертикальная шейка высотой 2,5—3,5 см, заокругленный край венчика, максимальное расширение тулова — в средней части сосуда, на уровне плечиков — 2 ушка, расположенных симметрично относительно центральной оси. Сосуды такой формы встречаются практически на всех древнерусских памятниках и определяются, как амфорки волынского типа. Об их употреблении в быту автуничских жителей свидетельствует коллекция отдельных фрагментов ушек и венчиков, собранная в предыдущие годы раскопок. Однако, целые формы представлены впервые. Амфорки имели высоту 24,0—27,0 см, диаметры венчиков в пределах 9,0—15,0 см, донышек — 8,5—12,0 см, максимальный диаметр тулова колебался от 20,0 до 26,0 см. Исключение

[1]Веремейчик О. М. Нові дослідження поселення Шумлай // Слов"яни і Русь унауковій спадщині Д. Я. Самоквасова. — Чернігів, № 1993. — С. 75.

составлял сосуд № 1260, который имел аналогичную остальным форму, но значительно меньшие размеры — общая высота 17,5 см, диаметры венчика и донышка соответственно 10,0 и 9,5 см. Сосуды имеют крынкообразную форму; исключение составляет № 1259, диаметр горлышка которого — 17,0x17,5 см (при максимальном расширении тулова до 25,0 см) — придает ему горшкообразные пропорции. Приблизительный объем амфорок 4—6 литров. Шесть сосудов имели бело-серый цвет, один — кирпичный. Тесто 5 амфорок — с примесью крупных (№№ 1258, 1268) и мелких (№№ 1259, 1267, 1269) частичек шамота. Днища сосудов №№ 1257—1259, 1269 имели характерный отпечаток трещины деревянной подставки гончарного круга и неярко выраженные закраины, визуально одинаковые. Следует отметить, что кроме отпечатков на днищах, похожи манера изготовления сосудов, профилировка верхнего края, орнамент и характер его нанесения, тесто, примеси. Это позволяет предположить изготовление сосудов №№ 1257—1260, 1267, 1269 одним гончаром.

Кроме описанных целых форм, заполнение колодца содержало также многочисленные обломки амфорок, в том числе их ушки. Всего в коллекцию вошло 65 целых и фрагментированных экземпляров последних (эта цифра превышает число всех ранее найденных на поселении). Такое количество позволило выделить основные типы амфорных ушек, способы их изготовления, некоторые особенности крепления. На основании анализа внешней формы, было выделено 5 основных типов. Первый, наиболее многочисленный — 19 экз. К нему относятся ушки круглых очертаний. Второй тип — (13 экз.) — составляют ручки, по форме приближающиеся к прямоугольному треугольнику (прямой угол вверху, а больший катет прилегает к тулову сосуда). Ушки третьего типа — (4 экз.) — имеют две равные свободные стороны (третья крепится к горшку). Прямоугольные и подпрямоугольные ручки были отнесены к четвертому типу (3 экз.). Пятый тип представлен одним ушком нетрадиционной формы — внешние очертания приближены к треугольнику с крючкообразно изогнутым углом. Оставшиеся 23 единицы представлены фрагментарно и поэтому отнесение их к какому-либо типу затруднено.

К сосуду ушки крепились на шипах, что вполне традиционно. Шип вставлялся в подготовленное в сосуде отверстие и закреплялся с внутренней стороны. Это хорошо прослеживается на некоторых находках (№№ 5, 22, 405, 1372). Подобная технология просуществовала до наших дней и зафиксирована при изучении современного гончарства в Костромской области[2]. В местах крепления ушек к сосуду, на стенках последнего делалась предварительная разметка. В одном случае ее следы удалось зафиксировать благодаря отслоению ушка с

[2]Китицина А. Ф. Примитивные формы гончарства Костромской области // СА. — 1964. — № 3. — С. 154.

налепом от тулова амфорки (№ 1374). По способу крепления, ушки делятся на одно- и двухшиповые; количество шипов зависело от размера ручки. Среди находок из колодца на 18 амфорных ушках прослежен способ их крепления (8 имело один шип, 10 — два). Технология изготовления ушек также имеет свои особенности. Большинство ушек делалось из куска глины толщиной 1,0—2,0 см, которому придавалась желаемая форма. Затем в готовой ручке делалось отверстие, очевидно для этого использовалась палочка. В пользу этого свидетельствуют ровные края отверстия и довольно часто встречающиеся следы выдавливаемой глины с одной (реже с двух) стороны ручки. Меньше ушек изготовлено из предварительно сделанного глиняного жгута, один конец которого шиповался в отверстие стенки, а второй лепился непосредственно на поверхность сосуда.

Исключив из общего числа амфорных ушек фрагментированные (23 ед.), можно предположить, что остальные принадлежали минимум 42 сосудам. Такой вывод позволяет сделать отсутствие одинаковых или похожих ушек, которые потенциально могли бы принадлежать одной амфорке. Скопление посуды определенного типа в одном комплексе говорит о ее специфическом применении. Вероятнее всего, амфорки использовались как емкости для хранения и транспортировки воды. Такую посуду также могли применять для сохранения продуктов внутри колодца, который, таким образом, служил "холодильником". Последнее известно и по этнографическим данным[3].

Наряду с амфорками, в заполнении колодца были найдены развалы двух раннегончарных сосудов, по внешнему виду напоминающих образцы так называемой дружинной культуры или шестовицкого типа. Горшки толстостенные, выполнены довольно грубо, в изломе трехцветные. Один (№ 163) практически не имеет шейки, венчик, диаметром 12,0 см, заокруглен. Диаметр донышка 8,0 см, толщина — 2,0 см. По плечику невыразительный зигзагообразный орнамент. Венчик второго горшка (№ 164), диаметром 16,0 см, тоже заокруглен и неравномерно отогнут наружу. По плечику волнистый орнамент высотой 2,5 см. Общая высота горшков 15 см. Нижние части имеют следы подрезки. Венчики с внутренней и внешней стороны покрыты копотью (№ 164 имеет следы нагара), а вся внешняя поверхность сосуда № 163 со следами органических натеков.

Наряду с вышеописанными формами, найдены сосуда нетрадиционной формы — баночной и кувшинообразной, — близкой к амфорке, но без ушек.

Кроме отдельно отмеченных находок, комплекс содержал многочисленные остатки горшков, преимущественно XIII в., находки которых на поселении традиционны.

---

[3]Данилюк А. Г. Українська хата. — К., 1991. — С. 89.

Ф. А. АНДРОЩУК (Киев)

ЧЕРНИГОВ И ШЕСТОВИЦА

Давняя проблема "парного" существования ранних городских центров на Руси в историографической ситуации 1970—1980-х гг. вновь стала предметом длительной исследовательской дискуссии. Факты соседнего месторасположения таких памятников как Гнездово и Смоленск, Рюриково городище и Новгород, Сарское и Ростов, Тимерево и Ярославль, трактовались, прежде всего, с точки зрения их прямой преемственности, что породило известную теорию "переноса" городов (Дубов, 1983). В. А. Булкин и Г. С. Лебедев выделили среди "парных" центров особые поселения торгово-ремесленного характера, сопоставимые с аналогичными западно и североевропейскими виками (1974). В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина, следуя историографической традиции соотнесения племенных центров с древнейшими русскими городами — Новгородом, Смоленском, Черниговом, — относят соседствующие с ними Городище, Гнездово и Шестовицу к погостам — центрам, обязанным своим происхождением процессу феодализации племенной округи (1979). Близкие взгляды на памятники черниговской округи развиваются в работах А. П. Моци и С. С. Ширинского (1988, 1988). Такая постановка вопроса предполагает, что т. н. "племенные центры" древнее "княжеских погостов", когда, на самом деле, археологические материалы свидетельствуют об обратном (Носов, 1993). В этой связи, весьма интересным представляется исследование Чернигова и Шестовиц на основе сравнения ряда археологических культур, сменивших друг друга на территории обеих памятников (колонная секвенция).

В. П. Коваленко начинает историю Чернигова со времени существования колочинских памятников на территории города, ссылаясь на стратиграфические наблюдения Б. А. Рыбакова, согласно которым отмечено "перерастание слоев VII—VIII вв. в более поздние" (Коваленко, 1988). Б. А. Рыбаков, действительно, зафиксировал небольшие участки слоя VII—VIII вв. с лепной колочинской керамикой, непосредственно над которым была найдена керамика XI—XII вв. и стеклянные браслеты (1946). При всем при том, что к исследованной Рыбаковым постройке прибавилось еще несколько объектов (Коваленко, 1985), ни о каком "перерастании" колочинских слоев в древнерусские не может быть и речи хотя бы потому, что колочинская культура не имеет прямого выхода в культуру Древней Руси (Шмидт, 1990).

Следующим эволюционным звеном называются волынцевские памятники. Кроме них, на территории мысового городища между Десной и Стрижнем выявлены материалы роменской культуры.

При некотором совпадении ранних роменских слоев с волынцевскими неизвестно ни одного случая, где бы фиксировалась их стра-

тиграфическая преемственность (Щеглова, 1987). Волынцевская культура имеет более тесные связи с памятниками VIII—IX вв. Среднего Поднепровья, чем с роменскими (Петрашенко, 1990).

Среди ранних древнерусских комплексов на территории Чернигова можно назвать жилище и вымостку, исследованные в районе Екатерининской церкви, постройку в районе ул. Горького (Богусевич, 1946) и постройку на верхнем замке (Гребень, Коваленко, 1993). Поистине, "мозаику фактов и предположений связывает в правдоподобное единое целое пока главным образом воля воображения исследователя" (Булкин, 1994).

Не ранее середины X в. датируются древнейшие погребальные комплексы Чернигова. Этим временем датируется меч и вещи из Гульбища, инвентарь Черной могилы датирован монетой Романа II — 60-ми гг. X в. Погребальный инвентарь камеры, исследованной Д. И. Блифельдом в ур. Березки, практически идентичен шестовицким погребениям фазы I (950—1000 гг.) (Андрощук, 1995). Таким образом, вещи погребальных комплексов исключают возможность датировать черниговский могильник ранее середины X в.; в этой связи, обращает на себя внимание отсутствие в Чернигове, до настоящего времени, находок скорлупообразных фибул ЯП51, датированных первой половиной X в., что также не может быть отнесено к ряду случайных фактов.

Итак, в колонной секвенции древнего Чернигова прослеживаются три хронологических перерыва, свидетельствующие о весьма различных этнокультурных процессах в данном микрорегионе: колочин-волынцево; волынцево-роменская культура; роменская культура — культура раннегончарной керамики (времени могильника).

В истории Шестовицкого комплекса имеющийся, до настоящего времени, материал позволяет выделить три культурно-хронологических пласта древностей (Андрощук и др., 1994).

Период I (вт. пол. VII в.) представлен двумя жилищами полуземляночного типа, исследованными на территории городища. Лепная керамика находит прямые аналогии в древностях сахновского типа. Сооружение вала, как показали работы В. П. Коваленко, можно отнести только к XII в. Постройки IX—X вв. и клеть XII в., исследованные в подошве вала, покоятся на выбросе из древнего рва, вырытого, видимо, во вт. пол. VII в. Хозяйственно-бытовой комплекс данного горизонта находит ближайшие аналогии в древностях сахновского типа и маркирует процесс расселения славян с территории Поднепровья на восток.

Период II (850—960-е гг.). Нижнюю дату могильника определяет вещевой комплекс кургана 83: византийские монеты Льва VI Философа, меч типа "Н", стремя салтовского типа. Верхняя дата могильника определена в пределах 945—960-х гг. по вещевым комплексам кургана 61 (Андрощук и др., 1994).

Видимо, концом 960-х гг. следует датировать время гибели синхронного поселения на мысе Коровель. Следы пожара зафиксированы как при исследовании построек, так и вала (Коваленко, 1983, 1984; Андрощук, 1993). Практически все исследованные постройки на поселении (около 70) — хозяйственного или промыслового назначения, и ни одна из них не может быть признана жилой долговременной постройкой. Отсутствие культурного слоя убеждает в том, что поселение носило временный сезонный характер. Отсутствие кладов серебра в этом районе А. В. Фомин объясняет постоянным изменением состава населения, использовавшего поселения в качестве перевалочных баз. Сезонный характер Шестовицы, кажется, убеждает в правоте заключения, что какая-то часть подобных памятников никакого отношения к генезису феодального города не имеет и связана с внешней торговлей (Толочко, 1989).

Появление "салтоидной" керамики датируется достаточно четко — серединой VIII в. (Щеглова, 1987); исходя из этого, сахновский комплекс Шестовицы является более древним по отношению к волынцевским в Чернигове. При всем этом, сахновский комплекс Шестовицы, как и волынцевский, а впоследствии и роменский в Чернигове, были всего лишь различными эпизодами этнокультурных процессов этого микрорегиона. Эпизодичность эта объясняется подсечно-пашенной системой ведения хозяйства, заставлявшей людей находиться в постоянном движении (Петров, 1968).

Как свидетельствует хронология материалов Чернигова и Шестовицы, первые "дружинные" курганы и транзитный пункт возникают первоначально в Шестовице (фазы III, II), а не в Чернигове, где на мысовом городище в устье Стрижня во вт. пол. IX в. жили роменцы. При всей скудости археологического материала, Чернигов обладает яркой и специфичной чертой, роднящей его с таким великолепным памятником как Гнездово — это большие курганы. Топографическое размещение Шестовицы совершенно не располагало к сооружению и функционированию здесь крупного торгово-ремесленного центра. Напротив, структура Чернигова является точным аналогом планировочной структуры Гнездово, состоящего из городища вблизи устья Свинки (прообраз детинца), — открытое поселение за его пределами (прообраз окольного города), курганный могильник с большими курганами, многочисленные клады (Булкин, 1994). Общность ярусной структуры, формирующей монументальные насыпи больших курганов, наличие известной "скандинавской вуали", размещение города на Десне, выходящей своими истоками в районе Смоленска, — все это говорит не только о типологическом сходстве, но и какой-то внутренней связи этих памятников. В этом отношении весьма замечателен вывод Е. Н. Носова о роли памятников, подобных Шестовице: "Подобные поселения активно способствовали формированию... "значимости" районов, созданию экономических структур и социальной среды, в которых возникали "новые" города" (Носов, 1993).

И. М. ИГНАТЕНКО (Чернигов)

ДРЕВНЕЙШИЙ КНЯЖЕСКИЙ ДВОР ЧЕРНИГОВСКОГО ДЕТИНЦА

Чернигов — самый значительный древний город Подесенья — уже многие годы привлекает интерес археологов. Наиболее исследованную на сегодня его часть — детинец — археологи начали изучать еще в прошлом веке. Раскопки 1989—1992 гг., проводившиеся в ЮЗ части древнего детинца, дали интересные результаты. Возвышенная площадка так называемого "Верхнего замка", которая, согласно письменным источникам, была насыпана поляками в начале XVII в., как оказалось, скрывала под собой остатки укреплений и построек древнерусского времени.

Первоначальное заселение "Верхнего замка" произошло, вероятно, во 2 пол. X в., к этом времени относятся и древнейшие его укрепления. Фортификационные сооружения 2-го этапа были просты: стены, возможно, были сложены из бревен взамет, изнутри к стене примыкали полуземляночные постройки, крыши которых могли служить боевыми площадками. За постройками проходил ров, вероятно, служивший для сбора воды на случай осады. В культурном слое этого периода встречается керамика салтовидногов вида, строительные отходы, относящиеся ко времени возведения Спасо-Преображенского собора, упоминаемого в летописи под 1036 г.

Вероятно, во 2 четверти XI в. здесь был двор Черниговского князя Мстислава Владимировича, который, будучи прежде Тмутараканским князем, поддерживал тесные связи с Византией и хазарскими землями. Северяне, имевшие традиционную ориентацию на Восток, поддержали Мстислава в борьбе с киевским князем. Поэтому у Мстислава не возникала необходимость строить мощные укрепления вокруг своего двора. После смерти Мстислава, вероятно, во 2-й половине 30-х гг. XI в. Чернигов отходит к домену Ярослава Мудрого. По-видимому, подчинение Чернигова проходило не совсем гладко, о чем свидетельствует слой пожарища, перекрывающий не только объекты первого строительного периода на "Верхнем замке", но и сооружения того же времени в других частях детинца. К этому периоду, вероятно, относится возведение самых мощных укреплений двора: здесь строятся стены шириной 11,5 м, сложенные из заполненных землей бревенчатых клетей размером 3х4,5х4 — 4,5 м. Укрепления сохранились на высоту до 4 м. Стены окружал сухой ров. В заполнении клетей найдено большое количество фрагментов керамики и вещей предыдущего строительного периода. Среди них выделяются мраморный кистень и самшитовый гребешок с изображением павлина. Эти предметы находят аналогии среди древностей Саркела.

После раздела Южной Руси между сыновьями Ярослава, Чернигов достался Святославу Ярославичу, который проживал на другом, так называемом "Красном Дворе", упомянутом в "Поучении Владимира

Мономаха". Единственный княжеский двор, на котором в XI в. имелись каменные дворцовые сооружения, был двор в СЗ части детинца, там, где до 1796 г. находился Борисоглебский монастырь. Этот двор служил Всеволоду Ярославичу и Владимиру Мономаху, а после Любечского съезда 1097 г. — старшему из святославичей, Давиду.

В конце XI — нач. XII вв. "Верхний замок" претерпевает некоторую реконструкцию: стены усиливаются изнутри несколькими рядами (не менее 4) малых клетей размером 1,4—1,8x1,4—1,5 м. А также строится каменная однонефная бесстолпная церковь, стены которой выполнены в технике равнослойной кладки (Гребень П. Н., Коваленко В. П., 1993). Отходы этого строительства попали в заполнение малых клетей. Возможно, в это время двор принадлежал наиболее энергичному борцу за Святославово наследие — Олегу, который давно претендовал на Чернигов. В пользу этой гипотезы свидетельствует название позднесредневековой церкви, стоявшей на фундаменте древнего храма (церковь "Михаила и Федора"). Не исключено, что первоначальная церковь XII в. была освящена во имя Архангела Михаила — небесного патрона Олега Святославича.

Вероятно, ко времени войны 40—50-х гг. XII в. в Черниговской земле относятся следы пожара на княжьем дворе, уничтожившего деревянные постройки и малые клети. Бревенчатые конструкции больших клетей, возведенных в сер. XI в., к тому времени, вероятно, уже основательно отсырели и протрухли, поэтому не пострадали от огня. Во 2 пол. XII—XIII вв. на дворе возводятся деревянные жилища, возможно, составлявшие княжеские хоромы. Постройки отапливались прямоугольной формы печами, сложенными из плинфы, подобно плинфе Пятницкой церкви в Чернигове (рубеж XII—XIII вв.). Под одной из построек обнаружена медовуша. Пространство, где стояли сооружения, было буквально усеяно различными находками: бусами, браслетами, крестиками, осколками поливной и стеклянной посуды, в том числе и византийской, из которой лучше всего реконструируется флакон бордового марганцевого стекла, расписанный золотом и краской, с изображением пляшущих скоморохов. Здесь же найдены — золотой перстень с гранатовой вставкой, резная шахматная фигурка из слоновой кости, восточной работы; иранский фаянс и другие предметы. После татаро-монгольского нашествия жизнь на "Верхнем замке" замирает до сер. XIV в., когда Витовт "нача созидати грады многия и зарубил... Чернигов".

Размещение на детинце трех княжеских дворов является особенностью планировки Чернигова, в отличие от Киева, где княжеские дворы были вынесены за пределы города, и других древнерусских городов, имевших, как правило, один княжеский двор. Такая специфика, вероятно, связана с династической системой Черниговской земли так называемым "Лествичным восхождением". Поскольку Святославичи прочно держали Чернигов в своих руках, княжеские дворы

князей других династий ни под его стенами, ни, тем более, в самом городе появиться не могли. Но уже в XII в. в Чернигове попеременно княжат представители двух ветвей правящего рода — Давидовичи и Ольговичи. В летописи в XII—XIII вв. в Чернигове упоминаются одновременно сидящие князья черниговские и Великие князья Черниговские. Вопрос о размежевании их власти и владений — сложный и на сегодня не изученный, но как бы там ни было, каждая ветвь черниговского княжеского рода могла иметь свой наследственный двор на территории столицы княжества.

Г. П. ПОЛЯКОВ (Брянск)

ОКОЛЬНЫЙ ГОРОД ЛЕТОПИСНОГО ДЕБРЯНСКА (по материалам раскопок Ф. М. Заверняева 1976—1979 гг.)

Спектр научных интересов Федора Михайловича Заверняева в области археологии был весьма широк. Он исследовал памятники палеолита и мезолита, неолита и бронзы, юхновской и почепской культур раннего железного века, славянские селища VI—X вв. Большое внимание он уделял и изучению поселений древнерусского времени — городищ "Покровская Гора" в г. Брянске, "Воздвиженская Гора" в г. Мглине, у д. Антоновка Брянского района. Но больше всего сил и внимания Федор Михайлович уделил раскопкам т. н. "Верхнего селища" в Брянске, примыкающего к городищу "Чашин Курган". На данном комплексе он локализовал домонгольский Дебрянск, а "Верхнее селище" считал его посадом. В 1987 г. автором данной публикации были зафиксированы остатки вала, отсекавшего "Верхнее селище" с юга, с напольной стороны (Поляков Г. П., 1988). Таким образом, стало ясно, что это селище является окольным городом летописного Дебрянска. Ф. М. Заверняев посвятил исследованиям этого памятника четыре полевых сезона (1976—1979 гг.). В 1978—1979 гг. под его руководством нам посчастливилось принимать участие в этих раскопках.

На шести раскопах в двух частях памятника было исследовано 440 кв. м. Но за годы, прошедшие со времени раскопок, ни одной публикации по материалам исследований (за исключением нескольких статей в местной периодической печати, носивших информационный характер) по целому ряду причин осуществлено не было. Федор Михайлович готовил обобщающую работу, но дописать и опубликовать ее не успел... Настоящая статья продиктована необходимостью введения памятника в научный оборот. Основой для нее послужили отчеты о полевых исследованиях Ф. М. Заверняева, подлинные вещевые материалы раскопок, а также, к сожалению, лишь частично сохранившаяся, полевая документация (дневники 1977—1979 гг. и комплект полевых чертежей за 1978 г.).

Окольный город расположен в урочище "Чашин Курган" напротив устья р. Болвы, на коренной правобережной террасе р. Десны и примыкает к Ю и З ко рву детинца. С В и З его территория ограничена глубокими оврагами, по дну В оврага протекает безымянный ручей. С С, вдоль внешней кромки рва детинца, с З и, частично, с В по склонам оврагов прослеживаются следы эскарпа. Ю часть памятника занимает кладбище бывшего поселка Городище. С Ю стороны кладбища располагался подковообразный вал, защищавший окольный город со стороны поля и отсекавший его территорию, расположенную между оврагами. С ЮЗ сохранился небольшой участок срытого, снивелированного и распаханного вала шириной в основании около 25 м и высотой 1,5 м. За валом, к Ю от памятника, наблюдается довольно сильное понижение в рельефе — возможно, в домонгольский период здесь находился ров. Таким образом, укрепленная площадка окольного города имела форму неправильного прямоугольника размером 170—200х300 м и площадью свыше 5 га. В настоящее время около половины территории поселения занято кладбищем, которое, несмотря на официальную консервацию, продолжает расширяться.

Мощность культурного слоя равняется 0,3—1 м. Верхняя часть слоя сильно распахана (на глубине 0,05—0,3 м, а иногда и немного глубже, лежит слой пожарища с остатками жилых и хозяйственных построек). В. Ф. Заверняев выделяет в культурном слое три строительных периода: самый древний, он датируется X в., а самый поздний — сер. XII в. Стратиграфия следующая: материк — плотный ожелезненный суглинок бурого цвета, выше следует темная прослойка погребенной почвы и слой деллювиальной супеси. После прослойки погребенной почвы следует слой пестрой супеси с темными включениями. Третий слой, отделенный от предшествующего темной погребенной почвой, состоит из темно-серой супеси и перекрывающего ее гумусированного слоя черного цвета.

В культурном слое и материке зафиксированы остатки: 5 полуземляночных жилищ, углубленных в материк на 0,2—0,6 м (полностью исследовано 4), 5 наземных построек столбовой конструкции и 2 производственных сооружений — гончарного горна и домницы. Найдено около 30 хозяйственных ям. Особый интерес представляют жилища с углубленным полом. Они почти квадратные или прямоугольные в плане, ориентированы сторонами по сторонам света (размеры 5,5х5,5 м, 5,5х4,25 м, 4,7х4,25 м, 4,3х3,1 м), площадью от 13 до 30 кв. м. Печи в них размещались, как правило, "на стуле" в С части, или в С углу, в центре В стенки. Совершенно нетипично для древнерусских жилищ расположение печи в жилище № 2 — на полу в центре. В этом же жилище (самом большом по площади) на полу и в ямках — кладовых собрано 73 фрагмента от 3—4 стеклянных сосудов из тонкого желтоватого стекла двух форм — воронкообразных бокалов и кубков на поддоне, а также 11 фрагментов красноглиняных и 26 фрагментов сероглиняных амфор. В жилище № 1, погибшем от

пожара, найдены обожженные зерна ржи, ячменя и конопли (определение Ф. М. Заверняева) и крупный фрагмент сосуда, привезенного из Волжской Булгарии. В жилище № 3 обнаружены часть горла и ручки от большой красноглиняной амфоры, медный крест-тельник, найденный у печи; два шиферных пряслица, стеклянная боченковидная бусина с меандровым орнаментом и стеклянная вставка от перстня в форме линзы с двумя белыми глазками, в медной оправе. Инвентарь жилища № 4 состоял из фрагментов крупной красноглиняной амфоры, наконечника бронебойной стрелы типа 83 (по А. Ф. Медведеву), пинцета, кресала, ледоходного шипа и двух шиферных пряслиц. Жилище № 5 в своем заполнении также содержало интересные находки: 5 фрагментов темно-зеленых и темно-синих гладких стеклянных браслетов, ключ от цилиндрического замка типа "Б" (по Б. А. Колчину), медный пластинчатый перстень, стеклянную бисерную бусину, фрагмент медного витого перстня, кусочек стеклянного сосуда и фрагменты сероглиняной амфоры.

Среди 5 наземных столбовых построек своими находками выделяются две. В постройке II зафиксированы следующие предметы: медная литая односторонняя крестовидная привеска, литой двухсторонний бронзовый крест-тельник и бронзовая литая нагрудная иконка с погрудным изображением Спаса Еммануила в крестчатом нимбе (Поляков Г. П., Пуцко В. Г., 1993, с. 34); калачевидное кресало, две стеклянные шаровидные бусины, железная блесна, фрагмент удила, свинцовая гирька, два грушевидных серебряных бубенчика с рубчиками у прорезей, фрагмент 3-х проволочного витого браслета, две сердоликовых бусины, ключ от нутряного замка, желтостеклянная, квадратная в сечении мозаичная бусина и шиферное пряслице. Данная постройка гибнет от пожара. В южном углу постройки III, в неглубокой чашеобразной яме находилась тазовая кость и череп лошади. Здесь же обнаружен наконечник втульчатой двушинной стрелы, амулет — резец лошади с просверленным отверстием для подвешивания — и две железные дужки от деревянных ведер. Ф. М. Заверняев связывает захоронение черепа и тазовой кости лошади с каким-то языческим обрядом, а находка амулета, по его мнению, является свидетельством того, что обитатели этого дома являлись язычниками.

Внутри и вокруг жилищ и хозяйственных построек концентрируются находки сельскохозяйственных орудий и орудий переработки сельхозпродукции (два фрагмента серпов, 7 жерновов; фрагмент косы-горбуши), а также разнообразный бытовой инвентарь, связанный с оборудованием жилищ (7 ключей, дверные накладки, скобы, петли, гвозди строительно-крепежные, подковные и сапожные; кресала (3), дужки и петли от ведер (17), ножи (34), точильные бруски (13), шилья и иглы (14), пружина от висячего замка). О занятии населения скотоводством свидетельствуют находки пружинных ножниц для стрижки овец (2), колокольчиков-ботал (2) и массы костей

домашних животных. Обнаружены и немногочисленные приспособления для рыболовства — железная блесна, крючок, глиняное грузило, а также множество рыбьей чешуи и костей (раскоп 2"А", яма). Женское население занималось ткачеством — найдено 33 пряслица (31 шиферное).

На поселении имела место выплавка железа из болотной руды в домнице цилиндрической формы (раскоп 2"А", яма 2). Многочисленны и находки фрагментов криц, шлаков. Обнаружены два тигля для плавки цветных металлов и литейная формочка. О наличии на окольном городе Дебрянска собственного керамического производства свидетельствуют остатки гончарного горна (раскоп № 6) и местный характер основных керамических форм. Ф. М. Заверняев выделяет 4 типа местной гончарной керамики (типы II—V, а также лепную роменскую — тип I). Отметим также находки двух донец с клеймами в виде "знаков Рюриковичей".

Среди немногочисленных украшений и деталей костюма первое место принадлежит, в основном, круглым, гладким стеклянным браслетам (11 экз.). На втором месте бусы из стекла (6 экз.) и камня (4 экз.). К данной категории предметов относится и находка стеклянной вставки от перстня.

О занятиях ювелирным делом свидетельствуют находки инструментов: железной наковальни, пинцета, литейной формы, сырья — кусков медной проволоки, пластин, небольших слитков, — шлака. Имеются находки изделий из цветных металлов — витых и плетеных, дротовых и пластинчатых, медных и бронзовых браслетов (8 экз.), двух перстней (рубчатого и решетчатого), возможно, местного производства. Не исключено и местное происхождение найденных предметов христианского культа из бронзы и меди — двух двусторонних литых крестов-тельников, крестовидной привески и нагрудной иконки.

Костяных изделий обнаружено немного; по-видимому, так же как и деревянные предметы они были уничтожены во время пожара. Среди них три гребня и проколка. Два двусторонних цельных гребня относятся к типу "М" (по Б. А. Колчину) и один фрагмент такого же гребня с процарапанной буквой — к типу "Л".

Среди многочисленных предметов быта, найденных на окольном городе летописного Дебрянска, есть и свидетельствующие о распространении грамотности. Это бронзовое писало (тип VII по А. Ф. Медведеву) и фрагмент костяного гребня с буквой "фита".

К предметам вооружения и снаряжения всадника и коня относятся 7 наконечников стрел, фрагмент лезвия боевого топора — чекана (тип-I по А. Н. Кирпичникову), пара удил, ледоходный шип и пряжка от конской сбруи.

О торговых связях населения говорят находки 30 фрагментов грушевидных амфор из Северного Причерноморья, изготовленных из хорошо отмученной красной глины с крупным рифлением по тулову,

узким горлом, с массивными полукруглыми в сечении ручками. Подобные амфоры характерны для средневековых городов Крыма. Имеются фрагменты и сероглиняных киевских амфор. О фрагменте сосуда, изготовленного в Волжской Булгарии мы упоминали ранее. Связи с районом Овруча на Волыни подтверждают 31 найденное пряслице из розового шифера и шиферная призматическая бусина.

Следов собственного производства стекла в Дебрянске не обнаружено, поэтому эта, упомянутая выше категория предметов — браслеты, вставка от перстня, бусы и стеклянная посуда — составляла значительную часть импорта, по-видимому, из Киева. Предметами импорта являются и две бипирамидальных сердоликовых бусины из Средней Азии, а также янтарное пряслице из Прибалтики. Возможно, что и два грушевидных серебряных бубенчика также были изготовлены не мастерами Дебрянска.

Основная масса находок, поддающихся датировке, падает на конец X — первую половину XIII вв., но, по мнению Ф. М. Заверняева, жизнь на окольном городе прекращается в середине XII столетия и причиной этого был сильный пожар. Исследователь связывал его с событиями весны 1147 г. и считал, что Дебрянск был разорен и сожжен в мае 1147 г. русско-половецким отрядом, направленным Новгород-Северским князем Святославом Ольговичем из Дедославля.

В. В. ЗАЙЦЕВ (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО БОЛДЫЖА

Болдыж упоминается в Ипатьевской летописи в связи с событиями феодальной войны 1146—47 гг. Учитывая важность летописных сведений для определения местонахождения поселения, напомним эти события.

Внук Владимира Мономаха, переяславский князь Изяслав Мстиславич, захватив в 1146 г. Киев и пленив вел. кн. Игоря Ольговича, оказывается втянутым в борьбу с не пожелавшим отречься от брата Святославом Ольговичем. Заключив союз с черниговскими князьями Владимиром и Изяславом Давыдовичами, вел. кн. Изяслав Мстиславич занимает Путивль и готовится к осаде Новгорода-Северского. Спасаясь от преследования союзников, Святослав Ольгович бежит в "Лесную землю", в Карачев, чтобы быть ближе к союзнику, суздальскому князю Юрию Владимировичу (Долгорукому). Узнав о том, что Святослав ушел из Новгорода-Северского, Изяслав Давыдович с тремя тысячами воинов бросается за ним в погоню: "Иде ис Путивля на Севьско и на Болдыжь. Прусте бо бе ем путь Корачеву" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 335). Шедшие следом основные силы союзников во главе с киевским князем продвигались более медленно, и, дойдя до леса

"Болдыжь" (располагавшегося, по-видимому, в окрестностях одноименного поселения), остановились там на обед. В это время к ним прибежал "мужь" и сообщил, что выступивший навстречу преследователям Святослав Ольгович разгромил дружину Изяслава. Услышав это, разгневанный великия князь "исполчи вои свои поиде на Святослава к Корачеву". По дороге они встречали бежавших дружинников Изяслава Давыдовича. Самого же князя долго не было. Только к полудню приехал он к Изяславу Мстиславичу. Весь день до самой ночи шли полки союзников к Карачеву и остановились, не дойдя до города. Святослав же, узнав о приближении основных сил противника, бежал "за лес у Вятиче".

На основании летописных сообщений и с учетом данных топонимики, большинство исследователей ранее помещали древнерусский Болдыж в верховьях р. Нерусса, близ совр. села Балдыж Дмитровского р-на Орловской обл. (Погодин М. П., 1848; Насонов А. Н., 1951; Зайцев А. К., 1975, и др.). Однако поиски в этом районе древнерусского городища, проводившиеся Верхнеокской экспедицией в 1964 и 1973 гг., оказались безрезультатными. Это обстоятельство позволило Т. Н. Никольской отождествить с летописным Болдыжем древнерусское поселение у д. Слободка Шаблыкинского р-на Орловской обл., результаты раскопок которого, по мнению исследовательницы, свидетельствуют о его городском характере (Никольская Т. Н., 1987. С. 5).

Отметив важное значение раскопок Т. Н. Никольской для изучения многих вопросов истории рассматриваемого региона, позволим себе, однако, усомниться в обоснованности предложенного ею варианта древнерусского названия поселения у д. Слободка. Локализация Болдыжа на р. Навля, на наш взгляд, во многом не согласуется с летописными известиями. Так, из сообщений летописей следует, что расстояние между Болдыжем и Карачевом значительно превышало обычную норму дневного перехода, так как продвигавшееся ускоренным маршем войско Изяслава Мстиславича не смогло до ночи достигнуть города. Слободка же находится на расстоянии около 35 км от Карачева. К тому же, Болдыж (как и Севск) упоминается в летописи как населенный пункт на пути из Путивля в "Лесную землю" (намечая кратчайший маршрут), в то время как поселение у д. Слободка вместе с густо заселенной округой несомненно располагалось уже в пределах "ядра" Карачевской волости (Зайцев А. К., 1975; Поляков Г. П., 1990). Невозможно также представить, чтобы лес Болдыж, как и поселение, получивший, очевидно, свое название от имени собственного (Болдыга), простирался на обширном пространстве, расчлененном многочисленными речками, — от верховьев р. Нерусса (где имеется идентичный топоним) до правого берега р. Навля (где расположено Б. Слободкинское городище).

Из сказанного следует, что сообщения летописей и данные топонимики однозначно определяют местонахождение Болдыжа южнее р.

Навля, возможно, на линии течения р. Нерусса. Более определенно установить район расположения летописного поселения можно, лишь определив маршрут древнего пути из Севска в Карачев.

До сооружения в начале 60-х годов XX в. автомобильного шоссе с бетонным покрытием, единственной значительной дорогой, шедшей от Севска на север, являлась дорога, соединяющая в наст. время г. Севск с другим районным центром Брянской обл. — поселком Комаричи. На карте 1951 г. эта дорога, пролегая по маршруту г. Севск — с. Усожа — пос. Комаричи, имеет продолжение на север. Пересекая р. Нерусса у с. Радогощ, дорога идет мимо сел Городище и Чаянка на с. Самово (в окрестностях которого расположено Б. Слободкинское гор.) и далее на г. Карачев. Этот маршрут в деталях повторяет и единственная дорога от Севска к Карачеву, отмеченная на известных картах втор. пол. XIX — нач. XX вв. Достаточно хорошо отражен путь и в источниках более раннего времени. Так, подробнейшим образом дорога от Путивля до Карачева (через Севск) и далее на Москву, описана Павлом Алеппским, сопровождавшим в 1655—56 гг. антиохийского партриарха Макария в его поездке в Россию. Участок пути от Севска до Карачева в его записках выглядит следующим образом: "Мы проехали тридцать верст по лесу..., и ночевали в лесу. Мы встали на заре... и проехали через большую деревню, называемую Захарово (в 10 км к югу от с. Родогощ — В. З.)... Мы переехали через большую реку, называемую Надрус (Нерусса)... Затем мы въехали в село с озером, называемое Хородищ (Городище)... Затем мы сделали еще верст тридцать... и вечером прибыли в селение... Жанка (Чаянка). Мы ночевали на некотором расстоянии от него в поле... Мы встали... рано поутру, проехали десять верст и прибыли на берег большой реки по имени Нафля (Навля). Здесь есть деревня, место остановки для переправы на судах, называемая Самох (Самово)... Прежде через эту реку был деревянный мост... но теперь он разрушен... Затем мы проехали около тридцати верст... и прибыли в большой город... называемый Каражава (Карачев)".

Из приведенного отрывка мы видим, что в древности путь пересекал р. Нерусса также в районе с. Радогощ. При этом интересно отметить, что патриарх со свитой, остановившись на ночлег у с. Чаянка (не доехав до с. Самово более 15 км) и задержавшись при переправе через р. Навля (так как мост был разрушен), прибыл в Карачев до окончания следующего дня.

Наличие в окрестностях совр. с. Радогощ (в 2 км к С., на правом берегу р. Нерусса) крупного поселения "домонгольского" времени указывает на функционирование этого пути и в XII—XIII вв. (Даркевич В. П., Пудовин В. К.; КСИА № 79). О древности пути говорят также "роменские" слои, имеющиеся на Севском и Радогощском городищах (в то время, как иных славянских поселений IX—XI вв. в бассейне р. Нерусса неизвестно).

Приведенные выше аргументы позволяют ограничить район поиска следов летописного Болдыжа сорокакилометровым отрезком древнего пути (на территории совр. Брянской обл.): от правого берега р. Нерусса (у с. Радогощ) до верховьев речушки Водоча (в окрестностях с. Чаянка). Большое расстояние между с. Радогощ и д. Слободка (более 50 км) предполагает наличие на соединявшем их участке древнего пути и иных, пока неизвестных, поселений древнерусского времени. Косвенно на это указывает и наличие здесь села с названием "Городище". В то же время, следует признать, что окончательное решение вопроса о локализации Болдыжа невозможно без сплошного археологического обследования обозначенного участка древнего пути, сопряженного с детальным изучением микротопонимики района и привлечение данных палеогеографии.

А. А. МЕТЕЛЬСКИЙ (Минск)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРИЧЕВА

Кричев впервые упоминается в Уставной грамоте 1136 года Ростислава Мстиславича. Археологическое изучение его древностей, начатое в 1967 г. Г. В. Штыховым, в 1973—1976 гг. было продолжено М. А. Ткачевым, а в 1987—1988 и 1993 гг. — А. А. Метельским. В 60—80-е годы основное внимание было уделено изучению укрепленных поселений на территории современного города — городища "Городец" VIII в. до н. э. — XIII в. н. э., 44 м^2; и городища "Замковая гора" XI—XVIII вв. — 640 м^2. В гораздо меньшей степени изучались посады и округа города, которые лишь в последнее время стали объектом пристального внимания. Несмотря на неравнозначность и неравномерность по объемам, полученный материал дает возможность схематически проследить историю формирования и развития средневекового города.

Первоначальное поселение на территории современного Кричева возникло у излучины ручья Кричевец, на мысу, занимаемом городищем Городец. Культурный слой содержит обломки горшков милоградской и зарубинецкой культур. Кроме того, встречены единичные фрагменты керамики третьей четверти I тыс. н. э. Поселение было укреплено с момента его возникновения, а затем фортификационные сооружения неоднократно усиливались как в зарубинецкое время, так и в X—XIII вв.

Археологические материалы без перерыва отражают историю Кричева с X в., хотя их количество неодинаково для различных периодов. В истории города выделяются периоды: X — середины XII вв., середины XII—XIII вв., XIV—XV вв., XVI—XVIII вв. Первый период истории города охватывает X — середину XII вв., т. е. то время, когда центр Кричева размещался на городище "Городец". Здесь имеются

фрагменты слабопрофилированной лепной посуды, подправленной на гончарном круге. Для посуды X в. характерен простой отогнутый наружу венчик, и она отличается хорошим качеством теста и обжига. Материалы с "Городца" крайне немногочисленны ввиду малой изученности памятника, что, в свою очередь, обусловлено его плохой сохранностью. Уже в середине XVIII в. письменные источники зафиксировали тот факт, что "Городец" был наполовину разрушен. В настоящее время от него остался лишь фрагмент вала с небольшой, примыкающей к нему площадкой.

К северу от "Городца" с X в. начинает формироваться селище, занимающее в X—XIII вв. площадь 1 га. Среди материалов этого времени имеются стеклянные желтые лимоновидные и зонные бусины, гончарная керамика. "Городец" в Кричеве был одним из немногочисленных укрепленных поселений Среднего Посожья X—XI вв. Вероятно, это был один из опорных пунктов родимичской колонизации Посожья, от которого шло отпочкование сельских поселений. На основе этого опорного пункта X в., в XI в. развивался центр черниговской администрации в земле радимичей.

В середине XII в., вероятно, сразу же после присоединения этого района к Смоленскому княжеству, в 700 м к юго-востоку от "Городца", на берегу Сожа, на месте поселения XI — начала XII вв., сооружается новый детинец площадью 0,6 га — "Замковая гора". С напольной стороны он был укреплен земляным валом высотой 1,5 м, который в середине XIII в. был подсыпан до высоты 3,5 м. Все это время по гребню вала стояли стены срубной конструкции. Со стороны Сожа земляных фортификационных сооружений не было.

Застройка детинца была подчинена трассе вала. Кричев XII—XIII вв. не отличался интенсивностью жизни, о чем свидетельствует как сравнительная бедность на находки культурного слоя XII—XIII вв. на "Замковой горе", так и слабая выраженность нового посада, формирующегося к югу от Замковой горы — на Спасской горе (около 1 га).

Однако в это время еще продолжало функционировать поселение в районе "Городца". В XII—XIII вв. Кричев был небольшим административным центром Смоленской земли и крепостью на ее южных рубежах.

С рубежа XIII—XIV вв. прекращается жизнь в районе "Городца", и центр жизни окончательно перемещается на "Замковую гору".

Период XIV—XV вв. был временем медленного роста города. В начале XIV в. замок был сожжен, что, вероятно, отражает продвижение в Посожье Великого княжества Литовского. Оборонительные сооружения замка после этого были вновь усилены. В целом, материалы этого времени довольно маловыразительны: керамика, изразцы. Из других предметов найдены ножи, ключи, уникален меч, найденный в слое рубежа XIII—XIV вв. Несколько активизируется формирование посада, который начинает занимать все прилегающие

к "Замковой горе" возвышенности. Посад на Спасской горе — Зубелышенский — имел в это время самостоятельную линию укреплений, состоящую из вала с частоколом по его гребню.

С XVI в. начинается расцвет средневекового города. Он вышел далеко за рамки посадов XIV—XV вв. и к XVII в. охватывал площадь более 20 га. Городские посады охватывали замок с южной и западной сторон и имели свои линии укреплений, состоящие из вала и деревянных стен. В этот период происходит реконструкция и неоднократное укрепление фортификационных сооружений замка. В слоях XVI—XVIII вв. найдено много предметов повседневного быта, орудий труда, предметов вооружения. Бурные события XVII в. не обошли стороной и Кричев. Город неоднократно разрушался, но всегда быстро восстанавливался. В XVIII в. он перешагнул рубеж ручья Кричевец и вновь включил в свою территорию район "Городца". Оборонительные сооружения замка были окончательно разрушены в годы Северной войны 1700—1721 гг. и, хотя в середине XVIII в. они были восстановлены, прежнего величия одного из опорных пунктов Речи Посполитой на рубежах с Российской империей Кричев уже не достиг.

И. М. ИГНАТЕНКО, Е. В. КУЗЬМИНА (Чернигов)

РАСКОПКИ УСАДЬБЫ ЧЕРНИГОВСКОГО РЕМЕСЛЕННИКА сер. XIII — нач. XIV вв.

История Чернигова XIII—XIV вв. недостаточно изучена, то же можно сказать и об исследованиях археологических памятников этого времени. Такая ситуация сложилась не только вследствие уменьшения количества археологических объектов этого периода, но и по причине трудности выделения древностей 2 пол. XIII — нач. XIV вв. из массы материалов домонгольской поры. Поскольку экономическая ситуация в Южной Руси этого времени расценивается историками неоднозначно, археологические источники могут оказать значительную помощь в прояснении этого вопроса.

На протяжении 1991—1992 гг. в ЮЗ части Черниговского детинца, у подножия т. н. "Верхнего замка", археологическими раскопками был вскрыт участок площадью 73 м^2. На раскопе был обнаружен и исследован ряд объектов, датированных XIII—XIV вв. Древние сооружение, по-видимому, располагались вдоль улицы, соединявшей ворота "Верхнего замка" с воротами детинца, о чем свидетельствует совпадение ориентации объектов XIII—XIV вв. с ориентацией построек XVII—XVIII вв., выявленных археологически, сохранившихся и изображенных на планах крепости XIII в., располагавшихся вдоль "Замковой улицы". Однородность вещевого материала, компактное расположение объектов, а также отсутствие следов оград, дает повод рассматривать участок, как часть единой усадьбы.

На раскопе было полностью или частично исследовано 4 постройки и 5 ям, все они, вероятно, имели хозяйственное назначение.

Постройка 1. Квадратной формы (3,4х3,4 м), углублена в материк на 1 м. В углах пола постройки и вдоль ее стен между углами выявлены круглые столбовые ямы, вдоль стен котлована проходили неглубокие канавки, вероятно, в нижней части постройки вертикальные столбы были связаны с горизонтальными, а выше в пазы столбов могли быть вставлены доски или горбыли. В земляном полу постройки располагалось несколько неглубоких ям, в две из них были поставлены керамические горшки. Из заполнения постройки происходят разнообразные находки: бусы, оселки, железные иглы, широколезвийные ножи, часть стремени, фрагменты жернова и большое количество стеклянных браслетов.

Постройка 2. Частично разрушена строителями, ширина 4 м, длина на раскопанном участке 5 м, поскольку в стратиграфии наблюдается поднятие слоев в сторону недокопанной ее части, полная длина постройки ненамного больше. Углублена в материк на 1,4 м. В нижней части котлована сохранились следы деревянной обкладки стен, которая была выполнена из горбылей, обращенных ровной стороной в середину постройки. Горбыли были запазованы в угловые столбы. В материковом полу обнаружено несколько небольших ям, одна из них, диаметром 0,32 м, имеет следы деревянной емкости, обмазанной глиной. Заполнение постройки состояло из нескольких неоднородных по характеру включений слоев. Нижняя ее часть была засыпана материковым выбросом, средние слои представляли собой темные супеси, насыщенные керамикой, костями животных. По всей площади постройки проходила прослойка рыбьей чешуи, мощностью 5—15 см. В южной части постройки были найдены компактно сложенные 5 анатомически полных комплектов костей лошадиных конечностей, попадались трубчатые кости животных со следами обработки. Верхние слои постройки представляют собой просевший в котлован культурный слой, образовавшийся после гибели жилища. Из заполнения постройки происходят: большое количество стеклянных браслетов, смальта, фрагменты стеклянных и поливных сосудов, изделия из цветного металла, камня. На одном из шиферных пряслиц сохранилась надпись, говорящая о его принадлежности "прясин орцин". Из предметов черного металла здесь найдены ножи, ключи, лезвие топора, дужка ведра, позолоченная блесна-дорожка, иголка, пряжки и др.

Постройка 3. Примыкала к постройке 2, исследована частично, длина 4 м, углублена в материк на 0,3—0,7 м. Заполнение состоит из углистых прослоек и золы. Кроме массового материала, аналогичного вещам из других объектов, здесь найден двухсторонний трапециевидной формы гребень с костяными накладками.

Ямы 1—3. Цилиндрической или слегка колоколовидной формы, диаметром 0,78—1,16 м, глубиной 0,5—0,9 м. Материалов в заполнении очень мало.

Яма 4. Круглой формы, диаметром 1,8, глубиной 0,3 м. В центре имеет углубление диаметром 0,4 м, глубиной 0,2 м. Заполнение состоит из нескольких прослоек супеси с углями и обожженой глиной. Из заполнения ямы происходят: цилиндрический замок, наконечник бронебойной стрелы, стеклянная вставка от перстня.

Яма 5. Прямоугольной формы (1х1,3 м), углублена в материк на 0,16—0,22 м. В заполнении найдены гвозди, керамическая посуда и головка мака.

Как видно из описания, объекты богаты на вещевой материал, особо интересны вещи, связанные с ремесленной деятельностью людей, проживавших на данной усадьбе. Из заполнения постройки 2 происходят различные костяные заготовки, обточенные трубчатые кости, 3 спила рога оленя, 2 незавершенных крестика (без отверстий) из пестрого корсунского мрамора, несколько брусков-заготовок для крестиков из такого же мрамора и шифера, 2 брусочка янтаря. Большинство медных предметов, найденных в постройке, после очистки оказались обрезками медного листа, встречено и одно целое изделие из такого же материала: это накладная поясная бляшка квадратной формы с тисненым орнаментом. Наружная сторона бляшки позолочена. Аналогичные поясные накладки, но из позолоченного серебра, найдены в 1969 г. в погребении мужчины у Спасского собора, а также среди предметов киевлян, погибших в 1240 году в Десятинной церкви (Каргер М. К., 1958). В одной из ям найдена трапециевидная орнаментированная бляшка из биллона. Как инструменты для резьбы могли использоваться железные 4-х гранные иглы, возможно, использовавшиеся как шила и резец, напоминающий по форме лезвие узкой стамески. На анализе вещевого материала базируется и датировка объектов.

Керамический комплекс определяется 2 пол. XIII—XIV вв., по аналогиям из Новгорода-Северского, Киева, Пскова, Изборска, белорусских и вятичских городов. Из индивидуальных находок показательны: цилиндрический замок, совмещающий признаки замков типов ВП и Г (по Колчину Б. А.), контрольный штифт и предохранительный щиток. Замки типа ВП датируются 90-ми гг. XII — нач. XV вв., типа Г-1240 г. — 1 пол. XV в.; ключ от цилиндрического замка (подобные ключи и замки не выделены в отдельный тип, но аналогичные находки встречаются на севере Черниговской земли в слоях XIII—XIV вв.). Часть топора с опущенным лезвием, переходного вида (по Колчину Б. А.) 2 пол. XII — сер. XIII вв., но на Украине подобные орудия встречались еще в XVII в.; двухсторонний наборный гребешок типа 3 (по Колчину Б. А.) датируется 50-ми гг. XII — концом XIII вв.; наконечник бронебойной стрелы — аналогичный найденному на поселении Озаровичи в слоях XIII—XV вв. (Беляева С. А., 1982).

Стеклянные браслеты, найденные на раскопе, также имеют существенные различия с домонгольскими; практически отсутствуют украшения, которые могли быть изготовлены лишь в Киеве и городах Причерноморья. Подавляющее большинство браслетов изготовлено из стекла, аналогичного стеклу поливы керамических сосудов Чернигова и Любеча, имеют простую профилировку и малую толщину. Такие украшения могли производиться в Чернигóве.

Расположение усадьбы у стен княжеского двора также помогает уточнить ее датировку. При функционировании двора, как крепостного сооружения, территория за пределами рва, на которой стоит усадьба, держалась незастроенной. За время существования "Верхнего Замка" этот участок застраивался дважды: в XIII—XIV вв. и в XVII—XVIII вв. Впервые жизнь на княжеском дворе прерывается после татаро-монгольского погрома 1239 г. и возобновляется лишь при Витовте в середине XIV в. Наиболее поздние домонгольские слои содержат фрагменты фаянсовой иранской посуды под бирюзовой глазурью, датируемой XIII в., плинфу типа Пятницкой церкви (рубеж XII—XIII вв.). Дата следующего периода жизни на "Верхнем Замке" определяется кладом пражских грошей XIV — нач. XV вв. (Коваленко В. П., Козубовский Г. А., 1993 г.). Вещевой комплекс княжеского двора и усадьбы существенно различается, что, вероятно, связано с некоторым разрывом во времени их существования. Усадьба, по-видимому, существовала между сер. XIII и нач. XIV вв. Внутри этого периода прослежено несколько строительных этапов. Наиболее ранней является постройка 2, но даже материалы ее нижних слоев отличны от вещей начала XIII в. с "Верхнего Замка". Следующей возведена постройка 3, а наиболее поздняя постройка — 1, сооруженная уже после прекращения существования Постр. 2 и 3, над которыми отложился культурный слой с аналогичной постр. 1 керамикой.

Таким образом, незастроенная часть черниговского детинца в сер. XIII в. занимается усадьбой горожанина-ремесленника, возможно, перешедшего сюда, под защиту городских стен, из посада. Существовала усадьба, вероятно, на протяжении 50—70 лет; мастера, проживавшие на ней, были специалистами широкого профиля: они производили различные изделия из кости — рукоятки для инструментов, гребешки, предметы из камня — крестики, возможно, украшения из янтаря, поясные наборы; не исключено, что найденные здесь пряжка и створка энколпиона изготовлены теми же мастерами; возможно, проживавшие здесь ремесленники имели отношение к производству стеклянных изделий. Все это говорит о высоком уровне ремесла в Чернигове после монгольского времени.

Р. В. КЛЯНИН (Венев)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС С ЛЕТОПИСНОГО ГОРОДА КОРНИКЕ

На юге Веневского района, при впадении р. Корничка в р. Шат расположено городище "Городок", известное в литературе с XIX в. Городище состоит из двух укрепленных площадок — "Городки" и "Старое дворище". Непосредственно к укреплениям примыкают семь синхронных по времени поселений древнерусского времени, образующих единую площадь заселения ок. 30 га. Данный археологический комплекс отождествляется с летописным городом Корнике, упомянутым в конце XIV в. в числе рязанских городов в "Списке русских городов дальних и ближних".

В 1989—1990 гг. на восточной периферии памятника проводились охранные археологические исследования. В ходе работ были исследованы остатки двух усадеб XII — нач. XIII вв. и целый ряд хозяйственных комплексов. Исследованные объекты не носили следов разорения и пришли в запустение естественным путем. Исключение составляет хозяйственная постройка, типа полуземлянки, прекратившая свое существование в результате пожара. Близлежащие, синхронные по времени сооружения следов пожара не имели. Поэтому можно сделать вывод, что пожар носил случайный характер.

Постройка была сориентирована по линии запад-восток и имела в плане подпрямоугольную форму, размером 5х3,5 м. С западной стороны к котловану постройки примыкает вход с земляными ступеньками, размером 1,5х1,8 м. Максимальная глубина сооружения 1,2 м. Заполнение ямы — темно-серый гумусированный суглинок с вкраплениями угольков. На дне котлована, у стены, расположенной против входа, было обнаружено 8 развалов сосудов и большое количество фрагментов керамики, которые после камеральной обработки дали еще 7 целых форм и верхнюю часть большого горшка. Разрозненного керамического материала практически не осталось. Вещевой материал представлен фрагментом косы-горбуши и половинкой удил. С обеих сторон от входа в сооружение дно постройки было покрыто слоем обугленных зерен.

Анализ зерна, проведенный Н. А. Кирьяновой (ИА РАН), показал наличие таких культур, как кормовые бобы, ячмень, овес, рожь, просо и трех сортов пшеницы (мягкая, карликовая и полба). Все культуры характерны для памятников древнерусского времени. Интерес вызывает тот факт, что все злаки яровые.

Для реконструкции постройки немаловажное значение имеют остатки обугленных конструкций, расположенных по периметру котлована. Значит стены постройки были укреплены срубом из плах. Дно было земляным. Крыша, вероятнее всего, односкатная, т. к. столбовых ямок в сооружении не обнаружено. Характер расположения керамического материала показывает наличие на противоположной от входа

стене полки, на которой стояли горшки, рухнувшие во время пожара на пол. По обеим сторонам от входа в сооружении стояли мешки с зерном. Просо и бобы хранились в горшках, т. к. локализация этих зерен совпадает с развалами сосудов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что исследованная нами постройка являлась хозяйственной и предназначалась для хранения продуктов, в том числе и зерна.

Керамический материал, как было сказано выше, дал 15 целых форм (14 горшков и 1 миска) и верхнюю часть большого горшка. На основании сопоставления донных клейм установлено, что 8 сосудов принадлежат одному мастеру. Все эти сосуды различных объемов имеют хорошо проработанную шейку, оформление венчика типа подрез и линейную орнаментацию. Возможно, этому мастеру принадлежат еще два сосуда с утраченными донными частями.

При сопоставлении соотношений объемов сосудов к их высоте все горшки укладываются на одной кривой графика. Исключение составляет миска и один горшочек с двумя ручками и оформлением венчика таким образом, что из него нельзя полностью вылить содержимое.

Горшки на кривой графика распределены не равномерно, а с интервалом, который имеет наименьшую величину в начале кривой. При переводе объемов из литров в четверти, обращает на себя внимание кратность этой меры. Объемы горшков имеют следующие размеры: 1 горшок — 1/8 четверти, 1 — 1/4 четверти, 3 — 0,5 четверти, 2 горшка по четверти, 3 по 1,5 четверти, 2 по две четверти, 2 по 2,5 четверти. Причем сосуды объемом в 1, 1,5 и 2 четверти, изготовленные одним мастером, совпадают в объемах с изделиями других мастеров.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод об определенной стандартизации керамической тары в период раннего средневековья. Но для столь категоричного вывода необходимо обобщение более многочисленного материала.

А. И. РАЗДОРСКИЙ (С.-Петербург)

О ВОЗНИКНОВЕНИИ КНЯЖЕСКОГО СТОЛА В КУРСКЕ

Первое косвенное упоминание о курском княжеском столе содержится в статье 1095 г. "Повести временных лет": "В се же время приде Изяславь, сынь Володимерь, ис Курска к Мурому".

В исторической и краеведческой литературе по традиции, еще с XVII в. Изяслав Владимирович часто называется первым курским князем. Возникновение княжеского стола в Курске в этом случае, как правило, приурочивается к концу XI в. В конце XIX в. курский краевед И. Чеканов высказал предположение о том, что курский княжеский стол возник в 1093 или 1094 г. (См.: Чеканов И. Очерки церковно-политической истории Курского княжества // Прибавление к Кур-

ским епархиальным ведомостям. Ч. неофиц. 1892. № 44. С. 727—729.). Позднее А. А. Танков относил это событие к 1094 г., но, как и его предшественник, никак не аргументировал такой вывод (Танков А. А. Историческая летопись Курского дворянства. Т. 1. М., 1913. С. 7). Встречается также мнение о более ранней дате возникновения княжеского стола в Курске. Так, в комментарии к "Поучению Владимира Мономаха" Д. С. Лихачев отметил, что в результате восстания в Киеве в 1068 г. и нападения половцев Всеволод Ярославич ушел в Курск на княжение (Повесть временных лет. Ч. 2. М.-Л., 1950. С. 439—440). Полагаем, что вынужденное и непродолжительное пребывание Всеволода в Курске не следует понимать как "княжение" и рассматривать его как создание нового княжеского стола, ибо в это время Всеволод продолжал оставаться переяславским князем (во всяком случае нам ничего не известно о занятии Переяславля кем-нибудь из родственников или союзников Всеслава Полоцкого) и владеть огромными земельными владениями не только на юге, но и на северо-востоке Руси. И. М. Ивакин высказал гипотезу о том, что Олег Святославич получил Курск после 15 июля 1077 г. в качестве компенсации за Владимир-Волынский. (Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 145, 159—160). Данное предположение противоречит "Повести временных лет": по ней Олег после того, как он был выведен из Владимира-Волынского "бе у Всеволода Чернигове". 10 апреля 1078 г. он бежал в Тмутаракань.

Кто же мог быть первым курским князем? Согласно "Житию Феодосия Печерского", сообщающему достаточно подробные сведения о Курске 30-х—40-х гг. XI в., город в это время управлялся "властелином". Здесь, очевидно, надо говорить о посаднике киевского князя, а никак не о собственном князе.

По "ряду " Ярослава Курск после 1054 г. вошел в состав Переяславского княжества, и эта точка зрения в настоящее время является господствующей в отечественной историографии. Ни Всеволод Ярославич (как отмечалось выше), ни два его сына — Владимир Мономах и Ростислав — в самом Курске никогда не княжили. У Ростислава, погибшего в 1093 г., детей не было, поэтому первым курским князем мог быть только кто-либо из сыновей Мономаха. Старший Мономашич — Мстислав — еще отроком в 1088 г. был послан княжить в Новгород Великий, а в 1093 г. переведен оттуда в Ростов. Однозначно не могли занимать курский стол до Изяслава и самый младший сын Мономаха, Андрей, родившийся в 1102 г., и, судя по всему, Юрий, который родился в 1090 г. (по Татищеву) и около 1095 г. был послан княжить в Ростов. Представляется маловероятным княжение в Курске до 1095 г. и остальных их братьев, т. к. они были тогда еще слишком молоды (Ярополк, бывший, по-видимому, третьим сыном Мономаха, по сведениям Татищева, родился в 1082 г.). Они появляются на

политической арене лишь с сер. 90-х гг. XI в. По-видимому, только второй сын Мономаха — Изяслав, родившийся приблизительно в 1077 г. (о дате его рождения см.: Ивакин И. М. Указ соч. С. 295) и являвшийся к сер. 90-х гг. уже взрослым человеком, самостоятельно участвовавший в походах и сражениях, и мог быть первым курским князем.

Наиболее вероятной датой возникновения курского княжеского стола является, по нашему мнению, 1094 или 1095 г. В 1094 г. пришедший из Тмутаракани Олег Святославич с помощью половцев изгнал из Чернигова Мономаха, княжившего в нем с 1078 г. Последний был вынужден уйти на княжение "на стол отень" — в Переяславль . В следующем году между Мономахом и Олегом встала "ненависть". Надо полагать, что с потерей Чернигова неизбежно ослабевал контроль Мономаха над стратегически важным для него в борьбе с Олегом Курским Посемьем, которое по своему географическому положению тяготело больше к Чернигову, чем к Переяславлю. Обладание этой территорией было в равной степени важно как для Олега, так и для Мономаха. Через Посемье проходили водные пути, связывающие Чернигов с портом на Азовском море — Тмутараканью, откуда пришел Олег, а Переяславль — с ростово-суздальскими владениями Мономаха. Кроме того, через Посемье, граничившее на значительном протяжении со степью, могли легко проникнуть на Русь половцы — союзники Олега. Представляется весьма вероятным, что уже тогда Олег вынашивал планы отторжения Посемья от владений Мономаха. Думается, что неспроста в сентябре 1096 г., обращаясь к находившемуся в Муроме Изяславу, Олег предлагал ему уйти из города, но не обратно в Курск, а в Ростов. В пользу данного предположения говорит также и то, что после завершения войны с Мономахом Олег получил-таки Посемье (возможно, после Любечского съезда 1097 г.). Впоследствии, в первой половине XII в., как известно, потомки этих князей — Мономашичи и Ольговичи — вели почти непрерывную борьбу за Курск и Посемье. В сложившейся в 1094 г. ситуации Мономах, вероятно, стремился укрепить свои позиции в Посемье посылкой в Курск на княжение своего сына. Тем самым не только решалась задача наделения подросшего сына волостью, но и отрезались от Олега Тмутаракань и половецкие степи.

Изяслав оставался в Курске, по-видимому, до 1096 г., когда он оставил его и совершил поход на Муром. И. М. Ивакин приурочивает это событие к июню 1096 г. (Указ. соч. С. 306). К этому времени Олег уже бежал из Чернигова, и соответственно у Мономаха отпала необходимость держать в Курске сына, более того — появилась возможность занять Муром. Эта акция, по нашему мнению, преследовала цель проложить "коридор" между северными и южными владениями Мономаха. В письме к Олегу Мономах отрицает свою причастность к захвату Мурома и в качестве инициаторов похода называет дружину Изяслава. Однако в труде В. Н. Татищева есть

сообщение о том, что Мономах приказал Изяславу занять этот город (Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. М.-Л., 1963. С. 104). Данное известие представляется, на наш взгляд, более правдоподобным. Трудно допустить, что Изяслав мог предпринять столь ответственное предприятие, как поход на чужую волость, без согласования с отцом, тем более что оно, без сомнения, было на руку Мономаху.

В труде Татищева сообщается также, что Изяслав в 1095 г. княжил в Смоленске, сменив там своего брата Мстислава, ушедшего в Ростов. Трудно сказать, насколько эти сведения точны. В других источниках нет никаких известий о княжении обоих Мономашичей в Смоленске в это время. Но если даже допустить, что эти сведения соответствуют истине, в любом случае княжение Изяслава в Смоленске было недолгим — к моменту своего выступления на Муром он уже вернулся в Курск.

Возникнув под влиянием совершенно определенных политических факторов (необходимость в усилении контроля Мономаха над Посемьем после занятия Чернигова Олегом), курский стол на какое-то время прекратил свое существование тотчас же, как только эти факторы перестали действовать.

В. В. ЕНУКОВ (Курск)

КУРСКОЕ КНЯЖЕНИЕ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

В середине XIII в. Русь попадает под власть монголов. Вопрос о характере этой власти является весьма дискуссионным, при этом различные исследователи обычно дают картину ордынского ига в рамках крупных земель (Южная Русь, Северо-Восточная Русь и т. д.) или всего государства в целом. Несомненно, выявление общих тенденций необходимо, однако при этом теряется богатство, многообразие процесса. В настоящей работе предпринята попытка проследить судьбу после нашествия Батыя одного из уделов Чернигово — Северской земли — Курского княжения.

В XII — 1-й пол. XIII вв. Курское княжение занимало обширную территорию, восточная граница которой проходила по верховьям Сейма, северная — в районе Крома, западная — между Рыльском и Путивлем, южная включала Донец. Накануне монгольского вторжения курский стол был вторым по значимости после Чернигова, потеснив Новгород-Северский. Курское княжения, в свою очередь также состояло из уделов с младшими по отношению Курска столами (Рыльский, Липовечский, возможно, Воргольский).

По сообщению А. М. Щекатова (1801 г.), Курск был захвачен монголами в 1237 г., что является явной ошибкой. Город мог быть взят только в конце зимней компании, уже при движении кочевников в степи, т. е. не ранее 1238 г. Однако такому варианту противоречит топография кладов (Корзухина Г. Ф., 1954). Вероятнее всего, княжение подверглось набегу в 1239 г., когда часть войск завоевателей шла по Сейму на Чернигов.

С возникновением Золотой Орды начинается процесс создания системы, итогом которой должна была стать политическая и экономическая зависимость Руси от монголов. Захватчики активно использовали методы террора как массового (карательные и грабительские набеги), так и индивидуального (убийство неугодных князей). Первый инцидент подобного рода относится еще к 1241 г., когда был убит рыльский князь Мстислав Святославович. В 1245 г. был казнен его сын Андрей. По сообщению папского посланника Плано Карпини, посетившего Орду в сер. 40-х гг. XIII в., Андрей по доносу был обвинен в угоне и продаже монгольских лошадей. Несмотря на отсутствие доказательств, участь рыльского князя была решена. Младший брат казненного с вдовой приехали просить Бату оставить за ними удел. Хан дал свое согласие, однако силой принудил жениться деверя на своей невестке. Таким образом, монголы активно вмешивались в дела столонаследия, физически убирая неугодных лиц.

Тем не менее, рыльская ветвь Ольговичей существует на протяжении всего XIII в. Трагичнее сложилась судьба старших, курских князей. Сведения о них в летописях отсутствуют, однако в Любечском синодике упомянут ряд курских князей, имена которых помещены в следующем хронологическом порядке: Георгий, его сын Георгий Георгиевич, Дмитрий с княгиней Феодорой и их сын Василий с женой Анастасией. В литературе их однозначно относят к потомкам Игоря Святославича северского, но степень родства между последним известным по летописям курским князем Олегом (упомянут под 1223, 1226 гг.) и Георгием-отцом, Георгием-сыном и Дмитрием определить трудно (отец и сын? братья?).

Особый интерес представляет приписка, связанная с именем Василия: "убитаго от Татар". Когда мог быть убит Василий? В литературе распространено мнение, что в 1278 г. (в этом году Курское княжение было подчинено всесильному темнику Ногаю, создавшему свое, автономное от Орды, государство). Однако гораздо вероятнее, что в 1275 г., под которым помещено сообщение Симеоновской летописи: татары, идя на помощь Льву Галицкому, разграбили Курское княжение, а, возвращаясь, "того злее створиша", устроив настоящий погром "около Курьска".

Под 1283—84 гг. в летописях имеется рассказ о "злохитром" баскаке Ахмате. Сразу следует оговориться, что описываемые события, по справедливому замечанию А. Н. Насонова, должны датироваться 1287—1290 гг. Анализ рассказа позволяет полагать о наступлении с захватом Ногаем Курского княжения нового этапа в отношениях с монголами, что выражалось в их гораздо более активном вмешательстве в дела региона. Посаженный на баскачество Ногаем Ахмат, "откупивший у Татар дани всякиа", творил "велику досаду" князьям и "всем людемь". В качестве опорных пунктов он использовал две специально организованные слободы, которые располагались

неподалеку от Курска, на месте древнерусского города Ратуна, и около современной деревни Лебяжье. В слободах проживало торгово-ремесленное население и наемные воины.

Удельные князья Олег рыльско-воргольский и Святослав липовецкий попытались использовать сложившееся в Орде двоевластие. Заручившись поддержкой хана Тулабуги, они разогнали слободы, однако Ахмат привел от Ногая карательную рать. Последовало новое разорение Курской земли. В дальнейшем Олег и Святослав, вероятно, не без помощи татар, поссорились и погибли в междоусобицах.

В описанных событиях Курское княжение, несмотря на то, что курская династия прервалась, выступает как единое целое, что подчеркивается в летописях, причем в Никоновской говорится даже о "великомь княжении Курскомь". Однако княжение вскоре расчленяется татарами на несколько податных образований, а татарское "присутствие" существенно расширяется, что и составляет сущность третьего этапа в отношениях с Ордой.

В XIV в. в летописях отсутствуют сведения о Курске, за исключением упоминания в "Списке русских городов дальних и ближних". Однако интересующие нас сведения содержатся в ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду (1507 г.). Среди дарованных во владение перечислены: Курская тьма, Рыльск, Ратно, Донец "зъ выходы и данми, с зъ землями и водами". Где-то поблизости располагалась "Сараева сына Егалтаева" тьма, которую Ф. Петрунь полностью, а В. В. Мавродин частично отождествляли с Курской тьмой. Против этого возражал А. Н. Насонов. Действительно, при перечислении податных единиц не могло быть территориальных накладок. В росписях польских дорог времен Федора Ивановича упоминается Яголдаево городище, которое, по описанию, располагалось на Осколе. Таким образом, Егалтаеву тьму следует локализовать к юго-востоку от Курской.

Перечисленные податные формирования, располагавшиеся на курских землях, могли существовать только с 90-х гг. XIII в. до 1362 г., когда Курское Посеймье отошло к Литве. Косвенно эта дата подтверждается данными нумизматики.

Упоминавшиеся ахматовы слободы, судя по археологическим материалам, в основном функционировали в рамках XIV в. Особого внимания заслуживает слобода Ратун. Она превращается в крупнейший ордынский центр, расположенный в пределах древней Руси. Городище-детинец в это время не использовалось, однако два других структурных элемента предшествующего города — окольный град (поселение 1) и посад (поселение 2) — продолжали существовать. Поселение 1 (13 га) имело в плане трапециевидную форму, ограниченную укреплениями в виде вала и рва. Площадь примыкавшего к нему неукрепленного поселения 2 составляла 11 га. Многочисленные находки красноглиняной и поливной керамики, а также монеты, свидетельствуют о проживании в Ратуне, наряду с русским, представительного в количественном отношении ордынского населения.

Накопленные на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод о том, что на протяжении около 120 лет, до прихода Литвы, Орда активно наращивала свое влияние на крайнем пограничье Руси — курских землях, — что выражалось как в совершенствовании податной системы, так и в организации особых поселений.

А. М. ПРОКОПЕНКО (Брянск)

ВКЛАДНЫЕ КНИГИ БРЯНСКОГО СВЕНСКОГО УСПЕНСКОГО НОВОПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ РЕДАКЦИИ 1649 И 1699 ГОДОВ

Одна из вкладных книг Брянского Свенского монастыря хорошо известна по публикации рукописи, хранившейся в фондах Орловского церковно-археологического музея, осуществленной В. С. Арсеньевым (Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4, СПб., 1911). Еще ранее эта вкладная книга была подробно описана в статье И. Е. Евсеева, напечатанной во II т. "Сборника Орловского церковно-археологического общества". В целом, И. Е. Евсеев вполне справился с поставленной задачей описания рукописи, дав сведения не только о внешних и палеографических особенностях вкладной книги, родах вкладчиков, но и приведя полностью текст статей с царскими вкладами. Работу же В. С. Арсеньева трудно признать удовлетворительной. Продублировав уже осуществленную своим предшественником публикацию царских вкладов, Арсеньев опубликовал, в соответствии с текстом рукописи, только вкладные записи рода Захарьиных — Юрьевых, кн. Трубецких, Годуновых, Комыниных и Мозолевских. Остальные вкладные статьи (более 160-ти) приведены сокращенно, с опусканием многих элементов формуляра вклада, как правило с указанием лишь даты вложения и имени вкладчика. Последнее обстоятельство, несомненно, значительно умаляет ценность публикации, что заставляет обратиться к подлиннику рукописи вкладной книги.

Согласно описанию Евсеева, орловский список вкладной книги Свенского монастыря был скопирован в 1699 г. с более ранней рукописи 1649 года, составленной при игумене Иакове, которая послужила для него протографом. К сожалению, судьба списка ред. 1699 г. нам не известна, поэтому рукопись вкладной книги из фондов РГАДА (ф. 1200. оп. 1, № 2), приобретает приоритетное значение, т. к. является ничем иным, как списком ред. 1649 г., что подтверждается указанием в тексте ее предисловия.

Вкладная книга ред. 1649 г. — в 2о, (30,4х19,7), написана на бумаге, на 286 лл., скоропись XVII — нач. XVIII ст. разных почерков, кожаный переплет 1885 г. Текст списка разбит на статьи, соответствующие главам рукописи — записи вклада или группы вкладов, с тенденцией придания записям пофамильного и хронологического характера. Самый ранний вклад зафиксирован в 1544/45 г., самый

поздний приходится на 1714 — последний год функционирования книги. Обилие записей за XVI в. указывает на существование протографа списка ред. 1649 г., до нас не дошедшего. Формуляр вкладных записей включает следующие элементы: дату вклада, название монастыря, имя и социальное положение вкладчика, имя лица, по которому осуществлен вклад, степень родства, причины и состав вклада, обязанности монастыря по отношению к вкладчику — установление дней поминовения, кормов для братии, характер поминального богослужения, фиксация имени вкладчика в монастырских синодиках. Впрочем, количество элементов формуляра колеблется в зависимости от значимости имени вкладчика и весомости вклада.

Категории вкладчиков Свенского монастыря весьма разнообразны по своему социальному положению. Следом за вкладами царей — Ивана IV, Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича 1560/61—1651 гг., мы встречаем вклады представителей I / боярских и княжеских фамилий: Захарьиных-Юрьевых, вклады 1553/54—1566/67 гг., кн. Трубецких, 1562/63—1629/30 гг., кн. Воротынских, 1640/41 г., кн. Мстиславских, 1564/65—1620/21 гг., Сукиных, 1567/68, 1579/80 г., кн. Засекиных, 1561 г., кн. Серебряных-Оболенских, 1550/51 г., Салтыковых, 1571/72—1640/41 гг., кн. Мосальских, 1586/87 г., Годуновых, 1600/01 г., кн. Мещерских, 1623—1699 гг., кн. Шуйских, 1636 г., кн. Щербатых, 1620/21 г.; II/ дворянских дворов: Похвисневых, вклады 1624—1701 гг., Микулиных, 1556/57—1631 гг., Комыниных, 1561/62—1668 гг., Урывковых, 1628—1686 гг., Тютчевых, 1566/67—1683. гг., Толочановых, 1569/70—1660 гг., Безобразовых, 1559/60—1682 гг., Исуповых, 1599—1693 гг., Зиновьевых, 1571/72—1697 гг., Воейковых, 1615 г., Толбузиных, 1634—1674 гг., Неболсиных, 1561/62—1699 гг., Тургеневых, 1598—1606/07 гг., Алимовых, 1623—1696 гг., Брусиловых, 1639/40, 1686/87 гг., и многих других; а также вклады III/ высших церковных иерархов, черного и белого духовенства; IV/ приказных подьячих, стрельцов, брянских пушкарей, торговых и посадских людей, монастырских слуг, крестьян вотчин Свенского монастыря, а также сел и деревень Брянского уезда.

Большинство вкладчиков — дворяне и дети боярские Брянска и Брянского уезда, некоторые, впрочем, числились столичными дворянами, и занимали определенное положение при царском дворе. Многие из них составляют устойчивую группу вкладчиков, на протяжении многих десятилетий тесно связанных с монастырем. Они же, как явствует из записей вкладной книги, имели родовые некрополи на территории монастыря, погребались в монастыре, совершая богатые вклады на поминовение души. Постатейный и хронологический принцип построения вкладной книги ред. 1649 г., позволяет исследователям в области генеалогии брянского дворянства XVI—XVII ст., проследить представителей того или иного рода на протяжении 100—

120 лет, и даже составить родословные росписи многих фамилий. Особенно ценны, в данном случае, следующие сведения: даты кончины, отношения родства, генеалогические сведения по женской линии, зачастую отсутствующие в других источниках.

По своему составу вклады можно разделить на три основные группы — земельные, имущественные, денежные. Если земельные вклады представляют малочисленную группу, что связано с политикой правительства по ограничению монастырского землевладения, то имущественные и денежные пожертвования составляют основной процент вкладов. Имущественные вложения отличаются своим разнообразием. Здесь мы встретим, наряду с предметами обычного обихода (одеждой, посудой и пр. домашним скарбом), предметы культового назначения — иконы, церковную утварь, священнические облачения, с подробным их описанием. Очень интересны вклады рукописных и печатных изданий богослужебных книг, некоторые, по оформлению, представляли богатые экземпляры. В дворянской среде были распространены вклады предметами вооружения и конского снаряжения. Например, обычный набор вклада на пострижение или погребение дворянина, состоял из коня с седлом, попоной и уздою, "самопала", саадака, "пансыря", "шапки железной", сабли булатной, пары "пистолей". Зачастую, оружие и конская сбруя были богато инкрустированы серебром.

Группа денежных вкладов разнится своим количеством. Большинство их — от одного до 25—30 рублей, но встречаются и крупные вложения — до 700 рублей и более. Специалистам по нумизматике и денежному обращению будут небезынтересны сведения о вкладах "золотыми червоными", "битыми ефимками", с их эквивалентом в рублях, а также серебряными рублями в период кризиса денежной системы сер. XVII ст. Обычные вклады зерном, домашним скотом, лошадьми интересны указанием их стоимости, что дает информацию о движении цен в Брянском уезде за период более чем в полтора столетия, начиная с середины XVI в. Необходимо отметить также группу вкладов целевого назначения — на постриг, на погребение, на украшение, ремонт и строительство храмов в вотчинах монастыря, на украшение чудотворной иконы Богоматери Свенской Новопечерской, на отливку колоколов.

При сличении текста вкладной книги ред. 1649 г. и опубликованного списка ред. 1699 г., выяснилось, что последний, скорее всего по вине переписчика, изобилует ошибками в датировках вкладов. Кроме того, в большинстве случаев вклад отмечен лишь годом, без указания числа и месяца, что в переводе на наше летосчисление дает дробную дату. Вкладная книга ред. 1649 г. помогает устранить ошибки и скорректировать даты вложений. В целом же, судя по опубликованным статьям текста, список ред. 1699 г. копировал дословно вкладную книгу 1649 г., однако с некоторыми перестановками вкладных статей,

что объясняется, по всей видимости, общественным положением того или иного дворянского рода на кон. XVII в. Так, в списке ред. 1699 г. за вкладами царей и представителей боярско-княжеской аристократии помещены вкладные записи рода Комыниных, выдвинутых, таким образом, на первое место из числа вкладчиков монастыря.

Вкладная книга Брянского Свенского монастыря редакции 1649 года, помогающая в полном объеме устранить недостатки публикации списка редакции 1699 года, включает в себя ценные материалы по истории и культуре России сер. XVI — нач. XVIII вв. и служит источником для освещения различных сторон экономики, быта, духовной жизни Свенского монастыря, а также церковной и светской истории Брянска и Брянского уезда.

А. М. ДУБРОВСКИЙ (Брянск)

СЕВЕРСКИЙ КРАЙ ПОСЛЕ СМУТЫ: УПАДОК И ВОЗРОЖДЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА

Северский край (Севера) отразил в своем названии наименование славянского племени северян. В XVII в. его земли тянулись вдоль границ Польско-литовского государства на западе и Дикого поля на юге и востоке. Брянск считался крайней северной точкой этой территории.

Гражданская война в начале столетия, как известно, была вооруженной антиправительственной борьбой, в ходе которой из разных малообеспеченных слоев населения в центре страны сформировалось "вольное казачество" с особыми требованиями и войсковой организацией.

На юге страны — основной базе восставших — война всколыхнула широкие массы населения. Вожди восставших (Лжедмитрий I, Болотников, Лжедмитрий II и др.) обычно обращались к разным слоям населения с призывом к участию в борьбе, уводили с собой наиболее мобильные и готовые к военным действия элементы.

В течение 12 лет с максимальными перерывами в 2 года большой урон Северскому краю наносили военные действия правительственных войск, "вольных казаков", поляков и литовцев. В результате войны очень серьезно пострадали города и их округи — главные районы военных действий. Исчез посад в Брянске, совершенно разрушен был Карачев. Были разгромлены помещичьи усадьбы. Особенно тяжело отразилась война на крестьянстве и крестьянском хозяйстве. Накануне Смуты сельские поселения русских юго-западных уездов отличались большими размерами. В селах, деревнях и починках стояли "меленки колотовки". Повсюду была распространены "бортные ухожьи", поэтому основной повинностью крестьян Свенского монастыря был "медвяный оброк". Война привела к падению коли-

чества населения. В некоторых местах доля запустелых и выморочных дворов составила 51%. Выросла доля бобыльских дворов по сравнению с долей дворов крестьянских, что свидетельствовало об обеднении жителей сел и деревень. До Смуты, в отличие от центральных и северо-западных уездов России, юго-западный край не знал запустения пашен. Наоборот, притекавшее сюда население включалось в земледельческий труд и увеличивало площадь обрабатываемых земель. После Смуты обстановка резко изменилась. Описания подеснянских сел и деревень в 1620-х гг. отмечали перелог и поросшую лесом пашню едва ли не в каждом населенном пункте.

"От литовской войны и русских воров" крестьяне уходили большими группами в другие, более спокойные и менее разоренные места. Нередки были случаи разбойничества, которым занимались на дорогах мелкие служилые люди (дети боярские). После некоторого затишья (1619—1630 гг.) в связи со Смоленской войной Северский край снова оказался в сфере военных действий. Шла борьба за Трубчевск и Севск. В Комарицкой волости набирали крестьян для обороны городов, а те уходили в леса, в другие уезды, что наносило ущерб возрождению края. Осенью 1633 г. в районе боев началось движение крестьян и казаков под предводительством Балаша. Из-под Рославля балашовцы приходили в Брянский уезд и захватывали у местных крестьян хлеб, сено и скот. В 1637 г. в юго-западные уезды вторглись татары. После перерыва их набеги возобновились с 1642 г. Литовский и русский полон, который татары гнали в свои земли осенью 1644 г., равнялся трети их собственного войска. Постоянная угроза вражеских набегов затрудняла хозяйственное возрождение края, замедляла рост населения и его равномерное распространение по территории юго-западных уездов.

Правда, крепостнический режим в Северском крае существовал в это время в смягченных формах. Большое количество свободных земель, близость литовского рубежа, слабость местных властей создавали возможность ухода от помещика крепостного крестьянина. В таких случаях крестьяне заранее узнавали условия жизни в тех местах, куда был намечен переход, и двигались туда семьями на своих лошадях со всем движимым имуществом. Помещик практически не мог этому помешать. Иной раз у таких помещиков уходившие крестьяне уводили скотину, забирали зерно, сманивали дворовых людей. В такой обстановке помещики были вынуждены придерживаться традиционных форм оброка, не истощать крестьянское хозяйство.

В 1630—1640-х гг. из-за обострения национальных и социальных, а также религиозных противоречий на Украине, находившейся под властью Польши, оттуда пошел поток переселенцев в Северский край. Порой группы выходцев с Украины достигали нескольких тысяч человек. Миграционный поток усиливался в годы неурожаев в Поль-

ско-литовском государстве. Передвижение населения благоприятствовало заселению пустовавших до тех пор дворовых мест и распашке заброшенных и поросших лесом земель.

В целом обстоятельства, в которых протекало возрождение хозяйственной жизни в юго-западных уездах России, нужно признать довольно сложными, по-разному влиявшими на темпы этого возрождения.

Уже в 1620-х гг. на месте исчезнувших деревень появились починки. Типичной приметой возрождения были "припуски" — обработка земли на заброшенных участках крестьянами соседних сел и деревень. С конца 1630-х гг. сохранились сведения о крестьянской торговле хлебом, что являлось признаком явного подъема в сельскохозяйственном производстве. Комарицкие крестьяне вели торговлю в крупных размерах, скупали хлеб, "отъезжаючи в Севском и Рыльском уездах". Обычно крестьяне юго-западных уездов отправлялись для торговли "в Стародуб к ярмонке к Десятой Пятнице" и в другие центры ярмарочной торговли. К середине XVII в. в среднем течении Десны сложился крупный район по производству зерна. Важнейшей базой торговли хлебом была Комарицкая волость.

Когда же хозяйство крестьян Северы было восстановлено полностью? Ответ на этот вопрос можно дать лишь приблизительный, тем более, что система расселения крестьянства за первую половину XVII в. изменилась по сравнению с той, какая была в конце XVI столетия. Можно высказать предположение, что крестьянское хозяйство Подесенья восстановилось в полной мере только к 1670-м гг., то есть позже, чем, например, на юге страны, где оно достигло прежнего уровня уже к середине века.

В. В. ГАРАНИЧЕВ (Смоленск)

"ПЛАН ОБОРОНЫ СМОЛЕНСКА" ВИЛЛЕМА ГОНДИУСА КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 1632 г. началась война между Россией и Речью Посполитой за Смоленские земли, которые отошли к польской короне по Деулинскому перемирию 1618 года. Осада же самого Смоленска, возглавляемая московским боярином Михаилом Борисовичем Шеиным, началась в декабре 1632 года. С приходом в августе 1633 г. под стены Смоленска армии во главе с только что выбранным королем Владиславом IV осада была снята, а армия Московского государства потерпела поражение.

События, происходившие в 1632—1634 гг., зафиксированы на "Плане обороны Смоленска", составленном картографами и фортификаторами армии Речи Посполитой. Офорт с изображением плана был выполнен в мастерской гравера из Гданьска Виллема Гондиуса к 1636 году.

На плане изображение местности и происходивших событий даны с высоты птичьего полета. Работа сделана живописно и с большим

мастерством. Изображенные объекты даны в объемном, трехмерном изображении. События, происходящие у стен Смоленска, представлены динамично. Представленные сцены проходившей за город борьбы описаны исследователем плана В. Гондиуса — А. Данилевским — в его "Объяснительном тексте к плану осады и обороны Смоленска в 1632 и 1634 гг." (А. Данилевский, 1904 г.).

Особый интерес для специалистов-археологов представляет изображенный на плане В. Гондиуса природный и архитектурный ландшафт Смоленска и его округи второй четверти XVII века.

На плане представлен ряд фортификационных сооружений. Это смоленская крепостная стена, а так же земляные фортификационные сооружения, в том числе построенные в период русско-польской войны 1632—1634 годов.

Изображены на плане жилые районы города, а так же храмы (в том числе XII—XIII вв.). Есть изображения руин православных церквей. Все эти сооружения точно вписаны в природный ландшафт города и его округи XVII века. Многие каменные сооружения сохранились до наших дней, и это удобно использовать для проверки точностн плана.

Можно утверждать, что план В. Гондиуса верно передает архитектурный ландшафт города, сложившийся ко второй четверти XVII века. Город раннего средневековья, расположившийся на правом и левом берегах Днепра, ко времени создания плана уже не существовал. Множество каменных построек XII—XIII вв., выявленных при археологическом исследовании города, но не изображенных на плане, были разрушены или представляли собой развалины до создания плана В. Гондиусом.

На плане есть изображение поврежденных храмов, существование которых подтвердилось при археологическом исследовании города (Н. Н. Воронин, А. П. Раппопорт; 1983 г.). Выявленные и исследованные археологами храмы раннего средневековья, не изображенные на "Плане обороны Смоленска", не содержат материалов второй четверти XVII века, что подтверждает достоверность плана.

В 1993 г. при проведении исследований отделом археологии Смоленского государственного музея-заповедника, в 0,2 км восточнее церкви Петра и Павла (изображение церкви есть на плане), материалов, датируемых ранее XVIII века, найдено не было. Нет изображения каких-либо построек и на плане В. Гондиуса.

Ряд объектов, изображенных на плане В. Гондиуса, еще не получил археологического подтверждения. В частности: не найдены каменные остатки храма, изображенного на территории Аврамиевского монастыря; не проводилось крупных исследований сохранившихся земляных фортификационных сооружений, изображенных на плане В. Гондиуса.

За пределами смоленской крепостной стены сохранились остатки земляных фортификационных сооружений, построенных в период

русско-польской войны 1632—1634 годов. Остатки этих сооружений можно проследить у развалин собора Троицкого монастыря, на правом берегу Днепра, также в месте расположения укрепленного лагеря Шеина. Изображение этих объектов есть на плане В. Гондиуса.

В настоящее время, в хорошем состоянии находятся земляные остатки небольшой крепости, изображенной в левом верхнем углу "Плана осады Смоленска" в виде четырехугольного, с бастионами на углах, сооружения. Именуется данное сооружение на плане В. Гондиуса как "Деревянный городок Московитов". Автором настоящего сообщения исследовались земляные остатки этого сооружения. В результате подтвердилась достоверность плана В. Гондиуса (В. Гараничев, 1994 г.). Исследованное фортификационное сооружение не относится к укреплениям XVIII—XIX веков (Годи, Беллер; 1802 г.). "Деревянный городок" является ярким памятником фортификации XVII века.

Археологические исследования, проводимые с использованием данных "Плана обороны Смоленска" В. Гондиуса, могут способствовать решению ряда вопросов исторической типографии города Смоленска. Данные плана В. Гондиуса можно успешно использовать для уточнения датировки исследуемых объектов.

В. Н. НЕПОМНЯЩАЯ (Брянск)

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ОПИСНЫХ РАСКОЛЬНИЧЬИХ СЛОБОД В СТАРОДУБЬЕ

Сведения о появлении первых раскольников на территории Стародубья относятся к кон. 17 в. Во время правления царевны Софьи, а потом и Петра I наблюдалось массовое бегство старообрядцев на окраинные земли Российского государства, в т. ч. и к Польским рубежам, на территорию Стародубья.

Начальство Стародубского полка поощряло заселение края. В кон. 17 в. здесь поселились, преимущественно с разрешения полковника М. Миклашевского, слободы Деменка и Митьковка, Шеломы (ок. 1700 г.), Зыбкая (1703 г.), Злынка (1702 г.), Тимошкин Перевоз (1703 г.); в 1708 г. была поселена слобода Климова полковником Скоропадским, в 1709 г. — Чуровичи есаулом Чернолузским, в 1711 г. — Ардонь и в 1714 г. — Свяцкая монахами Киево-Печерской Лавры; в 1712 г. — Млынка значковым товарищем Яковлевым. Раскольники селились на панских землях на тех же условиях, на которых селились тогда в Малороссии вообще все крестьяне. Первоначально им назначались льготные годы. В разрешении Киево-Печерского архимандрита А. Милославского на поселение слободы Ардони говорится: мы "повелели им яко вновь оседаючем людем, ради разводу господарства и строения домов своих, слободи на лет восемь; по окончании тех восьми лет, (они — В. Н.) обещалися быть верными и вечными подданными нашими... не исходячи нигде оттуда и никому из подданных наших...

не чинити не якой перешкоды...", т. е. по истечению льготных лет раскольников ждало обыкновенное закрепощение.

Стародубские слобожане в нач. 18 в. практически не были известны центральной власти. Петр I впервые узнал о них, возможно, в период военной кампании 1708—1709 гг. М. И. Лилеев пишет: раскольники "сами собою собравшись первый опыт верности ко отечеству показали. Безоружные мужики неприятеля в некоторых местах атаковали, несколько сотен побили и, живых захватя, в Стародуб к самому государю, тогда бывшему тамо, пленниками привели".

К 1715 г. относится первое правительственное распоряжение относительно стародубских раскольников, которым повелевалось брать с них денежный оклад в казну. Этому указу предшествовал целый ряд событий. В 1714 г. полковник киевского гарнизона Г. Ергопольский был послан в Стародубье для "сыску и выводу" беглых солдат и прочих великороссийских людей на прежние места жительства. Именно он "нашел" в стародубских лесах целые слободы, поселенные раскольниками. Ергопольский составил донесение, в котором указал, что они живут в пустынных местах, в лесах, утая, что поселения находятся на владельческих землях. В 1721 г. жаловались на Ергопольского Киево-Печерские монахи, будто он "взяв с них, с раскилщиков, великие взятки, и укрывая их от выводу, написал их только расколщиками ...утая наши монастырские грунта". Факт получения взяток Ергопольским не установлен. Известно только, что резолюция Петра о записи раскольников в оклад была сделана на представлении Киевского губернатора князя Голицыны о том, что "в Стародубском уезде поселены слободы... раскольники и комиссар (Ергопольский — В. Н.) пишет, что в оные слободы ехать опасен, дабы не разбежались за границу".

В феврале 1716 г. кн. Голицын отдал распоряжение "...где явятся великороссийского народу равскольщики, и оных переписать всех на лицо подворно, и кто на каких грунтах и за кем живут в подданстве, велено им жить на тех же грунтах..., а владельцам ими... отнюдь не владети, и податей с них не имати, и никакими делами не ведати, и обид им не чинити". Несомненно, именно эти распоряжения изъяли старообрядцев из числа подданных местных землевладельцев, положив начало оформлению особой сословной группы, представители которой официально именовались "обитателями описных раскольничьих слобод".

Для описи раскольничьих слобод назначен был тот же полковник Ергопольский с нарочными комиссарами от кн. Голицына и гетмана Скоропадского. В его компетенцию входило вывести из-под власти землевладельцев местных старообрядцев, которым давались права мещан, и закрепить за ними навечно и потомственно бывшие панские земли, которые отныне следовало считать собственностью слобод.

М. Лилеевым опубликован ряд документов, касающихся переписи раскольников Стародубья, в т. ч. ведомость Ергопольского "...с прошлаго 1715 по 1718 г в которых слободах сколько дворов и душ мужска пола и коликое число в год положено во взятии окладу..." Этими данными удобнее пользоваться, расположив их в виде таблицы.

Название слободы	Число дворов		Количество душ	
	окладных	бобыльских	муж.	жен.
Еленка	52	2	266	254
Воронка	43	4	188	173
Лужки	64	12	219	247
Климова	41	5	163	175
Митьковка	26	4	113	96
Деменка	14	—	80	53
Злынка	12	—	37	29
Тимошкин Перевоз	16	—	51	40
Свяцкая	20	—	75	54
Шеломы	35	—	155	140
Зыбкая	70	келей 3	267	232
Клинцы	17	1	62	44
Ардонь	15	—	136	118
Понуровка	1	—	6	7
Чуровичи	25	—	144	116

На эти слободы и еще несколько слобод Черниговского полка было положено оклада по 1519 руб. в год.

В краеведческой литературе сложилось мнение, что вывод раскольников из зависимости от местных землевладельцев является свидетельством признания их заслуг в борьбе со шведами, но факт такой "признательности" весьма проблематичен. Военно-статистическое обозрение Российской империи 1851 г. объясняет это событие, как наказание помещикам, позволившим без ведома правительства селиться на своих землях раскольникам. Этот тезис, также, если и верен, то только частично.

Бесспорно, что царь, особенно после измены Мазепы, находил удобным и полезным в политическом отношении появление в Малороссии великороссийских поселений. Кроме этого, появилась возможность получать за счет старообрядцев дополнительные доходы. Записанные раскольники облагались двойным подушным окладом. За право носить бороду положена была особая подать. Для упорядочения сбора двойного оклада и розыска укрывавшихся от его уплаты старообрядцев в 1725 г. была создана специальная раскольничья контора, состоявшая при Сенате.

Царское распоряжение 1715 г. сильно осложнило отношения старообрядцев и местных землевладельцев. Начиная с этого года, пошел поток жалоб гетману, Сенату, царю практически всех землевладельцев, на землях которых оказались описные слободы. Помещики жаловались на земельные захваты со стороны старообрядцев и просили либо выселить их со своих земель, либо подчинить бывшим владельцам, как было оговорено при заселении. Однако из всех этих просьб была удовлетворена только одна. В 1741 г. распоряжением Сената три раскольничьи слободы (Ардонь, Свяцкая, Тимошкин Перевоз) были возвращены в подданство Киево-Печерской Лавре. Прочие сохранили свой статус. Население их составляли, главным образом, мещане и купцы. Не имея большого количества пахотных земель, население занималось ремеслами, извозом, торговлей. Быстро росли купеческие капиталы. К кон. 18 в. многие бывшие раскольничьи слободы Стародубья превратились в уездные города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Верховский Т. Стародубье. Записки. Ч. 1—4 — Казань. 1874.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XII — СПб, 1851.
3. За родную землю — Брянск, 1968.
4. Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Т. 1 — Киев, 1888.
5. Лилеев М. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. — Киев, 1893.

В. П. АЛЕКСЕЕВ (Брянск)

НАСЕЛЕНИЕ БРЯНСКОГО УЕЗДА В XVII веке

Неизвестный почепский житель оставил в начале XVII в. краткую запись: "Лета 7110, 7111 (1601—1602 гг. — В. А.) глад бысть по всей земли по всему царству Московскому при благоверном царе Борисе Федоровиче всея Руси и при святейшем потриярхи Иеве, и вымерла треть царства Московского голодною смертию". Вряд ли этот почепчанин обладал точными статистическими данными о размерах постигшего страну бедствия и больше, наверное, руководствовался теми фактами, которые находил в своей местности. Каково же в действительности было количество населения на территории нашего края в те времена?

Благодаря наличию источников по Брянскому уезду XVII в. мо[жно] вые можно сделать более или менее точные статистические выводы о количестве населения и его социальном составе. Основные источники — это писцовые книги 1626 г., переписные книги 1646 и 1677 гг., сохранившиеся в полном составе и содержащие итоговые данные как по всему Брянскому уезду, так и по его двум станам и пяти волостям. Статистические данные по Брянскому уезду конца XVII в. имеются в монографии Я. Е. Водарского "Население России в конце XVII — начале XVIII века".

В состав Брянского уезда входила значительная территория, составлявшая приблизительно третью часть современной Брянской области. Брянский уезд занимал полностью территорию современных Брянского, Жуковского, Дятьковского, Рогнединского, Выгоничского, Клетнянского р-нов, а также около половины Жирятинского, Навлинского и часть Людиновского и Жиздринского р-нов современной Калужской области.

Брянский уезд делился на два стана (Подгородный, Подывотский) и пять волостей — Батоговскую, Вороницкую, Пацынскую, Хвощенскую и Прикладенскую. Наиболее населенными были Подгородный стан и Пацынская волость.

В Брянском уезде преобладало землевладение мелких дворян и детей боярских. По писцовой книге 1626 г. в уезде насчитывалось 199 помещиков, в число которых входило 2 окольничих, 4 стольника, 2 жильца, 16 монастырских дворян, 130 брянчан — дворян и детей боярских, — 27 рославцев, 6 стародубцев, 6 почепцев. Наличие выходцев из других уездов свидетельствует о последствиях Смутного времени: дети боярские из Рославля, Стародуба и Почепа, отошедших с 1618 г. к Речи Посполитой, были испомещены в Брянском уезде. К этим 199 помещикам нужно прибавить одного мещенина (выходца из Мещовского уезда), 9 недорослей, 15 вдов и 12 девок, владевших землей и обязанных выставлять людей с них для службы. Итого, общее число помещиков составляло 236. Если учесть, что средний состав мужчин в семье в то время равнялся 2,5 человекам, то общее число с детьми можно определить приблизительно в 590 человек.

В поместье за всеми этими помещиками находилось 51 с половиной село, 20 селец, 146 деревень, 4 живущих (заселенных) починка, т. е. всего 201 населенный пункт. Впрочем, нужно иметь в виду, что многие помещики владели жеребьями (долями) того или иного села или деревни. Во владении помещиков было также 118 с половиной пустошей, 7 селищ. Последние цифры являются, пожалуй, самым ярким подтверждением страшных последствий Смутного времени, так как в писцовой книге постоянно указывается, что многие из пустошей раньше были деревнями или даже селами. Таким образом, 38% всех населенных пунктов Брянского уезда пришло в запустение.

Приводятся данные о церковнослужителях. В уезде было 32 двора поповских, 13 дворов дьячков, 4 двора пономарей, один двор проскурницы, 2 кельи для нищих. От 115 церковных дворов остались пустые места. Это места от дворов попов, церковных бобылей. Конечно же, эти цифры тоже красноречиво свидетельствуют о разорениях в Смутное время. (Церкви с их ценностями и села, как более населенные пункты, чаще притягивали к себе грабителей).

К селам, расположенным на землях помещиков, нужно добавить 10 сел монастырских, в которых было 10 дворов поповских, 4 двора дьячков, 5 дворов пономарей и 2 двора проскурниciных. В погостах на государевой земле имелось 4 двора поповских, 5 дворов церковных дьячков и 5 дворов пономарей. В самом Брянске был протопоп и 5 попов, владевших землями в уезде. К ним можно добавить такое же количество дворов дьячков и пономарей.

Итого, количество дворов церковнослужителей на весь уезд можно определить в 100. Церквей же в уезде было 50. Исходя из среднего числа людей на двор между 1582 и 1646 гг. в 2,5 человека, количество мужчин церковнослужителей можно определить в 250 человек.

Помещикам принадлежало 860 крестьянских дворов, в которых проживало 1641 человек, т. е. на двор приходилось в среднем по 2 мужчины.

Помимо крестьян, имеющих лошадей и самостоятельно ведущих свое хозяйство, за помещиками насчитывалось 420 дворов бобылей, в которых проживало 605 мужчин. В нашем представлении, бобыль часто воспринимается, как одинокий человек, но в те времена это были разорившиеся крестьянские семьи, освобожденные от тягла. Семьи их были меньше, чем у крестьян.

107 дворов пустовало, т. е. они запустели в недавнее время, в основном, из-за бегства крестьян и бобылей, а вот 1372 пустых дворовых места следует отнести к наследию Смутного времени, т. е. если использовать семейный коэффициент 2,0, то крестьянское население уезда уменьшилось на 2744 человека, т. е. на 37%.

К числу крестьянских дворов помещиков нужно добавить крестьянские и бобыльские дворы вотчинников. В Брянском уезде в 1626 г. было всего 17 дворов вотчинников. Все свои вотчины они получили, в основном, за московское осадное сидение царя Василия Шуйского 1610 г. Все брянские вотчинники одновременно были и помещиками, поэтому число вотчинников не увеличивает общего числа дворянства. В то же время во владениях вотчинников было 12 дворов людских, в которых жили деловые люди, не ведущие собственного хозяйства, 118 дворов крестьянских, в которых проживало 244 человека, и 62 бобыльских двора с 62 бобылями. У вотчинников было 10 дворов пустых и 90 пустых дворовых мест.

Третью разновидность составляло монастырское землевладение. Во владении монастырей находилось 9 сел, слободка и 32 деревни, 40

починков, 10 пустошей и селищ. В селах было 25 дворов монастырских служников, 354 двора крестьян, в которых проживало 424 человека, и 194 двора бобылей с 214 людьми. Пустовало 30 дворов, а от 132 дворов остались только пустые места.

Небольшие владения были у брянского протопопа и у пяти брянских посадских попов. Они владели одним селом, двумя деревнями и 4 пустошами, в которых было 10 дворов крестьянских с 11 крестьянами, 7 бобылями. 10 мест дворовых стояли впусте.

Фонд государственных земель в Брянском уезде был невелик. Сюда входило 6 погостов и починок. На погостах было 4 двора поповских, 5 дворов дьячков, 2 двора пономарей. В починке было 2 крестьянских двора, в которых проживало всего 2 человека. От старых дворов осталось 9 пустых мест. Пашни было всего 117 четей в поле. К государевым относились также две посопных слободы в самом Брянске.

Масштабы разорения в Смутное время подтверждаются и количеством пахотной земли. По писцовой книге 1626 г. за светскими землевладельцами насчитывалось 34200 четей земли, из них 13000 поросло лесом. Вотчинникам принадлежала 2951 четь пахотной земли, из них 669 поросло лесом. Из 5770 четей монастырской земли 1578 поросло лесом.

Брянскому протопопу с 5 попами принадлежало 439 четей земли, из которых 156 поросло лесом. Сельские церкви владели 955 четями и, наконец, государевой земли было всего 115 четей, из которых 40 поросло лесом. Итого, общий фонд пахотной земли составлял 44430 четей (около 74642 га), из них 13855 четей (около 23276 га) заросло лесом.

Из общего земельного фонда нужно вычесть еще земли, находившиеся под перелогом. Перелог — это временно заброшенная земля. Но срок ее запустения мог длиться от нескольких до 15—20 лет, пока она не зарастет лесом. Так что большое количество перелога после Смутного времени — еще одно свидетельство разорения хозяйства. В поместных землях перелога начитывалось 11159 четей, в вотчинах — 464, в монастырских — 988, итого — 12611 четей. Прибавив перелог к земле, заросшей лесом, получим 26466 четей, т. е. из хозяйственного оборота вышло 52% пахотных земель.

Итак, подводя итоги, можно определить состав населения брянского уезда в 590 дворян, 250 церковников и 3111 крестьян. Если для дворян и церковников мы использовали поправочный коэффициент 2,5, то крестьян подсчитывали по числу, сообщаемому в писцовой книге, и, очевидно, сюда включены только взрослые мужчины, так как при сравнении со следующей переписью 1646 г. в Брянском уезде было 3852 двора крестьян и бобылей, а людей в них 13355 человек. Резкое увеличение населения — за 20 лет в 4 раза — маловероятно.

Поэтому к числу взрослых мужчин необходимо прибавить такое же количество детей мужского пола, тогда крестьян и бобылей будет 6222 человека. Суммируя 590 дворян, 250 церковнослужителей, 6222 крестьянина, получаем мужское население уезда — 7062 человека. К сожалению, у нас нет данных о посадских людях и крестьянах брянских посадских слобод. В 1646 г. число их дворов составляло 198. Если даже оставить такое же число дворов и взять коэффициент 2,5, то получаем не более 500 человек. В 1625 г. в Брянске находился гарнизон в 445 стрельцов. Прибавив крестьян посопных городских слобод и стрельцов, получаем общее мужское население Брянского уезда 7167 человек. Если считать, что женщин было столько же, сколько мужчин, то общее население составит 14334 человека; округлив эту сумму, получим 14500 человек. Если оставить количество церковнослужителей и служилых людей равным переписи 1626 г., но учесть увеличение гарнизона, то получится 1500 человек. Общее население Брянского уезда в 1646 г. составит 30000 человек. По переписи 1678 г., мужское население бралось с учетом детей, возраст которых указывался. Крестьян по этой переписи насчитывалось 18680 человек. Всего же население уезда составит в 1678 г. около 40000 человек.

По следующей переписи 1718 г., в уезде насчитывалось 59865 крестьян мужского пола. Если к ним прибавить 5 тысяч прочего населения, то получится численность населения в 125 тыс. человек.

Итоги разорения края в Смутное время выражаются в 1759 пустых дворах, в основном, крестьянских. Если умножить на средний коэффициент 2,5, то население уезда уменьшилось на 4400 человек, а с учетом женщин — на 9000 человек, т. е. до начала страшного голода в царствование Бориса Годунова население уезда могло составлять около 25000 человек. Убыль же населения составляет 36%. Хотя сейчас трудно сказать, когда погибло больше населения, — в голодные годы или во время последующих военных действий. Но вывод, полученный нами путем подсчета статистических данных, близок к цифре, приведенной неизвестным почепцем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

РГАДА ф. 1209, оп. 1, е. хр. 10231, 10233.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.

Крашенинников В. В. Взгляд через века. Тула, 1990.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. "Смута". М., 1988.

В. П. ГРИЦЕНКО (Тула)

О ПРОМЫШЛЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ XVII в. (по материалам исследований Городищенских доменных и железоделательных заводов)

1. Ввод в научный оборот новых источников помогает наиболее продуктивно решать вопросы, стоящие перед исследователями.

Работа по выявлению и публикации письменных источников по истории Городищенских заводов, начатая И. Х. Гамелем в монографии, посвященной Тульскому оружейному заводу (1826 г.), и продолженная в коллективной монографии 1930 г., посвященной Тульским и Каширским заводам, на сегодняшний день практически исчерпала круг письменных источников. Вероятность обнаружения новых источников крайне мала. Углубление темы идет в основном за счет новой интерпретации и анализа известных материалов.

Таким образом, археологический культурный слой становится на сегодня одним из основных источников по исследованию Городищенских заводов. Разведочные исследования, проведенные в 30-х годах тульскими археологами М. А. Дружининым, Г. А. Доррером и в 50-х годах отрядом Института истории естествознания и техники АН СССР во главе с Н. Н. Стосковой, показали перспективность применения археологических методов.

Исследования, проводимые Тульской археологической экспедицией в районе Трохово с 1991 года, позволили накопить значительный материал.

2. Одним из наиболее интересных результатов следует считать полученные данные о технических приемах, применявшихся строителями заводов.

2.1. Охранные исследования, проведенные на 2-ом заводе, наглядно иллюстрируют скудные сведения письменных источников о сооружении заводских плотин.

Насыпь XVII в. сложена в верхней части "изгарой плавильной", основание сооружалось грунтом, основная масса которого бралась в непосредственной близости от завода, что подтверждается наличием в основании плотины артефактов XII—XIV вв., которые могли попасть в насыпь из нижнего горизонта (XII—XIV вв.) заводской площадки.

От размывов тело плотины укреплялось деревянными сваями, следы которых зафиксированы со стороны пруда. Вероятно, основание плотины XVII в. также дополнительно укреплялось деревянными столбами, часть из которых можно по сей день наблюдать в русле реки Синяя Тулица, хотя не исключено, что это следы вторичного использования насыпи XIX—XX вв.

2.2. Наиболее интересным открытием, сделанным на 2-ом заводе, можно считать обнаружение на заводской площадке следов постройки, стратиграфически отнесенной ко времени функционирования

завода. На протяжении 2 м зафиксирован ориентированный по линии север-юг, перпендикулярно плотине, каменный ленточный фундамент. Фундамент шириной 0,75 м сложен необработанным известняковым камнем (0,1—0,4 м) и заглублен в грунт на 1,5 м от уровня современной дневной поверхности.

2.3. На исследованном участке (раскоп — 144 кв. м) нижней площадки 3-его Городищенского завода частично вскрыты фундаменты постройки, сложенные крупными (0,4—1,6 м) необработанными известняковыми блоками. Фундамент в северо-восточной части раскопа, ориентированный по линии запад-восток, имеет ширину 1,25—1,6 м и западным краем уходит в борт раскопа. Исследованная часть фундамента под углом 90 град. поворачивает к северу. В западной части раскопа фундамент, ориентированный по линии северо-восток—юго-запад, также уходит в борт, где его ширина достигает 6,5 м. Край фундамента, обращенный внутрь раскопа и обрывающийся у водосборной ямы, имеет ширину 1,6 м. Часть фундамента, обращенная внутрь раскопа, сложена прокаленным камнем с мелкозернистой рыхлой структурой (возможно упоминаемым в документах XVII в. мячковским точильным камнем). При исследованиях удалось проследить ряд конструктивных особенностей. Белокаменный фундамент был положен на вымостку из дубовых бревен (диаметром по 0,2 м). Аналогичное строение фундаментов XIX—XX вв. неоднократно встречалось при археологических исследованиях в центральной части г. Тулы. Торцевая часть фундамента, обрывающаяся у водосборной ямы, положена на вымостку из шести бревен, которые опираются на плаху толщиной 0,08 м. На участке, уходящем в северный борт раскопа, прослежена вымостка из девяти бревен.

Так как уровень грунтовых вод на данном участке высок, строители применили еще один оригинальный прием. От описанного выше фундаментного настила из девяти бревен вода отводилась дренажным лотком. Лоток изготовлен из плахи, обращенной округлой стороной вниз. Стенки водотока, подтреугольной в сечении формы, обращены основанием вверх. Внутренняя сторона стенки лотка имеет скос к лицевой части. Сверху лоток был накрыт деревянной крышкой. Вода, отводимая дренажным лотком, собиралась в водосборнике, имевшем подквадратную форму (5х6 м) с оплывшими краями. На участке, где боковой фасад фундамента примыкал вплотную к водосборной яме, вода, вероятно, отводилась без дополнительных сооружений. Переполнение водосборника не происходило, так как от него по линии запад-восток в сторону реки отходит деревянный водоток, состоявший из четырех частей, верхняя часть которого изготовлена из горбыля с подтесанными краями и уложена плоской стороной вниз. Аналогично была изготовлена и нижняя часть трубы, обращенная плоской стороной вверх. Боковые стенки и дно водотока изготовлены из дубовых плах с выборкой четвертей, в которые входили крышка и дно трубы. Статичность и герметичность конструкции обеспечивалась деревян-

ными хомутами. Хомут, частично сохранившийся у края трубы, выходившей к водосборнику, вероятно выполнял также и функцию торцевой крышки.

Описанная выше конструкция фундамента с дренажной системой могла выдержать значительную нагрузку и обеспечивала прочность сооружения, которое находилось в условиях постоянного подтопления, где весьма высока опасность деформаций и просадок.

Несомненно, одним из крупнейших сооружений, которое должно располагаться вблизи от плотины, была доменная печь (14,7х8,4 м при высоте 7,4 м — крупнейшая в Европе в тот период времени).

2.4 Кроме описанных выше конструкций построек, встречены следы сооружений еще двух типов: первый — простейший, "рублен забором в столбы". Одна такая производственно-вспомогательная постройка столбовой конструкции обнаружена на верхней террасе (4,2х6,8 м), вторая частично исследована на нижней площадке. Характерной особенностью построек этого типа являлось использование в качестве бута бракованной продукции.

2.5. К другому типу построек можно отнести частично вскрытое заглубленное сооружение на верхней террасе. Так как постройка (7х13,6 м) вскрыта частично, в настоящий момент не представляется возможным точно атрибутировать сооружение.

3. Наличие в арсенале строителей заводов различных технических приемов — свидетельство высокого уровня промышленного строительства, при котором рациональный подход в решении технических задач являлся основным. Степень трудозатрат на строительство определялась производственной функцией сооружения.

Несомненно, полученные материалы важны для изучения истории строительства первых Российских доменных и железоделательных заводов.

Н. В. ПЕЧИКИНА (Брянск)

БРЯНСКОЕ ЗЕМСТВО В 60—90-Е ГГ. 19 в.

Брянское уездное земство, как хозяйственно-распорядительный орган местного, главным образом, внегородского самоуправления, было учреждено вследствие "Положения о земских учреждениях" 1864 г. В брянские земские гласные на первое трехлетие было избрано 38 человек: 19 от землевладельцев, 6 — от города и 13 — от сельских обществ. Из своей среды гласные избрали земскую управу из председателя и трех членов, которые приступили к работе на постоянной основе с 19 апреля 1866 г.

Первым председателем Брянской уездной земской управы был князь Николай Михайлович Васильчиков, но в конце лета 1867 г. он умер, и его преемником на II очередном земском собрании осенью 1867 г. был избран Александр Михайлович Нарожницкий. Главными

вопросами как первых съездов, так и съездов первых двух десятилетий были вопросы народного образования и здравоохранения.

Уже на первом земском собрании 2 октября 1866 г. председатель управы князь Васильчиков Н. М. представил гласным доклад о состоянии народного образования в уезде, на основе которого решено было выделить на открытие новых и содержание всех земских школ 1000 руб. — значительную по тем временам сумму. В 1867 г. в уезде постоянно работали уже 27 школ и 17 функционировали эпизодически.

В решении вопроса народного образования гласные действовали основательно, осмотрительно, с учетом экономических возможностей и психологических особенностей населения. На 2-ом съезде гласные постановили "ввести в уезде обязательное образование, но предоставить право крестьянским обществам при ближайшем введении в действие этого постановления иметь в виду обстоятельства и средства каждого селянина".

В 1882 г. в Брянском уезде было уже 42 земские школы, половина из них размещалась в собственных зданиях. В 1889 г. на одну земскую школу приходилось 2798 жителей, т. е. 1 грамотный на 45 человек. По обеспеченности земскими школами Брянский уезд считался средним.

За первые 20 лет своей деятельности брянские земцы израсходовали на народное образование 200 тыс. рублей. К к. 80 — н. 90-х гг. 19 в. отчисления земского бюджета на народное образование достигали почти 20% и это при том, что правительство запрещало земству вмешиваться в учебный процесс, доверив ему лишь хозяйственные заботы о школе и разрешив иметь земского инспектора училищ, а в 80-е гг. уже начался процесс преобразования земских школ в церковно-приходские.

Заметных успехов достигло за первые десятилетия существования и народное здравоохранение.

В 1867 г. на почти 100-тысячное население Брянского уезда земство содержало единственного дипломированного врача Фосса, фельдшера и нескольких оспопрививателей, получивших секреты своей деятельности от предков.

Учитывая и используя свои возможности, Брянское земство искало наиболее оптимальные варианты решения одной из важнейших для себя задач — обеспечения народного здравия.

Уже в 1868 г. % земских отчислений на здравоохранение достигал по России 14% и опережал все расходные статьи земского бюджета. А в 1885 г. в Орловской губернии на попечение о народном здравии было израсходовано 24,2% земских средств, больше, чем в среднем по России. Считалось нормой, когда один врач приходился на 30—50 тысяч человек, одна больница — на 65 тысяч, а оптимальный размер участка не превышал в диаметре 30 верст, и Брянское земство старалось обеспечивать этот минимум.

В 1894 г. в уезде работали 4 земских врача, 18 фельдшеров, 3 акушерки, 4 аптеки, 8 аптечных отделений. Функционировали 3 лечебницы на 10 кроватей каждая, 1 приемный покой с 2-мя кроватями, 1 врачебно-амбулаторный пункт и 11 фельдшерско-амбулаторных пунктов. Но только одна Угостинская лечебница имела собственное помещение, остальные — арендовались.

Амбулаторное и стационарное лечение становилось практически бесплатным и не только для малоимущих.

Жильем, как и всем необходимым для работы и разъездов, работники здравоохранения обеспечивались бесплатно.

С первых же лет своей деятельности Брянское земство, насколько это было возможно, старалось решать и с/х проблемы. Уже на первом съезде в 1866 г. обсуждались вопросы о мерах по профилактике падежей скота, о ветеринарной службе в уезде, о взаимном земском страховании скота, о запасных хлебных магазинах, о мерах по предотвращению упадка с/х, об улучшении породы крестьянских лошадей, о случных пунктах и т. д.

Как учреждение, ближе всех стоявшее к народу и обязательное, по роду своей деятельности, лучше других знать и удовлетворять нужды населения, Брянское земство старалось разрешить как можно больше проблем своего региона.

Одна из главных проблем, с которой столкнулось Брянское земство, — нечеткая разграниченность сферы деятельности, что порождало конфликтные ситуации и, прежде всего, с государственными структурами. Но земские гласные терпеливо, корректно и решительно защищали интересы уезда, отстаивали права на большую самостоятельность в деле местного самоуправления, выходили с инициативой даже на правительственный уровень.

Другими проблемами были: справедливое и своевременное взимание земских сборов и их распределение, а также исполнение повинностей. Земство постоянно искало источники и совершенствовало механизмы взимания недоимок, использовало различные пути для пополнения земского бюджета.

Однако, земство не было "всеядным" в поисках источников пополнения доходной части бюджета. Например, запрещалось иметь более одного питейного заведения на 100 дворов, а "сидельцы в них должны были быть люди добросовестные, хорошей нравственности, дабы не продавали водку в долг, не принимали краденые вещи".

Чтобы своевременно принимать необходимые меры, управа ежемесячно собирала сведения о жизненных потребностях в уезде. В то же время она старалась сводить до минимума свои потребности.

Взаимоотношения между гласными были доброжелательными, но и достаточно принципиальными. Постоянно осуществлялся взаимный контроль за деятельностью земских служащих.

За первые 25—30 лет своей истории земство испытало многое: от обвинений в 80-е гг. 19 в. в официальных документах, утверждавших, что "оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве", и они (земства) стали государством в государстве, до признания в 1891 г. того, что "деятельность земских учреждений во многом принесла пользу населению".

Н. Я. ГЕЕЦ, С. Н. БИРЮКОВ (Дубровка—Погар)

РАЗГРОМ ТЕКИНСКОГО КОННОГО ПОЛКА НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНЩИНЫ В НОЯБРЕ 1917 ГОДА

Драматические события, происходившие на Брянщине, Гомельщине, Черниговщине в ноябре-декабре 1917 г., когда генерал Л. Г. Корнилов в сопровождении Текинского конного полка пытался совершить поход из Быхова на Дон, в той или иной степени освещались в работах известных историков, писателей, краеведов. К сожалению, большинство авторов не объективны в освещении событий, приводят неточные факты. Авторам данного сообщения удалось в процессе исследования отыскать новые, неизвестные ранее документы и воспоминания, хранившиеся в архивах Брянска, Москвы, Чернигова, Гомеля. Знакомство с ними позволяет по-новому оценить события похода, уточнить многие факты.

Все известные источники приводят совершенно разные цифры количества участников похода и революционных войск, участвовавших в разгроме текинцев. В известной телеграмме ВРК от 24 ноября называлась цифра 400 текинцев и присоединенных по дороге силой 40 солдат-пулеметчиков. Это не точные сведения. В ночь с 19 на 20 ноября из Быхова вышли три эскадрона текинцев, с ними добровольно — пулеметная команда, 24 полковых и 2 Георгиевских офицера и обоз из 27 текинцев. Есть сведения и об участии в походе женской роты ударниц, о чем сообщалось в телеграммах командира Брянского красногвардейского отряда Волобуева и командира бронепоезда им. Ленина, члена ВРК 2-й армии подпрапорщика Пролыгина. Что касается сил революционных войск, то они тоже требуют уточнения. Наиболее точные сведения содержатся в телеграфном разговоре между Пролыгиным и членом ревкома Ставки Тер-Арутюнянцем: "В Жлобине — батальон пехоты, 2 бронированные машины и отряд матросов из Ставки. В Гомеле — батальон 60-го полка, пулеметная команда, 2 бронемашины и три орудия на Ветке, в Клинцах — 2 легкие батареи и 2 роты на переправах с 5 пулеметами. В Новозыбкове вооружено 2000 бойцов, в Унече — батальон 60-го, пулеметная команда, 4 орудия и бронепоезд". Кроме вышеуказанных сил, в сторону Унечи вышел Брянский красногвардейский отряд, состоявший из красногвардейцев Дятьковской хрустальной фабрики, рабочих мехзавода № 13, Бежицкого отряда рабочей гвардии и солдат 278

полка Брянской бригады. Для этого отряда за одну ночь было подготовлено 2 бронированных вагонных состава, на которых размещалось по 4 пулемета и 3-х дюймовое орудие.

На наш взгляд, в ряде источников неверно истолковывается направление движения Текинского полка. Практически во всех работах краеведов и крупных историков бытует мнение, что после прохождения Суража Корнилов собирался пойти на Мглин, устроить там чуть ли не парад и народный праздник, а затем двинуться на Брянск. В подтверждение этого приводят показания пленных текинцев и существование записок с указанием движения на Мглин. Мы не сомневаемся в существовании таких записок, но содержание их было, скорее всего, дезинформационное. Корнилов, как опытный военный, понимал, что нужно было как можно скорее уйти вглубь Украины, подальше от железной дороги Гомель—Брянск, где наверняка могла быть встреча с революционными войсками. Он надеялся отвлечь основные силы большевиков и, воспользовавшись этим, пересечь железную дорогу восточнее Унечи. Кстати, в работах крупного военспеца Н. Е. Какурина утверждается, что во время знаменитого "ледяного похода" Корнилов часто и успешно прибегал к такому маневру. Но в данном случае Пролыгин сумел разгадать маршрут Корнилова, что видно из его телеграммы: "Чтобы перехватить текинцев, надо обеспечить еще одну линию переправ и железнодорожных переездов южнее... через двое суток они могут быть в недосягаемости на рубеже Украины... я думаю, что они идут прямо на Стародуб". Точное определение маршрута и помогло во многом большевикам успешно провести операцию по разгрому полка. 26 ноября у с. Писаревка часть полка была умышленно выведена проводником на большевистскую засаду, которая встретила текинцев пулеметным огнем в упор. Главный отряд был расстрелян кинжальным огнем из бронепоезда при попытке перехода железной дороги у разъезда Песчаники и окончательно рассеян у д. Павличи.

Вызывают сомнение различные телеграфные сообщения о "кровавых зверствах" текинцев. Подобные слухи очевидно умышленно распускались через Советы и ревкомы среди населения. Не случайно во время похода Корнилов и его спутники сталкивались с враждебно настроенными крестьянами. Любые случаи реквизиции фуража и продовольствия еще сильнее озлобляли крестьян, и они часто считали своим долгом сообщить большевикам о появлении текинцев. Между тем, ни в одном из позднейших воспоминаний и свидетельств сообщения о каких-либо зверствах со стороны текинцев не подтверждаются. Напротив, сами текинцы чаще выглядят растерянными и абсолютно не понимающими, за что их везде преследуют и обстреливают. В. А. Антонов-Овсеенко в "Записках о гражданской войне" отмечал: "Настроение рядовых текинцев было отнюдь не антисоветское, они хотели лишь одного — добраться скорее домой". Р. И. Берзин после разговоров с пленными текинцами признавал, что текинцы не пони-

мали, за что они погибали. Часто после первых обстрелов они, не оказав сопротивления, сдавались. Кстати, кормянскому партизанскому отряду и красногвардейцам под командованием прапорщика В. Дубянского удалось разоружить отряды текинцев без кровопролития — путем переговоров. Да и Пролыгин, и командир Брянского отряда Волобуев в телеграммах сообщали, что текинцы старались всячески не принимать боя и уходили.

Во время длительного (двухнедельного) пребывания текинцев в Погаре они сумели наладить неплохие отношения с местным населением и получали продовольствие и фураж, расплачиваясь оружием, патронами и даже лошадьми. Интересно, что члены погарского Совета смело общались с рядовыми текинцами, вели среди них пропагандистскую работу и выменивали оружие. Пробыв в Погаре почти две недели, 14 офицеров и 125 всадников продолжили движение на юг, в сторону Новгород -Северского и далее на Киев. Корнилов также получил в Погаре медицинскую помощь, члены городской Управы помогли ему с паспортом, и 1-го декабря местный возница отвез его на ст. Холмечи, откуда он и выехал на Дон. В Брянскую тюрьму всего было доставлено 264 рядовых и 3 офицера Текинского полка.

В разгроме Текинского полка, в гибели рядовых текинцев виноваты не только большевики, но и сам Корнилов, и его офицеры. Текинцы были уверены, что по приказу главковерха Духонина они, после сопровождения Корнилова на Дон, будут отправлены в Закаспийскую область. Поход оказался авантюрой, военное значение которой само по себе невелико. И все же интерес к этим событиям вряд ли ослабнет хотя бы потому, что именно тогда, в "прологе гражданской войны" на Брянщине пролилась первая большая кровь.

А. М. ИВАНЮШИНА (Брянск)

КЛАССИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ ПО ТЕМЕ "ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН НА БРЯНЩИНЕ В 1917—1927 гг."

Основные источники по истории православных религиозных общин на Брянщине в 1917—1927 гг. — документы Государственного архива Брянской области (ГАБО). Для анализа из фондов архива отобрано 60 дел (1864 ед. хр.).

Условно документы можно разделить на следующие группы:

а) документы распорядительного порядка: постановления, циркуляры центральных органов власти, обязательные постановления, приказы и распоряжения коллегий органов управления (губисполкомов, уездных исполкомов) по вопросам религии и церкви, закрытии монастырей и реквизиции их имущества и зданий;

б) документы, характеризующие специфические условия работы: доклады, докладные записки, протоколы и выписки из протоколов

заседаний президиумов исполкомов о закрытии монастырей и церквей, создании специальных комиссий по реквизиции их имущества, о передаче монастырских и церковных построек по договору религиозным общинам или для иужд другим учреждениям;

в) информационная документация: сводки низовых подразделений в вышестоящие инстанции о состоянии православных религиозных общин в уезде, губернии, списки духовенства и монашествующих, сведения о количестве закрытых и действующих церквей;

г) в особую группу можно выделить документы по отдельным монастырям и религиозным православным общинам: описи имущества ликвидированных монастырей и церквей, акты их передачи специальной комиссии, уставы религиозных общин и их заявления с просьбой открыть приход, жалобы членов общин о бесчинствах местных властей и т. п.

Каждая из перечисленных групп документов имеет свои специфические особенности, которые требуют дальнейшей детализации общих принципов изучения.

Такого вида документы, как руководящие материалы советских органов, сосредоточены, главным образом, в фонде Брянского губернского исполкома. Комплексное изучение документов этой группы поможет исследователю понять общие задачи организации работы по отделению церкви от государства в масштабе всей страны. Эти материалы необходимо изучать в комплексе с документами ГИКа (Ф. 85, Ф-Р. 85) и его отделов (ГУБОНО — Ф. 84, губ. отдел юстиции — Ф. 350, Ф-Р. 350). Отобранные документы представляют собой постановления об обязательной регистрации религиозных общин на территории Брянской губернии, о сборе налогов, взимаемых с церквей; обязательные постановления и распоряжения о создании комиссий по изъятию церковных ценностей. В документах этой группы нашел отражение процесс поэтапного претворения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства в Брянской губернии". Анализ сохранившихся документов показывает, что они, как источники, не дают целостного представления о политике власти по отношению к РПЦ на местах.

Для более глубокого изучения вопроса привлечены архивные материалы уездных исполнительных комитетов Советов народных депутатов (Ф. 793, Ф. 526, Ф. 508, Ф. 558). Это обязательные для исполнения постановления местных УИКов о ликвидации религиозных общин, о порядке открытия приходов, о закрытии монастырей на территории уезда и порядке передачи их имущества УИКу, распоряжения о распределении имущества б. монастырей, постановления о создании специальных комиссий по проведению декрета "Об отделении церкви от государства".

Вторая группа документов представлена наиболее полно. Это доклады комиссий по проведению в жизнь Декрета, сообщения зав. отделами юстиции, которые непосредственно контролировали работу

этих комиссий, о мероприятиях по реализации Декрета как во всей губернии, так и на местах. К этой группе относятся отчеты комиссий по изъятию церковных ценностей и обследованию религиозных общин в б. монастырях, докладные записки их членов. На основании второй группы документов исследователь сумеет проследить ход антицерковной политики местных властей.

Большой объем информации можно получить из протоколов заседаний президиума ГИК и УИКов и выписок из протоколов. Надо заметить, что вопросу антицерковной политики местные власти уделяли не последнее место, о чем говорят повестки дня заседаний президиума Брянского ГИК. На обсуждение выносились вопросы о сборе налогов, взимаемых с церквей, о передаче монастырских зданий для нужд организаций и учреждений, о распределении реквизированного церковного имущества, ходатайства религиозных общин о передаче в их пользование церквей и т. п. Уездные отделы юстиции посылали в вышестоящие органы информацию о религиозных общинах в уезде и губернии. К этим видам документов относятся списки общин всех конфессий, списки духовенства и сводки о количестве верующих. В основном эта информация сведена в таблицы.

И, наконец, в особую группу можно выделить документы, непосредственно относящиеся к религиозным общинам. Постановлением ГИК или УИК создавались специальные комиссии о закрытии того или иного монастыря и реквизиции его имущества. Общины должны были по акту передавать все церковное имущество этим комиссиям. Затем община или группа верующих подавала заявление в местные органы власти с просьбой об открытии прихода и регистрации их общины.

В результате этого отложились следующие документы: описи имущества ликвидированных монастырей и церквей, заявления верующих, уставы религиозных общин и акты передачи. Интересны документы тем, что дают информацию о времени закрытия монастыря (церкви), полный и подробный список их имущества (включая предметы культа и быта). Исходя из содержания документов, можно говорить о процедуре регистрации религиозных общин: на общем собрании верующих принималось решение о создании общины, принимался Устав и подавалось заявление в местные органы власти. Сравнительный анализ Уставов показал, что все они составлены по единому образцу. Как правило, это рукописные документы, завизированные всеми членами общины. Часть церковного имущества по акту передавалась вновь созданной общине.

К сожалению, в изучаемых нами фондах, документов о деятельности Брянской епархии после событий 1917 г. не сохранилось. О работе Епархиального Управления мы можем судить лишь по отрывочным сведениям. Так, в фонде Брянского ГИК сохранился протокол съезда мирян и духовенства от 24 сентября 1924 г.; в фонде Губмилиции (Ф. 80) отложилась рукописная копия обращения Епископа Брянского и Бежицкого Николая к пастве о состоянии дел в епархии.

Исходя из анализа вышеперечисленных групп источников, на наш взгляд, можно рекомендовать подготовить научно-популярный сборник по теме "Положение православных религиозных общин на Брянщине в 1917—1927 гг.".

ИСТОЧНИКИ

1. Ф. 85, Ф-Р. 85 Брянский губисполком
2. Ф. 350 Брянский губернский отдел юстиции
3. Ф. 80 Брянская губмилиция
4. Ф. 84 Брянский губернский отдел народного образования
5. Ф. 1616 Брянский уездный исполком
6. Ф. 558 Бежицкий уездный исполком
7. Ф. 1013 Карачевский уездный исполком
8. Ф. 526 Клинцовский уездный исполком
9. Ф. 1018 Мглинский уездный исполком
10. Ф. 793 Новозыбковский уездный исполком
11. Ф. 508 Севский уездный исполком
12. Ф. 1421 Стародубский уездный исполком
13. Ф. 269 Трубческий уездный исполком.

Ю. Б. КОЛОСОВ (Брянск)

ЖЕНЩИНЫ БРЯНЩИНЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В годы войны, когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, миллионы советских женщин, заменив ушедших на фронт мужей, сыновей, братьев, самоотверженно трудились на самых различных участках производства. Они, составив 40 процентов численности рабочих в промышленности, управляли станками и машинами, строили заводы и домны, добывали уголь и нефть, работали землекопами и каменщиками. Неисчислимы патриотические дела, трудовые подвиги женщин колхозной деревни.

Вместе с тем, свыше миллиона женщин участвовало в боевых действиях на фронте, в партизанских отрядах, в подпольной борьбе с врагом. За ратные подвиги свыше 150 тысяч из них были награждены орденами и медалями, 86 — удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Образ женщины-бойца с автоматом в руках, у пулемета или штурвала самолета, за рулем автомашины, шлеме танкиста, с катушкой связиста, санитарки, медсестры или врача — с погонами на плечах будет жить в памяти народной как яркий пример стойкости и героизма. "Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы", — писал маршал Советского Союза А. И. Еременко. Это, безусловно, относится и к женщинам Брянщины. Добровольцами или по мобилизации тысячи

из них ушли на фронт, другие стали партизанками и подпольщицами и мужественно боролись с фашистскими захватчиками.

Тамара Кулажко, чья жизнь долгие годы была связана с Новозыбковом, окончив артиллерийское училище, участвовала в финской кампании в качестве командира огневого взвода. Была награждена медалью "За отвагу". Великую Отечественную войну начала под Харьковом. Затем был Сталинград. Командуя батареей противотанковых пушек, воевала под Волховом, на Карельском перешейке, в Восточной Пруссии. 65 звездочек было нарисовано на щитах орудий ее батареи. Это значит, что батарея подбила и сожгла 65 фашистских танков. А последний этап ее боевого пути — Мукден, Гирин, Харбин, Порт-Артур — в войне с Японией. Трижды Тамара Ивановна была ранена. За храбрость и мужество она награждена орденами — Красного Знамени, Красной Звезды.

Антонина Худякова из Новой Слободы Карачевского района, окончив в 1940 году Херсонскую летную школу, получила диплом штурмана. В 1942 году она направлена в 588й ночной легко-бомбардировочный полк. Много было героических эпизодов на фронтовом пути Тони в процессе выполнения 926 боевых вылетов — под Ворошиловградом и на Северном Кавказе, в Крыму и в Белоруссии, в Польше и Германии. Антонина Федоровна Худякова была награждена двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, удостоена звания Героя Советского Союза.

Брянщина по праву гордится многими своими дочерьми-фронтовичками: санитаркой Леной Лукашевой, которая в дни Сталинградской битвы спасла более 80 наших воинов, за что была награждена медалью "За отвагу" и орденом Славы; стрелком-радистом штурмового авиаполка Ольгой Ермаковой, чей ратный труд оценен орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалями "За Отвагу", "За освобождение Праги"; связисткой Ольгой Ефименко, прошедшей боевой путь до берегов Эльбы, не раз награжденной за мужество, в том числе медалью "За отвагу"; санинструктором 35й дивизии 62 армии Аней Ивановой, награжденной за боевые заслуги тремя орденами и многими медалями.

В партизанских отрядах и подпольных группах, действовавших на территории Брянщины, было более 8 тысяч женщин. Были женские взводы, роты, партизанский отряд имени Крупской. Многие женщины-партизанки занимали командные должности: Александра Комогорова, Полина Климова, Наталья Дроздова, Людмила Губина, Ольга Крюкова командовали взводами партизан, Анна Усольцева — ротой, Наталья Башкирова, Мария Бухарева, Анна Холодова, Мария Михеева, Зинаида Юрасова были политруками взводов, Лидия Афанасьева и Антонина Юдина — политруками женских рот, Прасковья Лахмоткина — комиссаром отряда имени КИМа.

Широкую известность, благодаря своей отваге и мужеству, получили пулеметчицы Мария Туркова, Александра Губанова, Вален-

тина Кабалина, Александра Мухина, Валентина Борякина, Татьяна Полонникова; подрывники-минеры Мария Семснина, Ксения Чибисова, Ольга Трофименко, Мария Кугукина, Евдокия Максакова, Ефросинья Юркова, Валентина Козменко; разведчицы Валентина Сафронова (Герой Советского Союза), Зинаида Голованова, Фаина Репникова, Зоя Ковалюк, Маргарита Протопопова, Екатерина Евреинова, Ольга Перевозчикова, Валентина Филиппова, Мария Паукова, Александра Комягина; медицинские работники Мария Угарова, Ася Филатова, Анна Гришева, Евгения Лопатина, Раиса Мухина, Александра Антюхова, Мария Качанова, Наталья Маруева, Даша Пунина.

Девушки, женщины нашей области, как правило, составляли значительную часть состава подпольных патриотических групп, а нередко и возглавляли их. Много славных боевых дел на счету подпольщиц Анны Морозовой (Герой Советского Союза), Паши Бакутиной, Зины Антипенковой, Люси Сенчилиной из Сещи; Виктории Кореневой, Веры Белугиной, Веры Замотаевой, Жени Вороновой, Марии Третьяковой из Новозыбкова; Татьяны Ротаниной, Валентины Кочетовой из Бежицы; Валентины Ломоносовой из Севска, Александры Панкратовой и Инны Каревой из Карачева, Липы Карповой, Маруси Дунаевой, Инны Сохиной, Иры Штанько, Шуры Рябых, Вали Калининой, Тамары Степановой из Навли; Нины Ободниковой из Дятькова, Веры Крысиной, Вали Белоусовой из Трубчевска; Нины Линевой, Раисы Бушма, Иры Рык из Стародуба; Нины Ереминой со ст. Судимир и многих других.

Велик и трудовой вклад женщин Брянщины в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. В начале войны, в процессе перестройки работы предприятий на изготовление военной продукции, а затем на предприятиях, эвакуированных в восточные районы страны, наши землячки трудились по-ударному, многие были стахановками, их бригады носили почетное название фронтовых. Назовем хотя бы несколько имен женщин, отличившихся на трудовом фронте в период военного лихолетия. Это токарь Валентина Улькина, возглавившая движение девушек-двухсотниц, бригадир женской бригады кузнецов Н. Т. Новикова, А. И. Петровская, работницы Павлюкова, Максимова, Тарасова, Алдюхова, Третьякова, Ферапонтова, Колесниченко, Корпусова, Толкачева, Васюрина (завод "Красный Профинтерн", ныне ПО БМЗ); Вера Цыкало, Лида Журавлева, выполнявшие полторы-две нормы за смену, работницы Рогожина, Амбросимова, Жердева (завод имени Урицкого); Татьяна Хроменкова, Пелагея Гарбузова (клинцовские текстильщицы). Первыми девушками-трактористками на Брянщине в войну стали Мария Марочкина, Евдокия Иваненкова, Мария Козикова из Выгонич. Их примеру последовали сотни сельских комсомолок. Нельзя не отметить стойкость, самоотверженность женщин, девушек Брянщины, проявленные ими в ходе строительства оборонных рубежей на территории нашей области в

начале войны, их трудовой героизм в восстановительных работах после освобождения ее от гитлеровских оккупантов в сентябре 1943 года.

Таковы некоторые данные об участии женщин Брянщины в Великой Отечественной войне. И справедливо сказал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: "Геройство и стойкость женщин восхищали нас, соотечественников, поражали современников и будут служить вдохновляющим примером для потомков".

О. ЧЕРНИКОВА (Брянск)

ИЗ ИСТОРИИ ОДРИНО НИКОЛАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Карачевский Одрин Николаевский монастырь находился в 7 верстах от г. Карачева. По преданию, он основан на реке Одрине в XIV в., при сельской приходской церкви, построенной в память явления иконы Святителя Николая, от чего он и сохранил название "Одрина".

Первоначально монастырь состоял из двух небольших келий отшельников, живших с белым священником. Число братии увеличивалось, и потому для склонных к большему уединению устроены были в глубине леса еще две кельи, вроде затворнических: одна из них находилась в пяти верстах на речке Почаеве, а другая — в 2 1/2 верстах, на реке Песочне. Когда, по случаю явления во второй раз на этом месте той же чудотворной иконы Святителя Николая, сюда перенесена была церковь, то за нею последовали и иноки с тем священником, и, соединившись с жившими в пустыне на реке Песочне, устроили здесь монастырь.

Формальное утверждение монастыря произошло в 1699 г., а старцу Маркеллу благословлено грамотою Патриарха Адриана быть строителем.

Многое о жизни и устройстве монастыря до 1720 г. остается неизвестным, т. к. в этом году, 24 сентября обитель была разорена разбойниками, игумен Варнава жестоко убит, а многие документы уничтожены.

Согласно указу Екатерины II 13 декабря 1763 г. в Счетную Экспедицию, учреждениую при Коллегии Экономии, были представлены подпоручиком Александром Рязанцевым "Офицерские списки", т. е. опись имущества монастыря и находящейся при монастыре слободки. Из описи, "учиненной с имеющимся в том монастыре за отлучкою настоятеля наместником иеромонахом Питиримом", можно представить жизнь монастыря.

На время составления описи в монастыре было 3 каменные церкви.

Церковь Соборная во имя Святителя Христова и Чудотворца Николая находилась около того места, где произошло последнее явление Чудотворной иконы Святителя Николая, и где прежде была деревянная приходская Николаевская церковь, перенесенная с Одрин-

ки. Построена в 1707—1710 гг. тщанием игумена Варнавы, первоначально — квадратной формы без трапезной. 5 декабря 1757 г. игумен Гавриил обратился к Правительствующему Синоду с доношением, из которого следует, что 20 июля 1755 г. при пожаре, случившемся в Одрионе монастыре, "как на той соборной церкви кровля, так внутри иконостас и прочее деревянное строение все без остатку погорело, а каменное от того пожару во многих местах разрушилось и близ падения состоит".

Необходимо было церковь разобрать до основания, а затем построить новую. Из Синодальной экономической канцелярии игумену Гавриилу было выдано на ремонт 500 руб. Церковь на эту сумму была только поправлена — без перестройки — и вновь освящена 8 августа 1759 г. В 1761 г., при том же игумене Гаврииле, к северной ее стороне пристроен был небольшой придел во имя Святителя Алексия Митрополита. В 1879 г. была построена новая церковь во имя Святителя Николая.

Церковь Знамения Пресвятой Богородицы: ее строительство начато до 1755 г., окончено на 500 рублей, выданных по Высочайшему изволению Императрицы Елизаветы Петровны из синодальной экономической канцелярии; освящена в 1761 г. Над ней устроена "колокольня каменная, а на колокольне всех больших и малых колоколов семь, при оной колокольне часовня с часами железнеми рускими".

На святых вратах — церковь каменная во имя святого Великомученика Иоанна Воина, построенная полковником Иваном Семеновичем Неплюевым. В ней придел во имя Сергия Радонежского Чудотворца. Эта церковь существовала для совершения треб одринских поселян. В 1852 г., при строителе Серапионе, она была разобрана и на ее месте начато строительство церкви в честь явленной иконы Божией Матери "Споручница грешных", но 17 октября 1852 г. купол и арки недостроенной церкви обрушились.

Из каменных зданий, находящихся на территории монастыря, отмечены: братская трапезная, кухня с двумя теплыми кельями, хлебня.

Из деревянных сооружений упоминаются настоятельская и II братских келий, длиной 32 и шириной 2 1/2 саж., "каждая об одном апартаменте", и также пивоварня, ледник, кухня с черной избой, 3 амбара: для "сыпной молотой муки", для "поставления всякой монастырской упряшки". Для приезжающих богомольцев была построена гостиница, т. е. "две белые светлицы с сенями и имевшими в сенях четырмя малыми чуланами... в оных светлицах печи все синие израсцовые, во второй зеленая израсцовая".

Вокруг монастыря предполагалось построить каменную ограду, которая была начата в 1755 г. игуменом Гавриилом, а на сентябрь 1763 г. ее длина составляла 42 сажени, и "вокруг еще монастыря строить 216 сажень, на которую стройку подлежит денег 2000 руб."

Около монастырской ограды располагался скотный двор, огороженный деревянной оградой, с сараем для сена и тремя амбарами: для скота, хлеба, молока.

За оградой монастыря находилась принадлежавшая ему пасека, в которой было 17 колод с "монастырскими пчелами", а также два огорода (длиной 89 и поперек 76 сажен) — "для сажения всяких на монастырские потребности овощей" — и большой кирпичный сарай — "для делания кирпича".

21 июля 1718 г., по указанию царя Петра Алексеевича, монастырю было подарено место для подворья в г. Карачеве, на Казанской площади. На этом месте были построены дом для приезда монахов и часовня для сбора милостыни. Часть подаренной земли монастырь отдает в оброк, "на катором месте карачевских купцов с красны товарами 7 лавок".

Около монастыря, на реке Песочне, стояла мельница монастырская "о дву поставах", а чуть подальше находились две заповедные сосновые рощи, принадлежавшие монастырю.

При монастыре находилась богодельня, "в которой прежде сего живали бывшие за старостию и дряхлостию монахи и протчия люди, коих бывало человек десяти, а ныне никаво не состоит".

Как правило, монастыри, в меру своих возможностей, всегда помогали бедным. В монастыре жили и, находясь "в караулах и посылках", получали жалованье деньгами, хлебом и крупой: Николай Щеглов — сержант, 61 год, "вдов, стар и дряхл"; гренадер Яков Абашкин, 51 год, "холост, стар и дряхл, имеет у себя в тайных удах грысь"; солдат Евдоким Пехов, 51 год, "женат, имеет у себя двух дочерей, в которова правая нога выше колена сквозь прострелена"; драгун Алексей Кастелов, 69 лет, "который имеет у себя увечья, спина переломлена"; капрал Варфоломей Грыдин, 48 лет, "имеет у себя раны в левой руке локоть расшиблен, в левой же ноге плюсна расшиблена же"; солдат Селеверст Цыганов, 30 лет, "женат, имеет сына малолетнего одного полугода и имеет же у себя правого боку в культе пулю".

По штату в монастыре числилось 22 человека. Из них: настоятель, назначенный в игумены Полпиной пустыни; строитель — иеромонах Ювеналий (Воейков), четыре иеромонаха "из великоросов": Питирим — наместник, Иосаф — духовник, Моисей — седмичный, Сергий — "за дряхлостию не священнодействует"; 2 иеродиакона: Николай — ризничий, из великороссов; Георгий — клиросник, из малороссов; 13 монахов; из великороссов: Сосипатр — казначей, Илиодор — клиросник, Полладий — клиросник, Иларий — пономарь, Варсанофий — житенной, Марк — огородничий; из поляков: Никон — пономарь, Леонтий — чашник; "да находящихся больничными монахов из великороссов": Вавила, Дорофей, Иларий, Иосаф — слепой и схимонах Илларион; приписных — 1 священник и 1 диакон. Всем иеромо-

нахам, иеродиаконам, монахам, диакону "жалованья как денежного, так и хлебного за неимением казенных не производитца, а довольствуютца мирским подаянием".

Около монастыря располагалась слободка, в которой, по второй ревизии 1744 г., числилось крестьян 41 душа муж. пола, из них при монастыре находились: двое — в поварах, один — в конюхах, один — скотник. За выполняемую работу "оным как денежного, так и хлебного жалованья не производится, а довольствуютца монастырских хлебов". На монастырский сенокос ежегодно высылалось от слободки "пеших работников по 24 и с лошадьми, которые бывают на тех сенокосах недель по 5 и больше". Ежегодно поставлялось в монастырь от слободки 200 возов дров, 3 четверти хмеля.

Основные доходы монастыря составляли добровольные пожертвования прихожан и средства, выручаемые от хождения с чудотворной иконой Святителя Николая по городам и служения молебнов (с 1713 г.).

1. РГАДА. Ф. 280, оп. 3, е. х. 322. Офицерские списки.
2. РГИА. Ф. 218, оп. 4, е. х. 865.
Дело об обвале купола и арок в строющейся церкви в Николаевском монастыре в г. Карачеве Орл. губ.
3. РГИА. Ф. 796, оп. 38, д. 427.
По доношению Московской епархии Карач. у. Николаевского Одрина монастыря игумена Гавриила с братиею о выдаче к построению и украшению погоревшей соборной Николаевской каменной церкви...
4. Свящ. Стефан Красовский. "Краткий исторический очерк Одрино Николаевского монастыря" в "Орловских епархиальных ведомостях". 1872, №№ 23, 24.

С. Ю. ГРИДИН (Брянск)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИОСОФИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Историософия Ф. И. Тютчева рассматривается нами не только как статьи с определенным смыслом. Но и сам автор, особенности личности которого вольно или невольно формировали этот смысл, отбирая из прошлого и настоящего что-то одно и опуская другое.

Современники, за редким исключением, не воспринимали Тютчева как поэта, и сам он не придавал литературным опытам особого значения (достаточно вспомнить его спокойное отношение к сожженным по ошибке черновикам со стихами). Для тютчевских писем характерно полное отсутствие рефлексии художника, а поэтические темы находятся на периферии его эпистолярного наследия.

Что же было для него главным?

Наиболее значимым полем деятельности для Тютчева являлась политика, во многом определявшая его интересы и творчество, и

послужившая основой для историософских построений. Карьера дипломата не удалась. Мысль об этом, вероятно, тяготила его. Неудачи по службе сопровождались неустроенностью в личной жизни: смерть жены, большая семья, постоянные долги. До самого зрелого возраста он так и не смог проявить себя, хотя знавшие его, при всем различии в оценках, отдавали должное уму и блестящим способностям.

Главная проблема была в реализации данных способностей, чему мешал, прежде всего, сам Тютчев. Его леность и нелюбовь к серьезному регулярному труду стали "притчей во языцах" в кругу семьи и считались своеобразным родовым качеством братьев Тютчевых.

В письме к И. С. Гагарину от 2 мая 1836 года он дает оценку своего характера: "Я аполог, притча, предназначенная к тому, чтобы доказать отвратительные последствия лени. Ибо в конце концов в этой проклятой лени заключается вся суть дела. Она постепенно взращивала мое молчание и наконец, придавила меня им, словно лавиной" (1).

Сомнения в собственных силах, "отвращение ко всему, невероятная разочарованность в мире, и, главное, в самом себе" (2) сочетались с честолюбивыми мечтами, которые не давали Тютчеву окончательно погрузиться в меланхолию, но одновременно будоражили семейную жизнь. Первая жена поэта — Элеонора Федоровна, писала: "Я заставила бы Теодора забыть свои честолюбивые мечты или по крайней мере, добилась бы того, чтобы они не омрачали нашу жизнь". (3)

Все это, наряду с другими факторами, возможно, подтолкнуло Тютчева к написанию ряда статей на политико-исторические темы. Появилась своеобразная "отдушина" для мечтаний.

Как нам представляется, историософские "штудии" служили не только решению какого-либо политического или исторического вопроса, но и являлись своеобразной моделью, на которой автор пытался разрешить собственные проблемы. Подтверждает это схожесть инвариантных сюжетов как лирики, так и публицистики. Для инвариантного сюжета лирики, подробно разобранного Ю. М. Левиным (4), характерны два состояния героя (субъекта). Одно — негативное, как данность, другое — состояние блаженства. Герой пытается перейти из первого во второе. Переход осуществляется или следует крах.

Своеобразной причиной такого стремления выступает "жажда преобразования" (самоизменения). В политико-исторических работах также можно найти вышеуказанные состояния. Первое адекватно европейскому миру с его эгоизмом, революциями и разъединенностью. Второе — будущая Российская империя в виде вселенской монархии. Современная автору Россия, как и герой его лирики, стремится достичь лучшего состояния (блаженства) через целостность. Здесь прослеживается попытка Тютчева преодолеть столь свойственный ему и его произведениям дуализм. Не отсюда ли стремление к Богу,

как к абсолюту (целостности), и к империи, как к полной государственной тотальности?

Перенося личные проблемы в политические произведения, Тютчев наделял человеческими свойствами основные категории своей историософии. В то время персонификация выступала как стилистический стереотип. Но для Тютчева характерна очень большая концентрация персонифицируемых понятий в сравнительно небольших по объему текстах, что явно выделяется на общем фоне.

Категории тютчевской историософии (страна, империя, государство, церковь, революция и т. д.) "обнимаются", "ходят", "останавливаются", "возвращаются". Им присущи такие качества, как "убеждения" и "бескорыстие", "откровенность" и "усердие", "чувство вины" и "осознание". Неудивительно, что в конце концов категории вступают в диалог друг с другом.

Многие фрагменты из политических статей напоминают частные письма поэта, где обсуждаются те или иные его приятели. Таким образом, вся система отношений между субъектами тютчевской историософии, с ее религиозными и политическими конфликтами, представляет собой своеобразную драму или водевиль из жизни какого-либо семейства. В ней присутствуют свои положительные и отрицательные герои, есть свой "урод" (Польша). Оно существует на фоне статистов, роль которых занимают турки, протестанты, мадьяры, т. д. Как схожа эта театрализация истории с увлеченностью поэта театром, о которой писали современники. Весь окружающий мир был для Тютчева сценой, главное для него, по словам И. С. Гагарина, выбрать поудобнее ложу и наблюдать за игрой людей—актеров, "анатомируя" их души (5). В политических работах Тютчев не был просто наблюдателем, его задача усложнялась необходимостью режиссуры.

Одним из главных ее вопросов был вопрос о соотношении эгоизма, своеволия (государственного или человеческого) и провидения, закономерности, предопределения. Именно из-за своеволия Тютчев отвергает революцию, которая в свою очередь — результат эгоизма, давлеющего над всей западноевропейской историей. В противовес Западу, Россия есть целостное ее начало. На ее стороне провидение и Бог.

Таким образом, в истории автор пытается выбрать между объективным и субъективным, между своеволием и провидением, разъединенностью и целостностью. Отсюда и его вопрошание: "Ужели правда, что для целых народов еще более чем для отдельных личностей существует злополучная судьба, неумолимая, неизгладимая? Следует ли верить, что она преисполнена таких стремлений, которые сильнее всякой воли..." (6).

"Папа отчаевается, ибо палагает будто мир движется идеями и произволом людей", — резонно замечает А. Ф. Тютчева (7).

Для нас интересно именно сочетание данной проблемы и личности автора. Допустим, что "мир движется произволом людей", следовательно, неудачам в жизни и в политической карьере Тютчева, обусловленным его "ничегонеделанием", нет оправданий. Коли наоборот, судьба давлеет над всем, то это могло служить своеобразным утешением для неудачника. Если все предопределено, то какой смысл в своеволии и активной деятельности? Такой гипотический ответ мог оправдать жизнь Тютчева прежде всего в его собственных глазах.

Нужно сказать, что с этим связана и его мысль о неизбежности победы России, ведь за нее — провидение и история ("истинный защитник России — это история" (8). В свою очередь умирает все, что связано со своеволием, эгоизмом, разъединением и, следовательно, "разложением" (революция, Западная Европа). Не отсюда ли персонификация, когда в своих политико-исторических произведениях автор моделирует ситуацию, помогающую ему как-то наметить пути преодоления своих проблем.

На наш взгляд, вопросы, стоявшие перед Тютчевым, во многом остались без ответов. Перебороть себя он так и не смог. В дальнейшем его жизнь проходит между двумя полюсами. Один — это стремление, пусть и не к формальной, политической карьере в "теневом" кружке канцлера Горчакова. Другой выражен в следующих строках:

"Не рассуждай, не хлопочи!...
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.
Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!"

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тютчев Ф. И. Письма к разным лицам / Литературное наследство, 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 505.
2. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Литературное наследство, 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 191.
3. Там же. С. 188.
4. Левин Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Тютчевский сборник. Таллин, 1990. С. 142—207.
5. Тютчев в Мюнхене / Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 48.
6. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Спб., 1913. С. 282.
7. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Литературное наследство, 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 265.
8. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Спб., 1913. С. 280.

А. М. ЛУФЕРОВ, С. Н. БИРЮКОВ (Москва, Погар)

СОЛ ЮРОК — ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИМПРЕСАРИО ИЗ ПОГАРА

Личность Сола Юрока до сих пор вызывает огромный интерес в США и России. Его жизнь и деятельность являются историей культурных связей между нашими народами. К сожалению, в нашей стране о Юроке известно очень мало, в то время как в США о нем написано несколько книг и снят фильм "Сегодня вечером мы поем". Тем не менее детские и юношеские годы, судьбы членов семьи Юрока, его связи со своей малой родиной — Погаром, остаются во многом и сейчас загадкой для его биографов. Материалы автобиографии, хранящиеся в Нью-Йоркской академической библиотеке, с которыми нас познакомил американский профессор Харлоу Робинсон, анализ статей зарубежной и отечественной периодики 60—70-х гг., воспоминания деятелей культуры и людей, лично встречавшихся с Солом Юроком, позволяют нам несколько расширить рамки биографических сведений о легендарном импресарио.

Выдающийся музыкальный деятель Америки, импресарио Сол Юрок родился в 1888 г. в заштатном г. Погаре Стародубского уезда Черниговской губернии. Его полное имя — Соломон Израилевич Гурков. Его отец, И. Д. Гурков, был выходцем из латышских евреев, переселившихся в Погар в середине XIX в. Мать происходила из бедной еврейской семьи из г. Почепа. В семье было 19 детей, но до взрослых лет дожили не все: по одним данным — девять, по другим — семь детей и среди них Соломон. Несмотря на то, что отец был купцом, Гурковы жили небогато, семья часто испытывала нужду.

В 1906 г., по одной из версий — после ссоры с отцом, Соломон ушел из дома. С ним самовольно ушла и его невеста Фаина Шапиро, дочь известного в округе торговца табаком. С помощью знакомого погарца они попадают в США. Там они женятся, и Соломону, чтобы прокормить семью, приходится трудиться на самых различных работах. В это время он сближается с лидерами рабочего и профсоюзного движения и начинает организовывать концерты на рабочих митингах, собраниях и профсоюзных праздниках. Постепенно это его увлекает, и с 1913 г. он становится импресарио и меняет свое имя на Сол Юрок. Он открывает американскому зрителю ряд блестящих имен, среди которых А. Павлова, Ф. Шаляпин. В 1922 г. Юрок организует приезд в США Айседоры Дункан и С. Есенина.

С начала 30-х годов Сол Юрок периодически приезжал в СССР, пытаясь наладить культурный обмен между нашими странами. Но только в 1958 г. он организует гастроли в США ансамбля народного танца И. Моисеева. С этого времени Сол Юрок с неизменным успехом представляет американскому зрителю блестящие имена: Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, Людмила Зыкина; балетные труппы и оркестры Большого и Кировского театров и др. прославленные коллективы. Параллельно он организовывал гастроли американских артистов в СССР.

Вызывают интерес сведения о попытках Сола Юрока посетить во время приездов в СССР свою малую родину — Погар. Удалось выяснить, что в 1930 г., во время его первого приезда в СССР, сталинское руководство под каким-то предлогом не разрешило Юроку побывать в Погаре, но дало разрешение встретиться с родными в г. Минске, где он и повидал, спустя 24 года, свою мать, братьев и сестер. Второй раз Юрок пытался посетить Погар с целью установления надгробий на могилах родных в 60-е годы. Но брежневское окружение вновь не разрешило ему это осуществить.

Трагически сложилась судьба у большинства его родных. Отец, И. Д. Гурков, был репрессирован в начале 1930 г. как "кулак" и умер в тюрьме от инфаркта. Мать и две сестры умерли в конце 30-х годов и похоронены на еврейском кладбище в слободе Веркеевка в Погаре. К сожалению, в настоящий момент кладбище практически разрушено. Семьи братьев Юрока — Ильи, Иосифа — и сестры Эсфири расстреляны немцами в 1941 г. во время оккупации Погара и Стародуба. В настоящий момент в г. Москве проживает племянница С. Юрока — Р. Е. Корабельникова. В США до недавнего времени еще была жива Руфь — дочь Сола Юрока от первого брака с Ф. Шапиро. Внук Юрока — известный в Голливуде кинорежиссер.

Последние годы жизни Юрока были омрачены постоянными провокациями и терактами со стороны экстремистских организаций типа Лиги защиты евреев. В первых числах марта 1974 г. он скоропостижно скончался от сердечного приступа.

В историю мировой культуры Сол Юрок вошел не только как самый выдающийся импресарио 20-го века, но и как "Посол дружбы", посвятивший 60 лет своей творческой деятельности налаживанию культурных связей между Россией и Америкой.

В. М. ПУСЬ (Брянск)

ИЗРАЗЦЫ МАЛОРОССИЙСКОЙ ЧАСТИ БРЯНЩИНЫ

Целью данного исследования явилось изучение изразцового искусства малороссийской части Брянщины. Материалом послужили изразцы, обнаруженные как местными жителями, так и в ходе археологических работ в гг. Стародубе, Почепе, Погаре, с. Синин Погарского района. Всего найдено около 250 фрагментов изразцов и хранятся они в настоящее время в районных музеях, в Брянском областном краеведческом музее и музее исторического факультета БГПИ.

По способу расположения в печи преобладают, в основном, стенные изразцы. В меньшем количестве обнаружены карнизовые и перемычки. Большая часть изразцов — терракотовые, а муравленых, полихромных и бело-синих изразцов (в основном из г. Стародуба) обнаружено меньше.

Почти все изразцы удалось сгруппировать в следующем хронологическом порядке:

Изразцы второй половины XVI — начала XVII вв.

Изразцы этого времени очень плохо сохранились. Им свойственна квадратная румпа, хотя она плохо сохранилась в найденных фрагментах изразцов. Высота рельефа доходит до 0,7 см. Изразцы эти, в основном, терракотовые (II;1) и сделаны из красной или желтой глины. Они украшены растительным и реже — геометрическим орнаментом. Это роднит их с украинскими (черниговскими) изразцами того времени, хотя есть некоторые черты сходства и с изразцами Центральной России.

Изразцы начала — середины XVII века.

Среди изразцов этого времени есть как терракотовые, так и покрытые зеленой глазурью различных оттенков: светло-зеленой, темно-зеленой, а также поливой коричневого цвета. Сюжеты этих изразцов: стилизованные изображения птиц, зверей, людей; звезда Давида, всадник с копьем в руках (I;1). Эти изображения характерны для изразцов Украины (Чернигова). А изразцы с двуглавым орлом более характерны для изразцов Центральной России (I;3). У этих изразцов имеется отступающая от края румпа.

Примерно в это время на рассматриваемой территории зарождается местное производство изразцов.

Изразцы второй половины XVII века.

Это терракотовые, муравленые (I;4) и полихромные изразцы. Они имеют отступающую от края румпу и рельеф высотой до 0, 3 см. Сюжеты, в основном, растительного характера: побеги растений, цветы, листья дуба; есть изображения геральдического щита. Эти черты присущи изразцам как Украины, Белоруссии, так и России.

Изразцы конца XVII — середины XVIII вв.

На данной территории они представлены терракотовыми; с зеленой поливой, полихромными рельефными (II;2, 4), покрытыми разноцветными эмалями: зеленой (I;5, 6), желтой, коричневой, белой. У этих изразцов румпа, отступающая от края; рельеф постепенно исчезает и уже более поздние изразцы становятся гладкими и расписными.

Сюжет узора изразцов этого периода — растительный (растения, побеги) и очень мало геометрического орнамента. Иногда рельеф представлял собой переплетающиеся круги со стилизованным цветком внутри, что очень характерно для изразцов Украины того времени.

В XVIII веке было уже хорошо развито местное производство изразцов. Так, в начале XVIII века в г. Стародубе работал мастер Авраам Жуков, который изготавливал изразцы, преимущественно, с монохромной росписью.

Изразцы середины — конца XVIII века.

В это время на рассматриваемой территории продолжалось производство терракотовых, муравленых, полихромных изразцов с невысоким рельефом (II;3), а к середине XVIII века полихромные изразцы становятся гладкими, расписными. Появились, вероятно, и привозные изразцы, изготовленные из белой глины, с гладкой лицевой пласти-

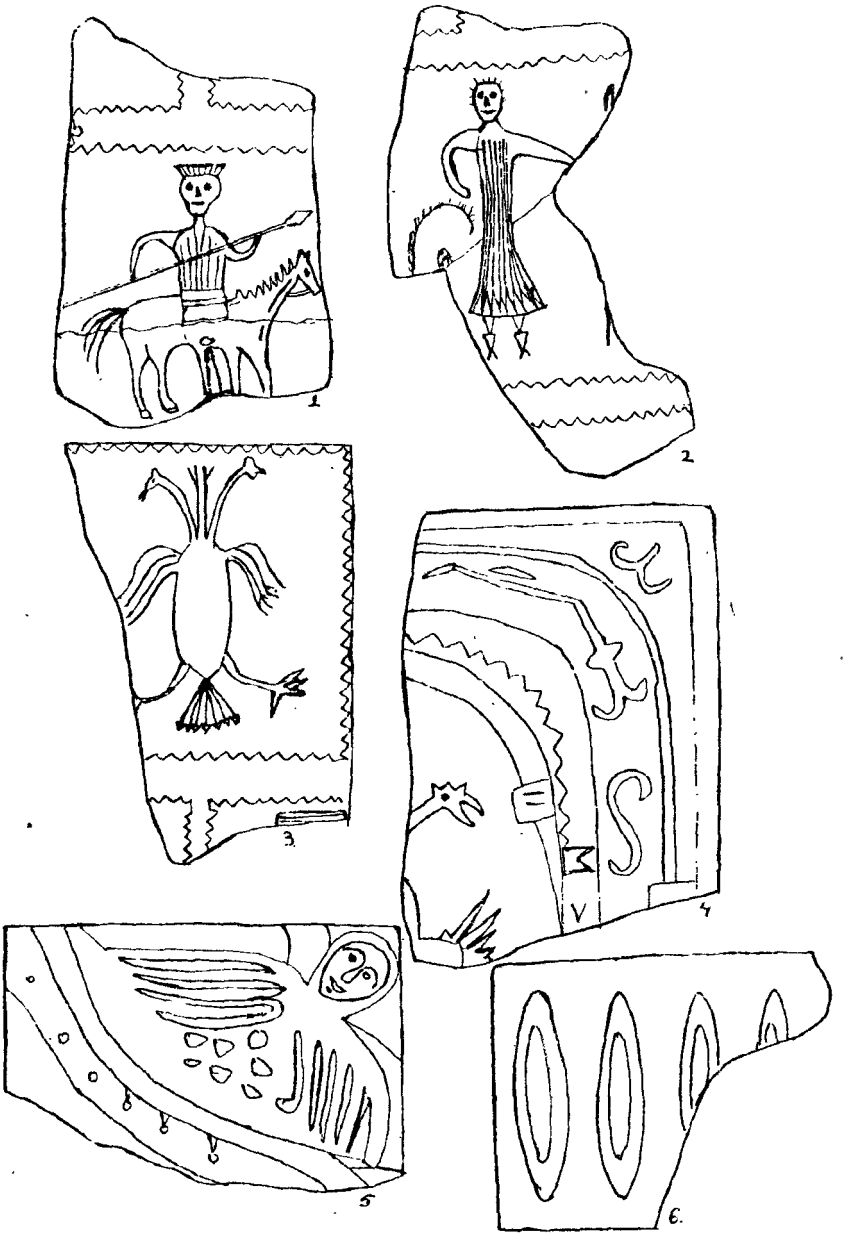


Рис. 1

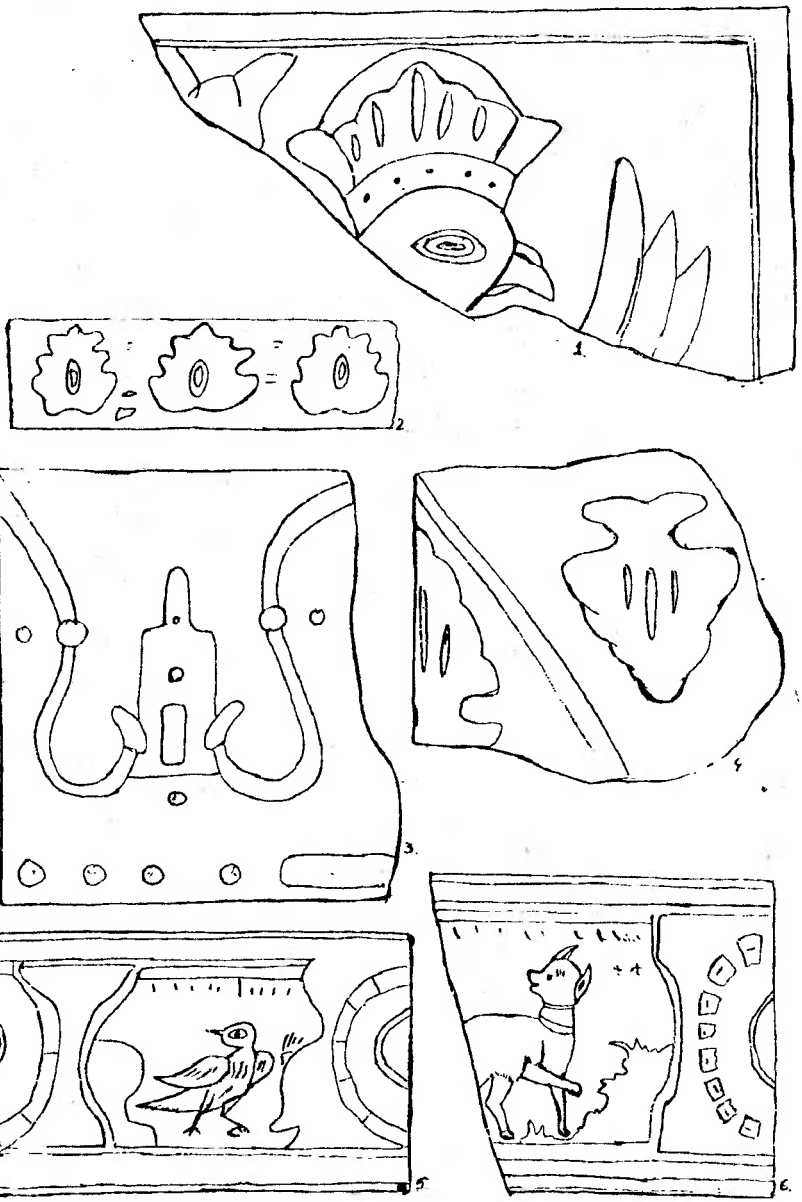


Рис. 2

ной, покрытой бело-синей росписью. Сюжеты этих изразцов — птицы (II;5), люди, животные (II;6), растения. Подобные изразцы изготавливались в начале XVIII в. в Белоруссии.

Таким образом, изразцы этого времени на рассматриваемой территории имели много общих черт (размер, сюжет, тип) как с украинскими и белорусскими изразцами, так и в немалой степени с изразцами Центральной России.

Итак, можно сделать вывод, что на изразцовое искусство малороссийской части современной Брянщины повлияло вхождение ее в состав Малороссии, а отсюда и большое сходство изразцов этой территории с украинскими изразцами, а также повлияло и соседство ее с Белоруссией и Центральной Россией.

УКАЗАТЕЛЬ

I.1, 2, 3 — Погар. Изразцы терракотовые. Начало — середина XVII в.
I.4 — Погар. Изразец муравленый. II пол. XVII в.
I.5 — Стародуб. Изразец муравленый. Кон. XVII в. — нач. XIII в.
I.6 — Погар. Изразец муравленый. Кон. XVII в. — I пол. XVIII в.

II.1 — Старопочепье. Изразец терракотовый. Нач. XVII в.
II.2 — Стародуб. Изразец полихромный. Кон. XVII в. — I пол. XVIII в.
II.3 — Стародуб. Изразец полихромный. Сер. — кон. XVIII в.
II.4 — Погар. Изразец полихромный. Кон. XVII в. — I пол. XVIII в.
II.5 — Стародуб. Изразец бело-синий. Сер. — кон. XVIII в.
II.6 — Стародуб. Изразец бело-синий. Сер. — кон. XVIII в.

С. В. ЧЕРНЫШОВ (Брянск)

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕКОРА КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ, КАК ЭЛЕМЕНТА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Прежде чем дать обзор исследования декора, необходимо хотя бы кратко определить место крестьянской (народной) культуры в общей системе русской культуры. Эта система достаточно сложна и разветвлена. Она включает в себя как культуру господствующего класса — феодалов, так и культуру угнетенного класса — крестьянства. Соотношение этих культур постоянно меняется. Но именно крестьянская культура явилась основой русской культуры. Она постоянно влияла на нее, обогащая ее новыми темами и идеями. Но было и обратное влияние.

Крестьянская культура впитала в себя элементы древней истории народа, явилась своего рода коллективной памятью. Например, фольклор, по сути, является всеобщей исторической памятью народа за все время его существования. В фольклорном произведении нельзя оторвать прошлое от настоящего. Фольклорное произведение говорит

одновременно и о том, что было много веков тому назад, и о том, что волнует народ в наши дни.

Другим элементом крестьянской культуры является жилище. Крестьянское жилище изучено сравнительно неплохо. Его исследованием занимались археологи, социологи, этнографы, искусствоведы. По материалам исследований были выпущены многочисленные статьи и монографии.

Современное традиционное жилище сложилось к середине XIX в. Разнообразие природных особенностей, различие социальных, экономических и исторических условий привели к созданию различных типов жилища.

В исследовании традиционного жилища выделяют ряд элементов:

а) строительная техника.

б) планировка жилища и надворных построек.

в) украшение, декорирование жилища.

Идея охраны жилища при помощи магических знаков возникла в глубокой древности и просуществовала очень долго. Но не только вера в волшебную силу изображений придавала последним значимость. В них люди запечатлевали и передавали своим современникам и потомкам, как им казалось, жизненно важную информацию. В результате эти символы приобретали значение родовой памяти и связи членов общества.

Когда первоначальный смысл древних символов был забыт, эти изображения продолжали применять как необходимые, хотя и не отдавая себе отчет в том, в чем, собственно, их необходимость. Они стали выполнять эстетическую функцию и служить в качестве украшений.

Символика декора была не однородна. Были и доброжелательные знаки, на значение которых — привлекать в дом счастье, обеспечить хороший урожай; были и знаки, смысл которых заключался в стремлении отгородиться от нечистых духов, враждебных сил природы — охранительные символы. Подобные символы тесно переплелись в деревянной резьбе Брянской области.

Деревянная резьба на территории Брянской области не столь ярка и красочна как резьба Верхнего Поволжья. Именно эта простота и объясняет то, что территория края долгое время не исследовалась этнографами.

Ряд этнографических экспедиций, проведенных студентами БГПИ в 80—90 гг., позволил восполнить данный пробел.

На территории Брянской области декор традиционного жилища представлен, в основном, украшением наличника. Все наличники можно условно разделить на несколько типов. В основе классификации лежит наиболее повторяющийся мотив орнамента. Брянская область условно делится на три зоны. Каждая зона выделяется присущим только ей своеобразным мотивом декора. Это следующие зоны:

I. Брянская зона, включающая Брянский, Дятьковский, Рогнедин-

ский, Карачевский, Выгоничский (до р. Навля) районы. В зоне господствуют антропоморфные, геометрические и орнитоморфные мотивы.

II. Новозыбковская зона — Красногорский, Гордеевский, Злынковский, Климовский, Суражский районы. Господство зооморфных, орнитоморфных мотивов, встречается домовая резьба с мифическими мотивами.

III. Стародубская зона —Стародубский, Почепский, Погарский, Трубчевский районы. Полное господство геометрических мотивов.

Между Новозыбковской и Стародубской зонами находится смешанная зона, порядка 20—35 км в ширину. В этой зоне мы можем наблюдать мотивы декора, характерные как для одной, так и для другой зоны.

Антропоморфные мотивы представлены изображением человека, который находится либо в центре композиции, либо в виде хоровода. Расположенная в центре фигура человека обозначает богиню плодородия, рожаницу или Рода, — одного из древних божеств славян.

Зооморфные мотивы — это изображение животных на наличнике. Причем изображения всегда симметричны. Если изображаются домашние животные, то головы почти всегда направлены к центру композиции. Если же изображено мифическое животное — дракон, — то голова направлена в сторону, обратную от центра.

Орнитоморфный — мотив с использованием растительного орнамента в виде вьющихся ягод, цветов.

Геометрический орнамент представляет изображение ромба, солярных знаков, городков, полукружий, которые, будучи расположены в определенном ритмическом порядке, создавали сложные композиции.

Исследуя декор жилища, можно предположить, что корни многих мотивов декора уходят в глубокую древность, к периоду расселения славянских племен и соответствуют границам расселения племенных союзов славян.

Однако исследования рано считать завершенными.